

Киево-Печерский патерик

"Жития и подвиги святых Киево-Печерской Лавры"

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО 1

О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. СЛОВО 3

О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. СЛОВО 4

ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ, СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 8

НЕСТОРА, ИНОКА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 10

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНАСТЫРЬ КОТОРОГО В БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ. СЛОВО 11

О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12

О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДЕЛ СВЯТОГО ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦАМ АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНЬЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНЬЕ. СЛОВО 22

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА. СЛОВО 25

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

СЛОВО 27. И О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

О ПРОХОРЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА,
МОЛИТВОЮ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ КОТОРОГО МЕРТВЫЕ
СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦЕ.
СЛОВО 34

О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ
ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТИНЯНАХ. СЛОВО 37

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА,
АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38

Патерик Печерский,

посвященный созданию церкви, чтобы знали все, как

Самого Господа промыслом и волею

и Его Пречистой Матери молитвой и благоволением

создалась и свершилась боголепная, небу подобная, великая Печерская
церковь Богородицы, архимандрития всей Русской земли, которая является
лаврой святого и великого отца нашего Феодосия

СЛОВО 1

Благослови, отче.

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, который потерял свой золотой плащ, сражаясь на стороне Ярослава с лютым Мстиславом. У этого Африкана было два сына — Фриад и Шимон. Когда умер их отец, Якун изгнал обоих братьев из их владений. И пришел Шимон к благоверному князю нашему Ярославу; тот принял его, держал в чести и отослал его к сыну своему Всеволоду, чтобы был он у него старшим, и принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона такова к святому тому месту.

Во время княжения благоверного и великого князя Изяслава в Киеве, когда пришли в 6576 (1068) году половцы на Русскую землю и пошли трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — навстречу им, с ними был и этот Шимон. Когда же пришли они к великому и святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ожидающую их погибель без утайки предсказал. Варяг же этот пал в ноги старцу и молил, чтобы уберечься ему от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О чадо! Многие падут от острия меча, и, когда побежите вы от врагов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, будете тонуть в воде; ты же, спасенный там, будешь положен в церкви, которую здесь создадут».

И вот, когда они были на Альте, сошлись оба войска, и по Божию гневу побеждены были христиане, и, когда обратились в бегство, были убиты воеводы и множество воинов в этом сражении. Тут же и раненый Шимон среди них лежал. Взглянул он вверх на небо и увидел церковь превеликую — такую, какую уже прежде видел на море, и вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! Избавь меня от горькой этой смерти молитвами пречистой твоей Матери и преподобных отцов Антония и Феодосия!» И тут вдруг некая сила исторгла его из среды мертвецов, он тотчас исцелился от ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

И возвратился он к великому Антонию, и поведал ему историю дивную, так говоря: «Отец мой Африкан сделал крест и на нем изобразил красками богомужное подобие Христа, образ новой работы, как чтут латиняне, большой величины — в десять локтей. И воздавая честь ему, отец мой украсил чресла его поясом, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову возложил венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его и услышал глас от образа; обратившись ко мне, он сказал: “Никогда не возлагай этого венца, человече, на свою голову, неси его на уготовленное ему место, где созидается церковь Матери моей преподобным Феодосием, и тому в руки передай, чтобы он повесил над жертвенником моим”. Я же упал от страха и, оцепенев, лежал как мертвый; затем, встав, я поспешно взошел на корабль.

И когда мы плыли, поднялась буря великая, так что все мы отчаялись в спасении, и начал я взывать: “Господи, прости меня, ибо ради этого пояса погибаю за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа!” И вот увидел я церковь наверху и подумал: “Что это за церковь?” И был свыше к нам голос, говорящий: “Которая будет создана преподобным во имя Божией Матери, в ней же и ты положен будешь”. И видели мы ее величину и высоту, если измерить ее тем золотым поясом, то двадцать локтей — в ширину, тридцать — в длину, тридцать — в высоту стены, а с верхом — пятьдесят. Мы же все прославили Бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. И вот доньше не знал я, где создастся церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я уже находился при смерти, пока не услышал я из твоих честных уст, что здесь меня

положат в церкви, которая будет создана». И, вынув золотой пояс, он отдал его, говоря: «Вот мера и основа, этот же венец пусть будет повешен над святым жертвенником».

Старец же восхвалил Бога за это и сказал варягу: «Чадо! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же блаженного Феодосия, Антоний сказал: «Симон, вот он хочет такую церковь построить», и отдал Феодосию пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много денег на устройство монастыря.

Однажды этот Симон пришел к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Отче, прошу у тебя дара одного». Феодосии же спросил его: «О чадо, что просит твое величие от нашего смирения?» Симон же сказал: «Великого, выше силы моей, прошу я от тебя дара». Феодосии же ответил: «Ты знаешь, чадо, убожество наше: часто и хлеба недостает в дневную пищу, а другого не знаю, что имею». Симон же сказал: «Если захочешь одарить меня, то сможешь по данной тебе благодати от Бога, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он мне сказал: “Неси на приготовленное место и отдай в руки преподобному, который строит церковь Матери моей”. Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти твоей и моей». И отвечал святой: «О Симон, выше силы прошение твое, но если ты увидишь меня, отходящего отсюда, из мира этого, и если по моем отшествии церковь эта устроится и данные ей уставы будут соблюдаться в ней, то, да будет тебе известно, что имею я дерзновение у Бога, теперь же не знаю, доходит ли моя молитва».

Симон же сказал: «От Господа было мне свидетельство, я сам слышал о тебе это из пречистых уст святого его образа, потому и молю тебя — как о своих черноризцах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же, обещавши ему это, сказал: «Не о них единых молюсь я, но и обо всех, любящих это святое место ради меня». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Не уйду, отче, от тебя, если писанием своим не удостоверишь меня».

Преподобный же, побуждаемый любовью к нему, написал так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», что и доныне вкладывают умершему в руку такую молитву. И с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершим, прежде же никто не делал этого на Руси. Написано же было и это в молитве: «Помяни меня, Господи, когда придешь во царствие твое, чтобы воздать каждому по делам его, тогда, Владыка, и рабов своих, Симона и Георгия, сподоби справа от тебя стать, в славе твоей, и слышать благой твой глас: “Придите, благословенные Отцом моим, наследуйте уготованное вам царство от создания мира”».

И попросил Симон: «Прибавь к этому, отче, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосии же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона, и да узрите вы благодать Иерусалима во все дни жизни вашей и до последнего в роду вашем!» Симон же принял молитву и благословение от святого как некую драгоценность и дар великий. Тот, кто прежде был варягом, теперь же благодатью Христовой стал христианином, просвещенный святым отцом нашим Феодосием, оставил он латинское заблуждение и истинно уверовал в Господа нашего Иисуса Христа со всем домом своим, около трех тысяч душ, и со всеми священниками своими, ради чудес святых Антония и Феодосия. Этот Симон был первым погребен в той церкви.

С тех пор сын его Георгий великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и поручил ему сына своего Георгия.

Спустя много лет сел Георгий Владимирович в Киеве, тысяцкому же своему Георгию, как отцу родному, поручил землю Суздальскую.

О ПРИХОДЕ МАСТЕРОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЗ ЦАРЬГРАДА К АНТОНИЮ И ФЕОДОСИЮ. СЛОВО 2

И это вам, братья, расскажу другое дивное и преславное чудо о той богоизбранной церкви Богородичной.

Пришли из Царьграда четыре мастера церковных, люди очень богатые, в пещеру к великому Антонию и Феодосию, говоря: «Где хотите ставить церковь?» Те же им ответили: «Там, где Господь место обозначит». Пришедшие же сказали: «Как же так, — свою собственную смерть предвидя, — места еще не назначили, столько золота вручив нам?» Тогда Антоний и Феодосии, призвав всю братию, стали спрашивать греков, говоря: «Скажите истину: как это было?»

Мастера же эти рассказали: «Однажды, когда мы еще спали в домах своих, рано, на восходе солнца, пришли к каждому из нас благообразные скопцы, говоря: “Зовет вас царица во Влахерну”. Когда же мы пошли, взяв с собою друзей и ближних своих, то пришли все в одно время к царице и рассудили, что одно и то же повеление царицы слышал каждый из нас и одни и те же посланцы были у нас. И вот увидели мы царицу и множество воинов при ней, мы поклонились ей, и она сказала нам: “Хочу церковь построить себе на Руси, в Киеве, повелеваю же это вам, возьмите золота себе на три года”. Мы же, поклонившись, сказали: “О госпожа царица! В чужую страну посылаешь ты нас, — к кому мы там придем?” Она же сказала: “К ним посылаю, к Антонию и Феодосию”. Мы же сказали: “Зачем же, госпожа, на три года золота даешь нам? Им и прикажи о нас, чтобы на пропитание от них нам было потребное, а одаришь нас, чем сама захочешь”. Царица же сказала: “Сей Антоний, только благословив, отойдет из этого мира на вечный покой, а сей Феодосии через два года после него отойдет к Богу. Вы же возьмите золота с избытком, а что до того, чтобы почтить вас, то не может так никто, как я: дам вам, чего и ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило. Я и сама приду посмотреть церковь и в ней буду жить”. Дала она нам и мощи святых мучеников: Артемия и Полиевкта, Леонтия и Акакия, Арефы, Якова, Феодора, сказав нам: “Это положите в основание”. Мы же взяли золота с избытком. И сказала она нам: “Выйдите наружу, посмотрите церковь”. И увидели мы церковь на небе, и, вернувшись, поклонились ей, и спросили: “О госпожа царица, каково имя церкви?” Она же сказала: “Хочу ее своим именем назвать”. Мы же не посмели ее спросить: “Как твое имя?” Она же сказала: “Богородицына будет церковь”, и дала нам эту икону, говоря: “Она будет наместной”. Мы же, поклонившись ей, пошли в дома свои, неся эту икону, полученную из рук Царицы».

И тогда все прославили Бога и ту, которая его родила. Антоний же ответил: «О чада, мы никогда не выходили из места сего». Греки же клятвенно заверили: «Из ваших рук взяли мы золото перед многими свидетелями, и до корабля с ними вас проводили, и через месяц после вашего ухода отправились в путь; и вот сейчас десятый день, как мы вышли из Царьграда. Спрашивали мы Царицу о величине церкви, и она сказала нам: “Я меру послала — пояс Сына моего, — по его повелению”».

И отвечал Антоний: «О чада, великой благодати Христос удостоил вас, ибо вы его воли вершители. Звавшие же вас, те благообразные скопцы — пресвятыя ангелы, а царица во Влахене — сама, зримо явившаяся вам, пресвятая, чистая и непорочная владычица наша, Богородица и приснодева Мария, стоявшие же при ней воины — бесплотные ангельские силы. Подобные же нам, и данное вам золото — то Бог ведает, так как он сам сотворил и свершил это со своими рабами. Благословен приход ваш, и добрую спутницу имеете вы, эту честную икону Госпожи, и она даст вам, как обещала, чего ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило: этого никто не может дать, кроме нее и сына ее, Господа Бога и спасителя нашего Иисуса Христа, пояс которого и венец, принесенные сюда варягами, и являются мерой ширины, и длины, и высоты той пречестной церкви, — голос с неба известил это от великой славы».

Греки же со страхом поклонились святым и сказали: «Где то место? Покажите». Антоний же сказал: «Три дня будем молиться, и Господь обозначит нам». И в первую ночь, когда он молился, явился ему Господь и сказал: «Обрел ты благодать передо мной». Антоний же сказал: «Господи, если я обрел благодать перед тобой, пусть будет по всей земле роса, а место, которое тебе угодно освятить, пусть будет сухо». Наутро нашли сухим то место, где ныне церковь стоит, а по всей земле была роса. На другую же ночь, также помолвившись, Антоний сказал: «Пусть будет по всей земле сухо, а на месте святом роса». Пошли и нашли так. В третий же день, ставши на месте том, помолвившись и благословив место это, измерили золотым поясом ширину и длину. И воздел руки к небу, и сказал Антоний громким голосом: «Услышь меня, Господи, ныне отметь место огнем, пусть разумеют все, что тебе оно угодно». И тотчас пал огонь с неба и пожег все деревья и терновник, росу полизал и долину выжег, рву подобную. И все бывшие со святыми от страха упали как мертвые. Так положено было начало той Божественной церкви.

О ТОМ, КОГДА ОСНОВАНА БЫЛА ЦЕРКОВЬ ПЕЧЕРСКАЯ. СЛОВО 3

Основана же была сия божественная церковь Богородицы в 6581 (1073) году. В дни княжения благоверного князя Святослава, сына Ярославова, была заложена церковь эта, и сам он своими руками начал ров копать. Христолюбивый князь Святослав дал сто гривен золота в помощь блаженному и размеры определил золотым поясом, как повелел голос, услышанный с небес на море. В Житии святого Антония найдешь об этом подробнее. Из Жития же Феодосия всем известно, как явился столп огненный от земли до неба, иногда же облако или же радуга сходили с верха старой церкви на это место, много раз и икона переходила, — ангелы переносили ее в то место, где ей надлежало быть.

Что, братия, чудеснее этого? Перелистав все книги Ветхого и Нового заветов, нигде не найдешь таких чудес о святых церквах, как об этой: от варягов, и от самого Господа нашего Иисуса Христа, и честного его и божественного и человекообразного изображения — святой головы Христовой венец, и божественный голос слышали от Христова изображения, повелевший венец нести на уготованное место, и небесный голос велел поясом этим измерить церковь, которую видели еще до ее созидания. А из Греции икона пришла с мастерами, и мощи святых мучеников положены были подо всеми стенами, и были изображены эти святые над мощами по стенам.

Должно же нам похвалить прежде отшедших благоверных князей, и христолюбивых бояр, и честных иноков, и всех христиан православных. Блажен и преблажен, сподобившийся

погребенным быть здесь, великой благодати и милости Господней удостоится он молитвами святой Богородицы и всех святых. Блажен и преблажен, тут в помянутое записанный, ибо примет он отпущение грехов и награда небесная его не минует. Ведь сказано: «Радуйтесь и веселитесь, ибо имена ваши написаны на небесах» — церковь эта любима Богом паче небесной. Родившая его пожелала ее создать, как обещала во Влахерне мастерам, так сказав: «Приду, чтобы видеть эту церковь, хочу в ней жить». Доброе и предоброе это дело — находиться в ее святой и божественной церкви, и какую славу и похвалу обретет положенный здесь и записанный в ней в поминальные книги — перед ее очами будет он помянут всегда.

И это, возлюбленные мои, добавлю вам слово, чтобы укрепить вас. Нет того злее, чем от такого света отречься, и возлюбить тьму, и отвергнуть богонареченную церковь, оставить Богом построенную и искать людьми сотворенную за мзду от насилий и грабежей, что сама взывает к Богу на строителя своего. Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец — сам Бог, который своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сравнял на благо дома Матери своей для пристанища рабам своим. Разумейте, братья, основание и начало ее: Отец свыше благословил росой, и столпом огненным, и облаком светлым; Сын меру дал своим поясом: хотя и деревянный был крест, но Божию силою облечен; Святой же Дух огнем невещественным ров ископал, где положить основание, и на таком камне создал Господь церковь эту, что и врата адовы не одолеют ее. Так же и Богородица: на три года золота дала строителям, и своего пречистого образа икону даровала и ее наместной поставила, — от иконы этой чудеса многие свершаются.

О ПРИХОДЕ ИКОНОПИСЦЕВ К ИГУМЕНУ НИКОНУ ИЗ ЦАРЬГРАДА. СЛОВО 4

И вот еще дивное чудо, о котором расскажу вам. Пришли из того же богохранимого града Константинополя к игумену Никону иконописцы и стали говорить: «Поставь перед нами тех, с которыми мы рядились, хотим с ними тяжбу вести: нам они показали церковь малую, так мы и урядились с ними перед многими свидетелями, эта же церковь очень уж велика; вот возьмите ваше золото, а мы вернемся в Царьград». В ответ на это игумен спросил: «А кто рядился с вами?» Иконописцы же описали их внешность, сходную с обликом игумена Феодосия и Антония. И сказал им игумен: «О чада, не в силах мы показать их: десять лет тому как отошли они из этого мира, и теперь непрестанно молятся за нас, и неотступно хранят эту церковь, и заботятся о своем монастыре, и пекутся о живущих в нем».

Услышав такой ответ, греки, ужаснувшись, привели и других многих купцов, греков и кавказцев, которые пришли вместе с ними из тех земель. И сказали они: «Вот перед ними рядились мы, золото взяли из рук тех старцев, а ты не хочешь позвать их сюда. Если же они умерли, то покажи нам изображение их: пусть все увидят, те ли это?» Тогда игумен вынес перед всеми иконы их. Увидев лики святых, греки и кавказцы поклонились, говоря: «Воистину, это они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, и спасать, и охранять прибегающих к ним». И они отдали в монастырь мозаику, которую принесли было на продажу, ею теперь святой алтарь украшен.

Иконописцы же начали каяться в своем согрешении. «Когда, — говорили, — пришли мы в Канев на ладьях, то увидели в высоте эту великую церковь. И спросили мы бывших с

нами: “Какая это церковь?” И нам ответили: “Печерская, которую вы должны расписывать”. Мы же, рассердившись, хотели плыть назад. И той же ночью поднялась буря сильная на реке. Утром же, когда мы проснулись, то оказались у Треполя, и ладья сама шла вверх по течению, как будто сила некая влекла ее. Мы же с трудом удержали ее и простояли весь день, размышляя, что бы это значило, что прошли мы за одну ночь, не гребя, такой путь, какой другие в три дня с трудом проходят? На другую же ночь снова увидели мы эту церковь и чудную икону наместную, говорившую нам: “Люди, зачем напрасно мечетесь, не покоряясь воле Сына моего и моей; если не послушаетесь меня и захотите бежать, — я возьму всех вас и прямо в ладье поставлю в церкви моей. И то знайте, что вы оттуда не выйдете, но, в монастыре моем постригшись, там и скончаетесь, и я вам дарую милость в будущем веке ради строителей этой церкви, Антония и Феодосия”. Мы же, на другой день вставши, хотели плыть вниз и гребли изо всей силы, а лодка шла вверх, против течения. Тогда мы, повинувшись воле и силе Божьей, покорились, и вскоре ладья под монастырем сама пристала».

Тогда все черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили великого Бога и чудотворную икону его пречистой Матери, и святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою монахами в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свитки их и ныне лежат на полатах, и книги их греческие хранятся в память чуда.

Когда игумен Стефан, демественник, который был изгнан из монастыря, увидел преславные чудеса — как пришли мастера, и принесли икону, и рассказали о видении Царицы во Влахерне, то сам создал на Клове церковь по подобию Влахернской. Благоверный же князь Владимир Всеволодович Мономах, тогда еще юный, самовидцем был того дивного чуда, когда пая с неба огонь и выгорела яма, где потом заложено было основание церкви по размерам пояса. Слух об этом разошелся по всей земле Русской. Поэтому-то Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяславля, чтобы видеть то великое чудо. Тогда Владимир был болен, и тем золотым поясом опоясали его, и он тотчас же выздоровел молитвами святых отцов наших Антония и Феодосия.

И во время своего княжения христолюбец Владимир, взяв размеры той божественной церкви Печерской, создал во всем подобную церковь в городе Ростове: такой же вышины, ширины и длины. И он на хартии записал, где и в каком месте церкви какой праздник изображен, и все это было повторено по образцу той великой, Богом ознаменованной церкви. Сын же его, Георгий-князь, слышавший от своего отца Владимира о всем, что было с этой церковью, и сам в своем княжении построил в городе Суздале церковь в ту же меру. И все те церкви со временем разрушились; эта же, Богородицына, одна пребывает вовеки.

ОБ ИОАННЕ И СЕРГИИ ЧУДО НЕОБЫЧНОЕ В БОЖЕСТВЕННОЙ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ, СВЕРШИВШЕЕСЯ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ БОГОРОДИЦЫ. СЛОВО 5

Были два неких человека именитых из города того, друзья между собой, Иоанн и Сергий. Однажды пришли они в церковь богонареченную и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе Богородицы, и в духовное братство вступили.

Спустя много лет Иоанн разболелся, а у него оставался пятилетний сын Захария. И вот больной призвал игумена Никона и раздал все свое имущество нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию. Малолетнего же сына своего Захарию отдал на попечение другу своему, как брату верному, завещав ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда исполнилось Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Тот же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство, решившись ради этого жизнь с душою погубить, и сказал он юноше: «Отец твой все богатство свое Богу отдал, у того и проси золото и серебро: он тебе должен, может быть и помилует тебя. Я же ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему, раздав все свое имущество в милостыню, он тебя нищим и убогим оставил».

Выслушав это, юноша стал тужить о своем лишении. Обратился он с мольбой к Сергию, говоря: «Дай мне хоть половину, а половину оставь себе». Сергей же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария же стал просить третью часть и даже десятую. Наконец, видя, что он лишился всего, сказал Сергию: «Приди и поклянись мне в церкви Печерской, перед чудотворной иконой Богородицы, где ты вступил в братство с отцом моим».

Тот же пошел в церковь и, став перед иконой Богородицы, сказал, клянясь, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота; и хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. И когда выходил он из дверей, то стал вопить: «О святые Антоний и Феодосии, не велите погубить меня этому ангелу немилостивому, помолитесь святой Богородице, чтобы отогнала она от меня бесчисленных бесов, которым я предан. Возьмите золото и серебро: оно спрятано в доме моем». И страх охватил всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой святой Богородицы.

Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота: так вот удвоил Господь богатство, вознаграждая творящих милостыню. Захария же все деньги отдал игумену Иоанну, чтобы тот употребил их, как хочет. Сам же постригся и жизнь окончил здесь. На это золото и серебро построена была церковь Святого Иоанна Предтечи, где всход на полати, в память Иоанна-боярина и сына его Захарии, чьих было золото и серебро.

СКАЗАНИЕ О СВЯТОМ ЖЕРТВЕННИКЕ И ОБ ОСВЯЩЕНИИ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ. СЛОВО 6

Освящена была церковь Печерская в 6597 (1089) году, в первый год игуменства Иоанна. И не было плиты каменной для сооружения жертвенника. И долго разыскивали, кто бы мог сделать жертвенник каменный, и не нашли ни одного мастера; тогда сделали деревянную доску и положили ее. Но митрополит Иоанн не хотел, чтобы в столь великой церкви был деревянный жертвенник, и из-за этого игумен пребывал в большой печали. Прошло несколько дней, а освящения все не было. В тринадцатый день августа вошли иноки в церковь петь, по обычаю, вечерню, и увидели, что у алтарной ограды лежит каменная плита и подпоры для устройства жертвенника. Тотчас дали знать об этом митрополиту. Он же восхвалил Бога и повелел свершить освящение и вечерню.

Долго разыскивали, откуда и кем принесена была эта плита и как в церковь внесена, когда она заперта была? И всюду расспрашивали, откуда она привезена была, водой ли или по суше, и нигде не нашлось никаких следов тех, кто привез ее. Послали туда, где делаются такие вещи, три гривны серебра, чтобы мастер взял деньги за свой труд. Посланные обошли все места и не нашли мастера. Мудрый создатель и помощник всех, Бог, сотворивший это чудо, жертвенник сделал, и положил, и утвердил его руками святительскими на приношение своего пречистого тела и святой крови, возжелав, чтобы его за весь мир во все дни приносили в жертву на том жертвеннике, который сам даровал.

На другой день пришли с митрополитом Иоанном епископы: Иоанн Черниговский и Исая Ростовский, Лука Белгородский и Антоний Юрьевский, никем не званные, пришли они на чин освящения. И спросил их блаженный митрополит: «Почему пришли вы, когда вас не звали?» И отвечали епископы: «Владыка, посланец от тебя сказал нам, что четырнадцатого августа будет освящение церкви Печерской, и мы все должны быть с тобой на литургии. Мы не смели ослушаться твоего слова, и вот мы здесь». Антоний же, епископ Юрьевский, сказал: «Я был болен, и вот этой ночью вошел чернец ко мне и сказал мне: “Завтра освящается церковь Печерская, будь там”. И только что услышал я это, как сразу выздоровел, и вот я здесь по повелению твоему». И все удивились приходу епископов.

Святитель хотел разыскать тех людей, которые звали их, и вдруг раздался голос: «Да исчезнет испытывающий предначертанное!» Тогда митрополит воздел руки к небу и сказал: «Пресвятая Богородица! Как на успение свое ты со всех концов вселенной собрала апостолов, в честь своего погребения, так и ныне, на освящение своей церкви, созвала ты их заместников, наших сослужебников!»

И все в ужасе были от великих чудес. Обошли вокруг церкви трижды и начали петь: «Поднимите, врата, верхи ваши», — и не было никого в церкви, кто бы мог отпеть: «Кто есть сей царь славы?», потому что все до одного вышли из церкви. После долгого молчания вдруг из церкви раздался голос, похожий на ангельский: «Кто есть сей царь славы?» Стали искать, что это за голоса, откуда они и чьи. Когда же вошли в церковь, то двери были затворены, и ни одного человека не нашлось в ней. И стало ясно всем, что все свершается Божьим промыслом о той святой и божественной церкви.

После этого и мы скажем: «О бездна богатства и премудрости! Кто познает ум Господен или кто может быть советником ему?» Господь да сохранит вас и будет блюсти вас во все дни жизни вашей молитвами пресвятой Богородицы, и преподобных и блаженных отцов наших печерских Антония и Феодосия, и святых черноризцев монастыря того. С ними же да удостоимся и мы получить милость в этом веке и в будущем о Христе Иисусе Господе нашем, ему же слава с Отцом и со Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

НЕСТОРА, ИНОКА ОБИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, СКАЗАНИЕ О ТОМ, ПОЧЕМУ МОНАСТЫРЬ БЫЛ ПРОЗВАН ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 7

Во время княжения самодержца Русской земли, благоверного великого князя Владимира Святославича, соблаговолил Бог, чтобы появился просветитель Русской земли и наставник иноков, о котором и будет это сказание.

Жил в городе Любече некий благочестивый муж, в которого смолоду вселился страх Божий, и захотел он стать иноком. Человеколюбивый же Господь вложил в его душу желание идти в страну Греческую и там постричься в монахи. Немедля устремился он в путь, странствуя за странствовавшего и трудившегося ради нашего спасения Господа, и достиг Царьграда. И пришел он на Святую Гору, и обошел афонские святые монастыри, и, увидев эти монастыри на Святой Горе и жизнь тех святых отцов, превосходящую человеческие возможности, — оставаясь во плоти, они подражали ангельскому житию, — еще сильнее воспылал он любовью ко Христу и захотел повторить подвиги этих монахов. Пришел он в один из тамошних монастырей и умолил игумена, чтобы тот возложил на него ангельский образ иноческого чина. Игумен же, прозрев, что он свершит великие добрые дела, послушал его, постриг под именем Антония, наставив и обучив иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, в остальном подвизался в покорности и послушании, так что все радовались за него. И сказал ему игумен: «Антоний, иди снова на Русь, да будешь там и другим примером их успеха и утверждения в вере, и будет с тобой благословение Святой Горы».

Антоний же ушел на Русскую землю, и пришел в город Киев, и стал думать, где бы ему жить. Походил он по монастырям и не пожелал ни в одном из них поселиться: Бог не соблаговолил. И стал он ходить по лесам, и по горам, и по разным местам. Придя в Берестово, нашел пещеру, которую когда-то выкопали варяги, и поселился в ней, и жил в ней в великом воздержании. Через некоторое время после этого умер князь Владимир, и захватил власть безбожный и окаянный Святополк, и, сев в Киеве, стал избивать братьев своих: убил святого Бориса и Глеба. Антоний же, увидев такое кровопролитие, содеянное окаянным Святополком, снова удалился на Святую Гору.

Когда благочестивый князь Ярослав победил Святополка, то сел он в Киеве. И так как полюбил боголюбивый князь Ярослав Берестово и тамошнюю церковь Святых Апостолов, то многих священников содержал при ней. Был в ней пресвитер, именем Иларион, муж благочестивый, знаток божественного Писания и постник. И ходил он с Берестова к Днепру, на холм, где ныне старый монастырь Печерский, и здесь молился, ибо был тогда там лес дремучий. И выкопал он тут маленькую двусаженную пещерку, и, приходя из Берестова, пел псалмы, и молился Богу втайне.

И, по прошествии некоторого времени, Бог вложил в сердце благоверному великому князю Ярославу благую мысль: собрал он в 6559 (1051) году епископов и поставил Илариона митрополитом в Святой Софии, а пещерка его сохранилась.

Когда Антоний находился на Святой Горе, в монастыре, где свершилось его пострижение, то было от Бога возвешение игумену. «Отпусти, — сказал он, — Антония на Русь, нужен он там». Призвал его игумен и сказал: «Антоний! Иди снова на Русь, такова воля Бога, и будет с тобой благословение от Святой Горы, и многие от тебя черноризцами станут». И, благословив, отпустил он его, и сказал ему: «Иди с миром!»

Когда же Антоний вернулся в Киев и пришел на холм, где Иларион вырыл малую пещерку, полюбилось ему место это, и поселился он здесь. И начал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня на месте этом, и да будет благословение на нем Святой Горы и молитва отца моего, который постриг меня». И стал он жить тут, молясь Богу. Пищей же его был хлеб сухой, и воды пил в меру; и копал он пещеру, и, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, так жил в постоянных трудах, пребывая в бдении и молитвах. Потом узнали о нем люди, стали приходить к нему, принося, что было нужно. И прошла о нем слава, как о Великом Антонии, и начали приходить к нему, прося от него благословения.

Потом же, когда умер князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел на киевский стол. Антоний к тому времени уже прославился по Русской земле. Князь же Изяслав, прослышав о житии его, пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы. И сделался известен всем великий Антоний, и почитали его все. И начали приходиться к нему боголюбивые люди, чтобы постричься, и он принимал их и постригал. И собралась у него братия около двенадцати человек. И Феодосии, к нему придя, постригся. Выкопали они пещеру большую, и церковь, и келий, которые целы и теперь в пещере, под старым монастырем.

Когда собралась братия, сказал им великий Антоний: «Это, братия, Бог объединил вас, и благословение на вас Святой Горы, с которым меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг; и да будет же на вас благословение: во-первых, от Бога и пресвятой Богородицы, во-вторых, от Святой Горы!» И сказал он им еще: «Живите теперь сами по себе, и я поставлю вам игумена, а сам пойду на другую гору и там останусь один». Как я уже сказал — привык он к уединению. И поставил он игуменом Варлаама, а сам пошел на гору и выкопал себе другую пещеру, которая теперь под новым монастырем; в ней он и умер, живши в добродетели сорок лет, никогда и никуда не выходя из пещеры. В ней же лежат честные мощи его, творящие чудеса и доныне.

Игумен же и братия продолжали жить в пещере. И умножилось их число, и не могли они уже в пещере вместиться, и задумали они рядом с пещерой поставить монастырь. И пришли игумен и братия к святому Антонию, и сказали ему: «Отче! Братии стало так много, что не можем поместиться в пещере, да благословит Бог и пречистая Богородица, и твоя молитва, чтобы нам поставить маленькую церковь вне пещеры». И разрешил им преподобный. Они же поклонились ему до земли и вышли. И поставили церковку маленькую над пещерой во имя Успения святой Богородицы.

И стал Бог, молитвами пречистой Богородицы и преподобного Антония, умножать черноризцев, и братия, посоветовавшись с игуменом, решили построить монастырь. И пошли опять они к Антонию, и сказали ему: «Отче, братия умножается, и хотим мы построить монастырь». Антоний же возрадовался и сказал: «Благословен Бог за все, молитва святой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами!» И сказав это, послал одного из братии к князю Изяславу, говоря так: «Княже благочестивый, Бог умножает братию, а местечко маленькое, просим у тебя, чтобы дал ты нам гору ту, что над пещерой». Князь же Изяслав, услышав это, обрадовался и послал к ним боярина своего, чтобы передать им гору ту.

Игумен же и братия заложили церковь большую и монастырь, обнесли оградой, и много келий поставили, и, поставив церковь, украсили ее иконами. И с тех пор прозвался монастырь Печерским, потому что черноризцы прежде жили в пещере. И с тех пор называется он Печерским монастырем, и на нем благословение Святой Горы.

Когда монастырь уже был основан, а игуменствовал в нем Варлаам, князь Изяслав поставил монастырь Святого Дмитрия и перевел Варлаама на игуменство в монастырь Святого Дмитрия; надеясь на богатство, он хотел сделать свой монастырь выше Печерского. Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами и лощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом, как я уже рассказал.

Когда Варлаам ушел в монастырь Святого Дмитрия, то братия, посоветовавшись, пошли к старцу Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена». Он же спросил: «Кого хотите?» Они же ответили ему: «Кого хочет Бог, и пречистая Богородица, и ты, честной

отче». И сказал им великий Антоний: «Кто еще есть среди вас столь послушлив, кроток и смирен, как блаженный Феодосий? Пусть он и будет вам игуменом». Все братья рады были, поклонились ему до земли, и поставили Феодосия игуменом. Было тогда братии двадцать человек.

Принявши монастырь, Феодосий ввел в нем воздержание строгое, пощение и молитвы со слезами. И стал принимать он многих черноризцев, и собрал братии сто человек. И начал он разыскивать устав монастырский, а в это время оказался тут честной инок Михаил из монастыря Студийского, который пришел из Греции с митрополитом Георгием. И начал Феодосий расспрашивать его об уставе иноков студийских, и, найдя у него устав, списал его. И установил в монастыре своем, как петь пение монастырское, как поклоны держать и чтение читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и как за трапезой сидеть, и что есть в какие дни. Все это по уставу Феодосия определил и ввел в своем монастыре, а от того монастыря переняли все русские монастыри этот устав. Потому и честь Печерскому монастырю, так как древнее он всех и честью выше всех.

И так жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь, соблюдая иноческое правило и принимая всякого, приходящего к нему.

Пришел к нему и я, грешный и недостойный раб Нестор, и он принял меня, а было мне тогда семнадцать лет от роду. И вот я написал это и изложил, в каком году возник монастырь и почему называется Печерским. А о житии Феодосия ниже расскажем. <...>

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 8

Господи, благослови, отче!

Благодарю тебя, владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил меня, недостойного, поведать о твоих святых подвижниках; сначала написал я о житии и о погублении и чудесах святых и блаженных мучеников твоих Бориса и Глеба; побудил я себя взяться и за другое повествование, которое превыше сил моих и не достоин я его, ибо невежда я и недалек умом, не обучен к тому же я никакому искусству, но вспомнил я, Господи, слово твое, вещающее; «Если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: сойди с места и низвергнись в море, тотчас же повинуется вам». Вспомнил я об этом, грешный Нестор, и, укрепив себя верой и надеясь, что все возможно, если есть на то Божья воля, приступил к повествованию о житии преподобного Феодосия, бывшего игумена этого монастыря святой владычицы нашей Богородицы, которого ныне чтим и поминаем в день преставления его. Я же, братья, вспоминая о жизни преподобного, никем не описанной, всякий день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия. Пусть же и будущие черноризцы, взяв писание мое и прочитав его, также узнают о доблести этого мужа, восхвалят Бога и, угодника его прославляя, укрепляют души свои для новых подвигов; ведь именно в нашей земле такой муж явился и угодник Божий. Об этом и сам Господь возвещал: «Многие придут с востока и с запада и починут с Авраамом, и с Исааком и Иаковом в царствии небесном», и еще: «Многие из последних да станут первыми», ибо сей Феодосий в наши дни превзошел древних праведников, в жизни своей последуя тому, кто положил начало монашескому бытию — говорю я о великом Антонии. И вот что дивно: ведь как пишется

в книгах святых отцов: «Ничтожен будет последний род»; а сего Христос и в последнем роде сделал своим сподвижником и пастырем иноков, ибо с юных лет отличался он безупречной жизнью, добрыми делами, но особенно — верою и разумом. О нем же и начну теперь повествовать — с самых юных лет поведаю жизнь блаженного Феодосия.

Но послушайте, братья, со всяческим вниманием, ибо слово это исполнено пользы для всех слушающих. И молю вас, возлюбленные: не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом, к тому же хочу, чтобы не сказали обо мне: «Дурной раб ленивый, подобало тебе отдать серебро мое в рост, и я бы, вернувшись, получил его с прибытком». Поэтому и не следует, братья, скрывать чудеса Божьи, — вспомните, как он обратился к ученикам своим: «Все, что говорю вам во тьме, поведайте другим при свете, и все, что войдет в уши ваши — разглашайте по всем домам». Для успеха и блага тех, кто продолжит беседу мою, хочу писать, и, славя за это Бога, вы удостоитесь награды. Прежде чем начать повествование, обращаюсь к Богу со словами: «Владыка мой, Господь вседержитель, щедрый к благочестивым, отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое, чтобы понял я смысл заповедей твоих, и дай мне силу поведать о чудесах твоих и похвалить святого угодника твоего; да прославится имя твое, ибо ты помощник всем, кто во всякий день надеется на тебя. Аминь».

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город по названию Васильев. В нем и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и славясь всяческим благочестием. Родили они блаженное чадо свое и затем, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел сердечными очами, что смолоду тот посвятит себя Богу, и назвал его Феодосией. Потом же, когда исполнилось чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, окружен родительским попечением, и благодать божественная пребывала на нем, и Дух Святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие Божье! Вот ведь не избрал он пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или вельмож городских, но — да прославится за это имя Господне — неискушенный в премудрости оказался мудрее философов! О тайна тайн! Откуда не ожидали — оттуда и воссияла нам утренняя звезда пресветлая, так что всем странам видно сияние ее, и собрались к ней, все презрев, лишь бы только светом ее насладиться. О милосердие Божие! Сперва место указав и благословив, создал Бог поле, на котором будет пастись стадо богословесных овец, пока он им пастуха не избрал.

Случилось же родителям блаженного переселиться в другой город, именуемый Курском, по повелению князя, но я бы сказал — Бог так повелел, чтобы и там просияла жизнь доблестного отрока, а нам, как и должно быть, с востока вошла бы утренняя звезда, собирая вокруг себя и другие многие звезды, ожидая восхода солнца праведного — Христа — и глаголя: «Вот я, Владыка, и дети, которых воспитал я духовной твоею пищей; и вот они, Господи, ученики мои, привел я их к тебе, научив презреть все мирское и возлюбить одного тебя, Бога и Господина. Вот, о Владыко, стадо богословесных твоих овец, к которому ты приставил меня пастухом, и я взрастил их на божественном твоём поле и к тебе привел, сохранив их чистыми и непорочными». И так ответил Господь ему: «Раб достойный, как должно умноживший данный тебе талант, за это прими уготованный тебе венец и приди к радости Господа своего». И ученикам его сказал: «Придите, благое стадо, доблестного пастуха богословесные овцы, ради меня терпевшие голод и трудившиеся, примите уготованное вам от сотворения мира царство».

Так и мы, братья, станем следовать и подражать жизни преподобного Феодосия и учеников его, которых он пред собой послал к Господу, и да сподобимся услышать слово Владыки и вседержителя, вещающее: «Придите, благословенные Отцом моим, и примите уготованное вам царство».

Мы же снова обратимся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви Божьей, и ходил каждый день в церковь Божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все размышлял, как и каким образом спасет он свою душу. Услышал он как-то о святых местах, где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и сам захотел посетить те места и поклониться им. И молился Богу, взывая: «Господи Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и с радостью поклониться им!» И много раз молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подойдя к ним, поклонился, поприветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Они же отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному повелению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили ему пойти вместе с ними, приняли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и проводить до святых мест. Услышав обещание их, блаженный Феодосии радостный вернулся домой. Когда же собрались странники в путь, то сообщили юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, тайно от всех вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так отправился вслед за странниками. Но милостивый Бог не допустил, чтобы он покинул свою страну, ибо еще от рождения предназначал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, а не то уйдет пастырь, и опустеет пажить, благословенная Богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Немалый проделала она путь, прежде чем догнала его, и схватила, и в гневе вцепилась ему в волосы, и, повалив его на землю, стала пинать ногами, и осыпала упреками странников, а затем вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь Богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, освободила его и покормила, но, еще гневаясь на него, возложила на ноги его оковы и велела в них ходить, опасаясь, как бы он

опять не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова принялась с мольбами уговаривать его, чтоб не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех других, и не мыслила жизни без него. Когда же Феодосии пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать что захочет. Тогда блаженный Феодосии вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в Божью церковь. И, узнав, что часто не бывает литургии, так как некому печь просфоры, очень опечалился и задумал сам со смирением приняться за это дело. Так и поступил: начал он печь просфоры и продавать, а прибыль от продажи раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молот и снова пек просфоры. Это уж Бог так пожелал, чтобы чистые просфоры приносились в церковь Божию от рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались над ним и порицали его занятие, ибо враг научал их этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, в смиренном молчании.

Искони ненавидящий добро злой враг, видя, что побеждаем он смирением божественного отрока, не дремал, помышляя отвратить Феодосия от его дела. И вот начал внушать его матери, чтобы запретила она ему дело это. Мать и сама не могла смириться с тем, что все осуждают ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, ибо срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все потешаются над тобой и твоим делом. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша смиренно возразил матери: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения, чтобы и мы, во имя его, смирились. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вынес нашего ради спасения. А нам и тем более следует терпеть, тогда и приблизимся к Богу. А что до дела моего, мати моя, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос возлег на вечере с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: “Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились вы все от грехов”. Если уж сам Господь наш хлеб назвал плотью своею, то как же не радоваться мне, что сподобил он меня стать содеятелем плоти своей». Услышав это, подивилась мать мудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению сына. И как-то спустя год, снова увидев, как он, почерневший от печного жара, печет просфоры, опечалилась она и с той поры опять принялась убеждать сына то ласкою, то угрозою, а иногда и избивая его, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и не знал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом, ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав его в своем городе и не найдя, горевала о нем. Когда же много дней спустя узнала, где он живет, то тотчас же в гневе отправилась за ним, и, придя в упомянутый город и поискав, нашла его в доме священника и с побоями повела назад. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня, а если куда уйдешь, то я все равно догоню и разыщу тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосии снова стал молиться Богу и ежедневно ходить в церковь Божию, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин этого города узнал о смирении и послушании отрока, то полюбил его и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосии недолго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носит какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил. Властелин же, увидев, в чем он ходит, подарил ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая ходить в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он не раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил Феодосия, дивясь его смирению. А божественный Феодосии некоторое время спустя пошел к

кузнецу и попросил его сковать железную цепь и опоясал ею чресла свои, да так и ходил. Узок был пояс этот железный, вгрызался в тело его, а он ходил с ним так, словно не чувствовал боли.

Прошло еще немало дней, и настал праздник, и мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созданным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же стал он переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не поостерегся. А она не спускала с него глаз, желая узнать всю правду, и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И, разгневавшись, в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с чресл его вериги. Но божественный отрок, словно никакого зла не претерпел от нее, оделся и отправился с обычным смирением прислуживать возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостойн». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Положите бремя мое на себя, и научитесь у меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосии, и воспылал рвением и любовью к Богу, и исполнился божественного духа, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. По воле Божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись Богу, тайком ушел из дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, да немного хлеба для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о тамошних монастырях. Но не знал он дороги и молился Богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И случилось по воле Божьей так, что ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они направляются в тот же город, прославил Бога и пошел следом за ними, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только Бог охранял его. И вот после трех недель пути достиг он упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая принять его. Но там, увидев простодушного отрока в бедной одежде, не соглашались его принять. Это уж Бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда Бог призвал его еще с юности.

Вот тогда и услышал Феодосии о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосии отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам Бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосии снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосии всей душой отдался Богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, преодолевая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонаравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это Бога.

Мать же Феодосия долго искала его и в своем городе и в соседних и, не найдя сына, горько плакала, бия себя в грудь, как по покойнике. И было объявлено по всей той земле, что если кто видел отрока, то пусть придет и сообщит его матери и получит за известие о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его в нашем городе, когда собирался он постричься в одном из монастырей. Услышав об этом, она не поленилась поехать в Киев. И нимало не медля и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Достигнув того города, обошла она в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы он вышел к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот он вышел к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина степенно беседовать с ним и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отче, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, ибо не знаю, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем — жив он». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь проделав, дошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же отвечал ей: «Если хочешь повидаться с ним, то сейчас иди домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты же завтра придешь и повидаться с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что на следующий день увидит сына. Преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, а тот, услышав обо всем, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. На другой день женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не захотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его выйти к тебе, но не хочет». Она же теперь обратилась к старцу уже без прежнего смирения, в гневе крича и обвиняя его, что силою захватил ее сына и скрыл в пещере и не хочет его показать. «Выведи ко мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не смогу я жить, если не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверьми вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний опечалился и, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не посмел тот послушаться старца и вышел к ней. Она же, увидев, каким изможденным стал сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И, насилу успокоившись немного, села и стала уговаривать слугу Христова, причитая: «Вернись, чадо, в дом свой и все, что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, ты погребешь тело мое и тогда, если захочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня постоянно, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видаться со мной. Притом и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — правду тебе говорю — не увидишь больше лица моего». И так, и другие доводы приводя, всякий день уговаривал он свою мать. Она же не соглашалась и слушать его не хотела. А когда

уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился Богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал Бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом Господь с теми, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж Бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, возрадовался духом блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил Бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее на пользу и для спасения души ее, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась.

Об этой жизни блаженного отца нашего Феодосия с детских лет и до той поры, когда пришел он в пещеру, поведала мать его одному из братии, именем Феодору, который был келарем при отце нашем Феодосии. Я же от него все это услышал — он рассказывал мне — и записал, чтобы узнали все, почитающие Феодосия. Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов.

Тот отец наш Феодосий вышел победителем в борьбе со злыми духами в пещере. После пострижения матери своей отвергся он от всего мирского и еще с большим усердием начал отдаваться служению Богу. И было тогда три светила в пещере, разгоняющих тьму бесовскую молитвою и постом: говорю я о преподобном Антонии, и блаженном Феодосии, и великом Никоне. Они пребывали в пещере в молитвах Богу, и Бог был с ними; ибо сказано: «Где двое или трое собрались служить мне, тут и я среди них».

В это же время был некто по имени Иоанн, первый из княжеских бояр. Сын же его часто приходил к преподобным, наслаждаясь медоточивыми речами, истекавшими из уст отцов тех, и любил их, и захотел жить с ними, отринув все мирское, славу и богатство ни во что не ставя. Ибо дошло до слуха его слово Господне, вещающее: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное». Тогда поведал он одному лишь Антонию о своем желании, сказав ему: «Хотел бы, отец мой, если это угодно Богу, стать монахом и поселиться с вами». Отвечал ему старец: «Благое желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но остерегайся, чадо, вдруг богатство и слава мира сего позовут тебя назад. Господь говорит: “Никто, возложивший руки свои на плуг и озирающийся, не найдет себе места в царствии небесном”; так же и монах, если помыслы его возвращаются к мирской жизни и печется он о мирских делах, не удостоится жизни вечной». И долго еще беседовал старец с отроком, а сердце того еще более разгоралось любовью к Богу, с тем и вернулся он в дом свой.

И на другой же день оделся в праздничные и богатые одежды и, сев на коня, поехал к старцу, и отроки его ехали подле него, а другие вели перед ним коня в богатой упряжи, и вот так торжественно подъехал он к пещере тех отцов. Они же вышли и поклонились ему, как подобает кланяться вельможам, а он в ответ поклонился им до земли, потом снял с себя одежду боярскую и положил ее перед старцем, и также коня в богатом убранстве поставил перед ним и сказал: «Все это, отче, — красивые соблазны мира сего, и сделай с ними что хочешь, я же от всего этого уже отрекся, и хочу стать монахом, и с вами поселиться в пещере этой, и поэтому не вернусь в дом свой». Старец же сказал ему: «Помни, чадо, кому обещаешься и чьим воином хочешь стать, ведь невидимо предстоят тебе ангелы Божий, принимая обещания твои. А что если отец твой, придя сюда во всей

силе власти своей, уведет тебя отсюда? Мы же не сможем тебе помочь, а ты перед Богом явишься лжецом и отступником его». И отвечал ему отрок: «Верю Богу моему, отче; если даже начнет истязать меня отец мой, не послушаю его и не вернусь к мирской жизни. Молю я тебя, отче, поскорее постриги меня». Тогда велел преподобный Антоний великому Никону постричь отрока и облечь его в монашескую одежду. Тот же, как требует обычай, прочел молитву, постриг его, и одел в монашеское одеяние, и имя нарек ему Варлаам.

В это же время пришел некий скопец из княжеского дома; был он любим князем и всем управлял в его дому; и стал умолять старца Антония, желая стать черноризцем. Старец же, наставив его о спасении души, передал его Никону, чтобы тот постриг его. Никон же и того постриг, облечь его в монашескую одежду и нарек имя ему Ефрем. Не следует скрывать, что из-за них двух навлек враг беды на преподобных. Ненавидящий все доброе враг наш, дьявол, видя, что побеждаем он святым стадом, и понимая, что с этих пор прославится то место, оплакивал свою погибель. И начал он злыми кознями разжигать гнев князя на преподобных, чтобы таким образом разогнать святое стадо, но ни в чем не преуспел, и сам был посрамлен молитвами их, и пал в яму, которую сам же выкопал, «На его же голову обратится злоба его, и на темя его обрушатся ухищрения его».

Когда же узнал князь Изяслав, что произошло с боярином и со скопцом его, то страшно разгневался и приказал привести к себе того, кто дерзнул все это сделать. Тотчас же пошли и привели великого Никона к князю. Князь же, в гневе обратившись к Никону, спросил его: «Ты ли тот, кто постриг боярина и скопца без моего повеления?» Никон же отвечал: «По благодати Божьей я постриг их, по повелению небесного царя и Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же отвечал так: «Или убеди их вернуться по домам, или же и ты заточен будешь, и те, кто с тобою, а пещеру вашу засыплю». На это Никон отвечал так: «Если, владыка, угодно тебе так поступить — делай, а мне не подобает совращать воинов царя небесного». Антоний же и все, кто были с ним, взяв одеяния свои, покинули свое место, намереваясь уйти в другую землю. В то время, когда разгневанный князь еще укорял Никона, пришел один из его отроков и поведал, что Антоний и все остальные уходят из их города в другую землю. Тогда обратилась к князю жена его: «Послушай, господин, и не гневайся. Вот так же случилось и в нашей стране: когда из-за какой-то беды покинули ее черноризцы, то много напастей претерпела та земля, так остерегайся же, господин, чтобы не случилось того же в твоей земле». Услышав это, князь устрасился гнева Божьего и отпустил великого Никона, повелев ему вернуться в свою пещеру. За остальными же послал, передав им, чтобы с молитвами возвращались бы назад. Их же почти три дня убеждали, прежде, чем вернулись они в свою пещеру, словно герои после битвы, победив противника своего дьявола. И снова зажили там, молясь день и ночь Господу Богу. Но не дремал и враг, боровшийся с ними. Ибо как только узнал боярин Иоанн, что никакого зла не причинил монахам христоролюбивый князь Изяслав, то воспылал на них гневом из-за сына своего, и, взяв с собой множество отроков, двинулся на святое стадо, и, разогнав монахов, вошел в пещеру и вывел из нее сына своего, божественного Варлаама, тут же снял с него святую мантию, бросил ее в ров, сорвав, швырнул и шлем спасения, что был на голове у него. И тотчас же одел сына в богатые и красивые одежды, в каковых подобает ходить боярам. Но тот сорвал их с себя и швырнул на землю, не желая и видеть их; и так повторялось не один раз. Тогда отец его, разгневавшись, приказал связать ему руки и одеть в те же одежды и в них провести чрез весь город до своего дома. Он же — поистине исполненный любви к Богу Варлаам — увидев по дороге грязную рытвину, прыгнул в нее, и с Божьей помощью сорвал с себя одежду, и стал топтать ее в грязи, вместе с ней попирая и злые помыслы и лукавого врага. Когда же они пришли домой, велел отец ему сесть с ним вместе за трапезу. Тот сел, однако ни крошки не вкусил из яств, а сидел опустив голову и глядя в землю. После обеда

отпустил отец сына в его покои, приставив отроков следить, как бы он не ушел; а жене его приказал нарядиться в разные одежды, чтобы прельстить отрока, и во всем угождать ему. Раб же Христов Варлаам, войдя в один из покоев, сел в углу. Жена его, как ей было приказано, расхаживала перед ним и умоляла его сесть на постели своей. Он же, видя неистовство жены и догадавшись, что отец послал ее, чтобы прельстить его, в душе своей молился милосердному Богу, могущему спасти от такого искушения. И просидел на одном месте три дня, не вставая с него, не беря в рот ни крошки и не одеваясь — так и сидел в одной рубашке. Преподобный же Антоний со всеми бывшими с ним и с блаженным Феодосием очень печалились о Варлааме и молили за него Бога. И Бог услышал молитву их: «Воззвали — как говорится — праведные, и Господь услышал их, и от всех печалей избавил их. Близок Господь сокрушенным сердцем и спасает смиренных душой».

Бог же благой, видя терпение и смирение отрока, смягчил жестокое сердце отца его и обратил его на милость к сыну. Тогда как раз сказали ему отроки, что уже четвертый день не принимает он пищи и одежду не хочет одевать. Услышав об этом, сжалился отец его, страшась, как бы он не умер от голода и холода. Призвал его к себе и, облобызав, разрешил ему покинуть дом. И было тогда нечто дивное, и плач стоял словно по мертвом. Слуги и служанки оплакивали господина своего как уходящего от них, с плачем шла следом жена, ибо лишалась мужа, отец и мать рыдали о своем сыне, ибо уходил от них, и так с громкими стенаниями провожали его. Тогда воин Христов вышел из дома своего, словно птица вырвавшаяся из сети или серна из западни, и чуть ли не бегом достиг пещеры. Увидев его, отцы те возрадовались великой радостью и, встав, прославили Бога, услышавшего их молитву. И с этого времени многие приходили в пещеру за благословением отцов тех, а другие по Божьей благодати становились чернецами.

Тогда великий Никон и другой чернец из монастыря святого Мины, в прошлом боярин, посоветавшись, ушли из пещеры, желая поселиться отдельно от других. И пришли на берег моря, и там разлучились, как прежде апостолы Павел и Варнава разошлись проповедовать слово Христово, как пишется об этом в Деяниях апостольских. Боярин отправился к Константинополю, и по пути встретился ему остров среди моря, на котором он и поселился. Прожил там лет немало, перенося холод и голодая, и почил там же с миром. Сей же остров и донныне называют Бояров. Великий же Никон отправился в остров Тмутороканский, и там нашел место свободное вблизи города, и обосновался здесь. И по Божьей благодати прославилось место то, построил он там церковь святой Богородицы и основал монастырь славный, который существует и поныне, почитая за образец себе Печерский монастырь.

После этого и Ефрем скопец отправился в Константинополь и поселился там в одном из монастырей. Впоследствии был он возвращен в страну нашу и поставлен митрополитом в городе Переяславле. Вот уже много сказали мы о том, что случилось в дальнейшем, однако сейчас вернемся к прежнему рассказу — о том, что произошло после ухода тех отцов.

Тогда блаженный отец наш Феодосии по повелению преподобного Антония был поставлен священником и во все дни со всяческим смирением совершал божественную службу, ибо был кроток и тих, не изощрен умом, но духовной мудрости исполнен. И братию всю любил чистой любовью; собралось уже в то время до пятнадцати монахов. Преподобный же Антоний привык один жить, ибо не любил всяческих ссор и разговоров, и затворился в одной из келий пещеры, а игуменом поставил вместо себя блаженного Варлаама, сына боярина Иоанна. Оттуда впоследствии переселился Антоний на другой холм и, выкопав пещеру, жил в ней, никуда не выходя, и поныне там покоится его честное

тело. Тогда же блаженный Варлаам построил над пещерой небольшую церквушку во имя святой Богородицы, чтобы братия собиралась в ней для молитвы. Это место уже всем известно, а до тех пор многие о нем и не ведали.

А какова была сперва их жизнь в пещере, и сколько скорби и печали испытали они из-за всяких невзгод в том месте — это одному Богу ведомо, а устами человеческими невозможно и рассказать. К тому же и еда их была — один ржаной хлеб и вода. В субботу же и в воскресенье ели чечевицу, но зачастую и в эти дни не было чечевицы, и тогда ели одни вареные овощи. При этом и трудились непрестанно: одни обувь плели или шили клобуки, и иным ремеслом занимались, и носили сделанное в город, продавали, и на вырученные деньги покупали зерно, и его делили между собой, чтобы каждый ночью свою долю помолол для печения хлеба. Потом служили заутреню, а затем снова принимались за свое дело. Другие же в огороде копались, выращивая овощи, пока не наставал час новой молитвы, и так все вместе сходились в церковь, отпевали положенные часы и совершали святую службу, а затем, поев немного хлеба, снова обращались каждый к своему делу. И так трудились день за днем в неугасимой любви к Богу.

Отец же наш Феодосий смирением и послушанием всех превосходил, и трудолюбием, и подвижничеством, и делами, ибо телом был могуч и крепок и с удовольствием всем помогал, воду нося и дрова из леса на своих плечах, а ночи все бодрствовал, славя в молитвах Бога. Когда же братия почивала, блаженный, взяв выделенную каждому часть зерна, молот за них и относил на то место, откуда взял. Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы. Оводы и комары покрывали все его тело, и кусали его, и пили его кровь. Отец же наш пребывал недвижим, не вставая со своего места, пока не наступал час заутрени, и тогда раньше всех приходил в церковь. И, став на своем месте, не двигался и не предавался праздным мыслям, совершая божественное славословие, и также самым последним выходил из храма. И за это все любили его и чтили, как отца, и не могли надивиться смирению его и покорности.

Вскоре после этого божественный Варлаам, игумен братии, обитавшей в пещере, по княжескому повелению был поставлен игуменом в монастыре святого мученика Дмитрия. Тогда же монахи, жившие в пещере, собрались и по всеобщему решению возвестили преподобному Антонию, что они поставили себе игуменом блаженного отца нашего Феодосия, ибо он и жизнь монастырскую блюл и божественные заповеди знал, как никто другой.

Отец же наш Феодосий, хотя и стал старшим над всеми, не изменил своего обычного смирения, помня о словах Господних, вещающих: «Если кто из вас хочет быть наставником другим, то пусть будет скромнее всех и всем слуга». Поэтому и он оставался смиренным, словно был младше всех и всем услужал, и для всех был образцом, и на всякое дело выходил первым, и на святую литургию. И с той поры стало процветать и умножаться черноризцами место то по молитвам праведника. Ведь говорится: «Праведник, словно пальма, процветет и возрастет, словно кедр ливанский». И с той поры умножалось число братии и процветало место то добронравием их, и молитвами их, и всяческим благочестием. И многие вельможи приходили в монастырь за благословением и отдавали ему какую-то долю своих богатств. Преподобный же отец наш Феодосий — поистине он земной ангел и небесный человек — видя, что место, где жили они, и печально, и тесно, и всем скудно, и возросшей числом братии уже трудно было вмещаться в церкви, никогда из-за этого не печалился и не предавался скорби, но всякий день братию утешал и поучал, чтобы не заботились они о земном, но напоминал им Господни слова,

говоря: «Не думайте о том, что пьем, или что едим, или во что одеты: ибо знает отец ваш небесный, в чем нуждаетесь вы; но ищите царства небесного, а все прочее придет к вам». Блаженный так думал, а Бог щедро давал ему все, в чем была нужда.

В то время великий Феодосии присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и Духом Святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 6570 (1062). И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и донныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосией.

Некоторое время спустя послал Феодосии одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосии повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и донныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать — Богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облакал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах, и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

Всегда после дней святого мясопуста отец наш Феодосии уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до Вербной недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех, и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил, как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию Тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не утратился множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая себе на помощь Господа Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленапреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосии, все это слыша,

не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосии и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с Божьей помощью и не приобрел от Бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от Бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосии имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издали, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться Господу и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может — заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы. И так им говорил: «Молю же вас, братья, подвижемся постом и молитвой, и попечемся о спасении душ наших, и отступим от пороков наших и от путей неправедных, которые же суть: любодеение, воровство и клеветы, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение. От всего этого, братья, отвратимся, всего того станем гнушаться, не оскверним этим души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в рай, и обратимся к Богу с рыданием и слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием, и тем обретем милость его. Еще же возненавидим мир этот, всегда помня Господа, о сем сказавшего: “Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села ради меня и Евангелия, тот меня не достоин”, и еще: “Обретший жизнь свою — погубит душу, а потерявший жизнь ради — душу спасет”. Поэтому и мы, братья, отрехиемся от мира, отвергнем и все ему присущее, возненавидим же всякую неправду, чтобы мерзости никакой не сотворить, и не вернемся к прежним грехам, как псы возвращаются на свою блевотину. “Тот, — говорит Господь, — кто, возложив руки свои на плуг, оборачивается назад, не достоин войти в царство небесное”. Как же мы избавимся от мук бесконечных, если проведем жизнь свою в праздности и не зная покаяния? Ибо подобает нам, назвавшимся чернецами, всякий день каяться в грехах своих, ибо покаяние — это путь, ведущий к царству, покаяние — это ключ к царству, без него туда не вступить никому. Покаяние — это путь, ведущий в рай, того пути, братья, и станем держаться, на том поставим свои ноги и стопы, к тому пути ведь не приближается змей лукавый, шествие по пути тому скорбно, но зато впереди ожидает радость. Поэтому, братья, встанем на подвиг, не дожидаясь дня того, чтобы обрести блага эти, избегнем всего, что ожидает нерадивых и живущих без покаяния».

Святой же наставник этот так поступал, тому и учил всю братию. Они же, как земля, жаждущая воды, принимали слова его, принося плоды трудов своих Господу — кто сто, а кто 60. И были видны на земле люди словно бы уподобившиеся ангелам, и монастырь тот был подобен небу, и в нем блаженный отец наш Феодосии ярче солнца сиял добрыми деяниями, как это было явлено игумену монастыря святого архистратига Михаила по имени Софроний. Как-то он ехал в монастырь свой, а ночь была темная, и вдруг увидел свет только над монастырем блаженного отца нашего Феодосия. И удивился он и, прославив Бога, возгласил: «О, сколь велика благодать твоя, Господи, что показал ты такой свет на месте сем — преподобного этого мужа, который, так сияя, озарил и монастырь свой!» О том же рассказывали не раз и иные многие.

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил Бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Отец же наш Феодосии повелел привратнику, чтобы после обеда не отворял бы никому ворот и никто бы не входил в монастырь до самой вечерни, так как в полуденные часы братия отдыхает для ночных молитв и утренней службы.

И вот как-то в полуденное время пришел по обыкновению христолюбец князь Изяслав с несколькими отроками: когда собирался ехать к блаженному, то распускал по домам всех бояр своих и отправлялся к нему с пятью или шестью отроками. И вот, как я сказал, приехал он и сошел с коня, ибо никогда не въезжал верхом на двор монастырский, и, подойдя к воротам, приказал открыть их, намереваясь войти. Привратник же отвечал ему, что есть повеление великого отца не отворять ворот никому, пока не наступит час вечерни. Тогда христолюбец снова обратился к нему, чтобы тот понял, с кем говорит. И сказал: «Это же я, и открой мне одному ворота». Тот же, не зная, что перед ним князь, отвечал ему так: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет — не отворяй ворот; и если хочешь, то подожди немного, пока не наступит час вечерни». Тот в ответ: «Я же князь, неужели и мне не откроешь?» Тогда привратник выглянул и, узнав князя, испугался, но не открыл ворот, а побежал предупредить блаженного, князь же в то время стоял перед воротами и ожидал, уподобившись святому верховному апостолу Петру, когда извел его ангел из темницы, и пришел он к дому, где находились ученики его, и постучался в ворота, рабыня, выглянув, увидела стоящего перед нею Петра и от радости не отворила ворот, но побежала сообщить ученикам о его приходе. Так же и привратник от страха не открыл ворот, а побежал и сообщил блаженному о христолюбце; блаженный тотчас же вышел и, увидев князя, поклонился ему, и тогда обратился к нему христолюбец: «Таков ли, отче, запрет твой, как сказал этот черноризец: если и князь придет — не пускать его?» Блаженный же отвечал: «Потому говорят, добрый наш владыка, об этом повелении моем, чтобы в полуденное время не выходили братья из монастыря, но почивали бы в эти часы ради ночных молитв. Но твоя Богом подвигаемая забота о святой владычице нашей Богородице — благо есть, и твоей душе на пользу, И мы всегда очень рады приходу твоему». И после этого пошли они в церковь и, помолившись, сели. И так христолюбивый князь наслаждался медоточивыми речами, проистекавшими из уст преподобного отца нашего Феодосия, и великую пользу приобрел от беседы с ним, и отправился в дом свой, славя Бога. И с того дня еще больше полюбил его и почитал его,

словно одного из святых отцов древности, и всегда слушался его и исполнял все, что повелевал ему великий отец наш Феодосии.

Божественный же Варлаам, сын Иоанна боярина, игумен монастыря святого мученика Димитрия, построенного христоробивым князем Изяславом, отправился в святой город Иерусалим. И, обойдя там все святые места, возвратился в свой монастырь, а некоторое время спустя отправился в Константинополь, и там также обошел все монастыри, и, накупив всего, необходимого для своего монастыря, на конях двинулся в свою страну. По пути, уже в пределах земли своей, он тяжело заболел. И, добравшись до города Владимира, остановился в пригородном монастыре, именуемом Святая Гора, и тут почил с миром, придя к концу жизненного пути. И завещал своим спутникам, чтобы тело его перевезли в монастырь святого и блаженного отца нашего Феодосия и там бы положили, и все то, что накупил он в Константинополе — иконы и другую необходимую утварь, — повелел отправить туда же, куда и его самого, и все, как заповедал он, передать блаженному. Спутники тело его доставили в монастырь блаженного и преподобного отца нашего Феодосия, и положено было оно в церкви, по правой стороне, где и доньше находится его гробница.

В то же время христоробивый князь избрал в монастыре великого отца нашего Феодосия одного из братии, особенно прославленного своей монашеской жизнью, по имени Исаяю, и того поставил игуменом в своем монастыре святого мученика Димитрия; он впоследствии за добродетели свои был поставлен епископом города Ростова.

Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол. Придя оттуда, Никон посетил монастырь блаженного отца нашего Феодосия, и когда встретились они, то, оба упав на колени, поклонились друг другу до земли, потом обнялись и долго плакали, ибо давно уже они не видались.

И потом стал умолять Никона святой Феодосии, чтобы не покидал его, пока они оба живы. Тогда великий Никон пообещал ему, сказав: «Только дойду туда, и в монастыре своем все устрою, и тотчас же возвращусь назад»; так и сделал он: доехал с князем Глебом до острова того, и, когда князь сел на столе княжеском в том городе, Никон вернулся назад. Пришел он снова в монастырь великого отца нашего Феодосия и все, что было у него, отдал блаженному, а сам со всей радостью подчинился ему; очень любил его и боговдохновенный Феодосии, почитая словно отца. Поэтому, если уходил куда из монастыря, то поручал братьев Никону — чтобы заботился о них и поучал их, ибо был он среди них самый старший. И когда сам поучал братию в церкви духовными словами, то просил великого Никона прочесть что-либо из книг в наставление братии; также поручал это и преподобному отцу нашему Стефану, бывшему тогда экзархом, а позднее ставшему игуменом того монастыря после смерти блаженного Феодосия, а затем — епископом во Владимирской земле.

Вот я и об этих поведал, теперь же напоследок поведу речь об одном лишь блаженном отце Феодосии, о достойных его делах, по божественной благодати повествуя о светлом и просвещенном отце нашем Феодосии.

Был же он поистине человек Божий, светило, всему миру видимое и всем освещающее путь черноризцам: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством, все дни трудясь, не давая ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню, с радостью помогая пекарям месить тесто и выпекать хлебы. Он ведь был, как я говорил

прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих трудах.

Однажды, когда готовились к празднику святой Богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда уже упомянутый Феодор, который многое поведал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Феодор к блаженному отцу нашему Феодосию и сказал, что некому наносить воды. А блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. Тут увидел его, носящего воду, один из братии и поспешил поведать об этом нескольким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось наколотых дров для приготовления пищи, и келарь Феодор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько потребуется». Блаженный же отвечал ему: «Так вот я свободен и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, отобедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова и так трудится. И взялся каждый за свой топор, и столько они наколоты дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к Богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному Богу, вещавшему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвижничество такое, смирялся Феодосии, недостойнейшим из всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех образцом. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет книги, а блаженный, присев с краю, прядет нитки для их переплетания. Вот каковы были смирение и простота этого мужа. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, сверху же носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И многие неразумные издевались над этой убогой одеждой, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоры, постоянно помня слово Божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы, — говорится, — когда порицают вас, когда поносят вас словом грубым, клевета на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминая эти слова и утешаясь ими, сносил блаженный все упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосии по какому-то делу к христоролюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до позднего вечера. И приказал христоролюбец, чтобы смог Феодосии поспать ночь, довести его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как он одет, решил, что это простой монах, и сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я устал. Не могу на коне сидеть. Но сделаем так: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосии смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосии свой путь, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не уставал, а затем вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали им встречаться в пути вельможи, едущие к князю, и, издали узнав блаженного, сойдя с коня, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас, и в страхе вскочил, и сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосии сидел в телеге. И все бояре, встречая их, кланялись ему. Так доехал он до монастыря, и вот вышла навстречу вся братия, кланяясь ему до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: кто же это, что все так кланяются ему? А Феодосии, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить

и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем. «И когда ходите, — говорил он им, — руки держите прижав к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Вот такими и иными словами поучал он их каждый день беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то призывал его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его, и убеждал противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей, и не оставлять своей кельи, но ограждать себя постом и молитвой, и призывать Бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью распевал я в келье положенные псалмы, и вдруг встал передо мной черный пес, так что не мог я и поклониться. И долго он так стоял, но как только, им подстрекаемый, хотел я его ударить — тут же стал невидим. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы Господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться, часто преклоняя колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, даже если являлись они передо мною». К сказанным словам добавлял он и многие другие, укрепляя братию в борьбе со злыми духами. И так отпускал их, радостно славящих Бога за такие наставления доброго наставника и учителя их.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своей постели, появлялось множество бесов и, схватив его за волосы, тащили и толкали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел из этого места перейти в другую келью. Но блаженный стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя, и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получают власть над тобою. Но молись ты Богу в келье своей, и Бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Тот же снова обратился к нему: «Молю тебя, отче, не могу больше находиться в келье из-за множества живущих в ней бесов». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и отныне не только не причинят тебе никакого зла коварные бесы, но и не увидишь их более». Он поверил, и, поклонившись святому, пошел в свою келью, и лег, и выпался сладко. И с тех пор коварные бесы не смели больше приблизиться к тому месту, ибо были отогнаны молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне тот же чернец Иларион. Был он искусным книгописцем и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и пряд шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконоом и сказал блаженному, что завтра не на что купить ни еды для братии, ни чего-либо иного, им потребного. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь Богу: может быть, помилует он нас и позаботится о нас, как ему будет угодно». Выслушал его эконоом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконоом и опять заговорил о том же. Тогда отвечал ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись Богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у торговцев, что нужно для братии, а потом, когда смилуется Бог, с его помощью отдадим

долг, ибо истинны слова: “Не заботься о завтрашнем дне, и Бог нас не оставит”». Как только удалился эконоом, в сиянии явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию, и ни слова не говоря, положил на стол золотую гривну, и также молча вышел. Тогда встал блаженный, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он привратника и спросил его: «Разве кто-нибудь приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с той поры не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что нужно для братии. А завтра Бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконоом и, пав ниц, поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не предавайся отчаянию, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к Богу, чтобы он позаботился о нас, как ему будет угодно. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и в дальнейшем щедро подавал ему все, что было нужно тому божественному стаду.

Блаженный же все ночи проводил без сна, с плачем молясь Богу о братии и часто преклоняя колени, как это не раз слышали служащие в церкви, в тот час, когда перед заутреней приходили они к Феодосию за благословением. Когда кто-нибудь из них тихо подходил к его келье, то слышал, как он молился, и горько плакал, и головой бился о землю; тот же поспешно отходил, и, отступив немного, снова подходил, громко топая, а Феодосии, услышав шаги, замолкал, делая вид, будто спит. Пришедший же стучался и восклицал: «Благослови, отче!» Блаженный же в ответ молчал, и тому приходилось по три раза стучать и просить: «Благослови, отче!» Только тогда Феодосии, словно бы проснувшись, отвечал: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо», и тут же раньше всех оказывался в церкви. Вот так, говорили они, делал он каждую ночь.

Был в монастыре его один черноризец, священник саном, по имени Дамиан, который ревностно подражал житию и смирению преподобного отца своего Феодосия. Многие рассказывали о великом его смирении, и о житии его, и покорности, и о том, как он всех слушался. Особенно те, кто бывал в его келье, видели кротость его и как он бодрствовал целые ночи, как с прилежанием читал святые книги и часто принимался молиться; и много еще поведали они о муже том. Когда же заболел он и настал его смертный час, то обратился к Богу, со слезами говоря так: «Господи мой, Иисусе Христе! Сподобь меня войти в царство твое, и не разлучи меня, молю тебя, Владыка, с отцом и наставником моим преподобным Феодосием, но вместе с тем прими меня на том свете, который уготовал ты для праведников». Во время этой его молитвы вдруг внезапно предстал перед ложем его блаженный Феодосии, припал к груди его и, целуя, сказал ему: «О чадо, Господь послал меня ныне поведать тебе, что все, о чем ты молился Господу, так и будет исполнено по просьбе твоей, и со святыми принят будешь, и вместе с ними явишься в царство небесного владыки. Когда же Господь Бог повелит мне покинуть этот свет и прийти к тебе, тогда уже не разлучимся, но вместе пребудем на том свете». И, сказав это, вдруг исчез. Тогда Дамиан понял, что это было явление от Бога, ибо не видел, ни как тот выходил в дверь, ни как входил, и на каком месте появился, на том же снова и стал невидимым. Он же, не медля, позвал прислуживавшего ему и послал его за блаженным Феодосием. Когда тот поспешно пришел, то Дамиан, с веселым лицом, обратился к нему и сказал: «Что, отче, будет ли так, как ты, только что приходив, пообещал мне?» Блаженный же, не зная ни о чем, отвечал: «Но, чадо, я не знаю, о каком ты говоришь обещании». Тогда тот рассказал ему, как молился и как явился ему сам преподобный. Услышав об этом, боговдохновенный отец наш Феодосии улыбнулся и, прослезившись, сказал ему: «О чадо! Будет все так, как обещал ангел, явившийся в образе моем. Я же, грешный, как могу разделить ту славу, которая уготована праведникам?» Но Дамиан, услышав то обещание, обрадовался. И когда собрались к нему некоторые из братии, поцеловал их всех и так в

мире предал душу в руки пришедшим за ним ангелам. Тогда блаженный приказал ударить в било, чтобы собралась вся братия, и с подобающими почестями и с пением погребли честное его тело там, где погребали и других монахов.

К тому времени возросла числом братия, и стало необходимо отцу нашему Феодосию расширять монастырь и строить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, однажды темной ночью пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское, и потому не пошли по кельям, а устремились к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Разбойники, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова пошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полунощные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они закончат пение, чтобы тогда войти в церковь и забрать все в ней хранящееся. И так еще не раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. Разбойники же, зайдя немного в глубь леса, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется, видение было в церкви! Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы с их помощью изгнать с этого места святое стадо. Но не только не смог этого совершить, но и сам побежден был братией, ибо Бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия. Тогда злодеи, подождав немного, пока преподобное стадо собралось в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и запело утренние псалмы, двинулись на них словно дикие звери. Но едва приблизились, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь и вместе со всеми бывшими в ней вознеслась в воздух, так что и стрела не могла бы до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и в страхе возвратились к себе домой. И с той поры, раскаявшись, никому больше не причиняли зла, и даже главарь их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать обо всем случившемся. Услышав это, блаженный прославил Бога, спасшего их от такой смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, также славящих и благодарящих за все Бога.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христороубца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В страхе поскакал он со своими отроками, желая посмотреть, что это за церковь. И когда доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота, и, когда отпер ему привратник, вошел, и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался духовной беседой с ним, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А некий другой боярин того же христороубца Изяслава как-то, отправляясь с князем своим христороубцем против вражеской рати, уже изготавившейся к битве, пообещал в мыслях своих: «Если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой Богородице в монастырь блаженного Феодосия две гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой Богородицы». Потом была битва, и многие пали в бою. Но все же враги были побеждены, а наши благополучно вернулись домой. И забыл боярин об обещанном в дар святой

Богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед ложем своим икону святой Богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не даровал ты мне того, что обещал? Но вот теперь говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой Богородицы и исчезла. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой Богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. Пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, и тот еще не достал Евангелия, как вдруг сказал ему блаженный: «Прежде всего, брат Климент, достань святое Евангелие, которое держишь у себя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой Богородице, тогда и сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил о своем намерении. И достал то святое Евангелие и отдал блаженному в руки, затем сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и часто приходил к нему, и немалую пользу получал от бесед с ним.

И когда приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из монастырских припасов: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христоробец Изяслав и, радуясь душой, говорил блаженному Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. И прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосии, желая укрепить благочестие князя, сказал ему: «Если хочешь узнать это, добрый владыка, так послушай, что расскажу тебе. Когда братия монастырская хочет варить, или хлеба печь, или другое что-либо делать, то прежде всего идет один из них за благословением игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: “Благослови, отче!” И тот отвечает: “Бог да благословит тебя, брат!” И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз бывают побиты старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушав его, христоробец промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал».

Преподобный отец наш Феодосии поистине был исполнен Святого Духа, потому и смог умножить божественное богатство и, населив прежде пустое место множеством черноризцев, создал славный монастырь. Но никоим образом не хотел собирать в нем сокровищ, но с верою и с надеждою уповал на Бога и никогда не придавал значения богатству. Именно поэтому постоянно обходил он кельи учеников своих, и если что-либо находил у кого — или пищу какую, или одежду, помимо предписанной уставом, или имущество какое, то изымал это и бросал в печь, считая за дело рук дьявольских и за повод для греха. И так говорил им: «Не следует, братия, нам, монахам, отвергшимся всего мирского, держать имущество в кельях своих. Как же можем мы с чистой молитвой обращаться к Богу, имея в кельях своих сокровища? Послушайте, что об этом говорит Господь: “Где сокровища ваши, там и сердца ваши”; и еще о тех, кто собирает их: “Безумный, в эту ночь душу твою возьму, а собранное тобой кому достанется?” Поэтому же, братия, будем довольствоваться одеждами, разрешенными уставом, и пищей, что получаем в трапезной от келаря, а в кельях ничего подобного не будем хранить, и тогда со всем усердием и всей душой устремимся на чистую молитву к Богу». И такими и иными словами постоянно убеждал их и поучал их со всем смирением и со слезами. И никогда не

бывал он несправедлив, или гневен, не посмотрел ни на кого сердито, но был всегда милосерд, и тих, и жалостлив ко всем. Поэтому, если даже кто-либо из святого стада, ослабев душой, покидал монастырь, блаженный печалился и скорбел о нем и молился Богу, чтобы заблудшая овца его стада возвратилась бы назад. И так все дни плакал и молил за него Бога, пока тот брат не возвращался обратно. Тогда блаженный, с радостью приняв его, наставлял никогда впредь не поддаваться дьявольским козням, не давать им возобладать над собою, но держаться крепко. И говорил, что «не мужская та душа, которая может ослабеть от печальных этих напастей». Такими и иными словами утешив брата, отпускал его с миром в келью.

Был же там один брат, слабый духом, который часто покидал монастырь блаженного, а когда снова возвращался, то блаженный встречал его с радостью, говоря при этом, что не может допустить, чтобы тот скончался где-то вне стен монастырских. Хотя и много раз уходил он от нас, но суждено ему было в этом монастыре встретить свой последний час. И с плачем молил за него Бога, прося снисхождения. И вот как-то, после того как уже не раз покидал монастырь, вернулся тот, умоляя великого Феодосия принять его, Феодосии же — поистине милосердный — словно овцу, заблудшую и вернувшуюся, принял того с радостью и вновь ввел в свое стадо. Тот черноризец своими трудами накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно, и тут принес все это и положил перед блаженным. А святой сказал ему: «Если хочешь быть беспорочным черноризцем, возьми все, ибо все это — плод твоего послушания, и брось в горящую печь». Тот же, горячо веруя в Бога, по повелению блаженного отнес и бросил в печь, где все и сгорело. Сам же с тех пор жил в монастыре, все оставшиеся дни свои в нем провел и тут же, как и предвещал ему блаженный, почил с миром. Такова была любовь блаженного, и таково милосердие его к ученикам своим, и забота, чтобы ни один от стада его не отбился, но всех вместе, словно хороший пастух, пас, учил и утешал, успокаивая души их и насыщая и утоляя духовную жажду. И этим многих приводил к осознанию мудрости Божьей и указывал им путь в небесное царство. Но сейчас снова обратимся к дальнейшему рассказу об отце нашем Феодосии.

Как-то в один из дней пришел келарь к блаженному, говоря: «Сегодня нет у меня никакой еды для братии и нечего мне для нее сварить». Отвечал тому блаженный: «Иди, подожди немного, моля Бога, чтобы позаботился о нас. Или же, на крайний случай, свари пшеницу и, смешав кашу с медом, предложи братии на трапезе, пусть едят. Но надеюсь я, однако, на Бога, который в пустыне на него ропщущим людям хлеб небесный низвел дождем и одарил их перепелами. Тот Бог и нам ныне может пищу подать». Услышав это, келарь ушел. И блаженный стал молиться Богу о братии. И тут помянутый нами боярин, по наставлению Божию, нагрузил три телеги съестным: хлебом и сыром, и рыбой, чечевицей и пшеном, и медом к тому же, и все то послал блаженному в монастырь. И, увидев это, блаженный прославил Бога и обратился к келарю: «Вот видишь, брат Феодор, что не оставляет нас Бог, если надеемся на него всем сердцем. Так иди же и приготовь для братии обед обильный в этот день, ибо это посещение Божье». И так блаженный радовался с братией на обеде весельем духовным, сам же ел только хлеб сухой и овощи вареные без масла, запивая водой, — такова была его ежедневная еда. Но никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью Божьей.

К тому блаженному как-то привели связанных разбойников, схваченных в одном из сел монастырских, когда они собирались там красть. Блаженный же, увидев их связанными и в унынии, сжалился над ними и, прослезившись, приказал развязать их и дать им еды и питья. А затем долго поучал их, чтобы никому не причиняли зла. Дал им и немало денег

на все необходимое и отпустил их с миром, славящих Бога; и с тех пор они раскаялись и никому больше не причиняли зла, но жили своим трудом.

Таково было милосердие великого отца нашего Феодосия, что, когда видел нищего, или калеку, или скорбящего, или бедно одетого, жалел его, и очень печалился о нем, и со слезами проходил мимо. И поэтому построил двор около своего монастыря и церковь там во имя святого первомученика Стефана, и тут велел находиться нищим, и слепым, и хромым, и больным, из монастыря велел приносить им все необходимое — от всего имущества монастырского десятую часть отдавал им. И еще каждую субботу посылал воз хлеба узникам.

В один из дней пришел к преподобному Феодосию священник из города, прося дать вина для служения святой литургии. Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему. Но пономарь сказал, что мало у него вина и хватит его только на три или четыре дня святой литургии. Блаженный же отвечал ему: «Налей все, что есть, человеку этому, а о нас Бог позаботится». Тот ушел, но, нарушив повеление святого, налил в сосуд немного вина, оставив для утреннего богослужения. Священник же, ибо мало ему дали, принес и показал блаженному Феодосию. Тот снова призвал пономаря и сказал ему: «Говорил тебе, вылей все и о завтрашнем дне не заботься, не оставит Бог церкви этой завтра без службы, но сегодня же подаст нам вина в избытке». Тогда пошел пономарь, налил все вино в сосуд священнику и так отпустил его. После ужина вечером сидели они, и вдруг, как и было предсказано блаженным, привезли три воза, наполненных корчагами с вином, которые послала некая женщина, ведшая все хозяйство в доме благоверного князя Всеволода. Увидев это, пономарь прославил Бога, удивляясь предвидению блаженного Феодосия, ибо как сказал тот: «В этот день подаст нам Бог вина до избытка», — так и случилось.

Как-то в день святого и великого Димитрия, в который пришел конец мучениям его за Христа, преподобный Феодосий с братией отправились в монастырь святого Димитрия, а тут принесли от кого-то белые хлебцы, и Феодосий повелел келарю подать их на стол оставшейся братии. Тот же не послушался, решив так: «Завтра, когда придет вся братия, подам им на обед эти хлебы, а сейчас монастырский хлеб предложу братьям». Как решил, так и сделал. И на другой день, когда сели все обедать и те принесенные хлебы были нарезаны, блаженный посмотрел на стол и увидел хлебцы, и, позвав келаря, спросил его, откуда они. Он же отвечал, что они вчера принесены, но из-за того, что вчера оставалось мало братьев, решил он сегодня всей братии подать их на стол. Тогда блаженный сказал ему: «Следовало бы не заботиться о будущем дне, а сделать так, как я повелел. И сегодня бы Господь наш, постоянно о нас заботящийся, еще больше бы позаботился и подал бы нам, что потребно». Тут же повелел одному из братии собрать в корзину ломти те и высыпать их в реку, а того келаря наказал епитимьею за непослушание.

Так же поступал он, когда слышал, что какое-либо дело делается без благословения, ибо не хотел, чтобы святое стадо вкусило еды, приготовленной без благословения или без повеления его, и такую еду — как плод дьявольский — повелевал или в печь горящую бросить, или высыпать в струи речные.

Так же и после смерти блаженного отца нашего Феодосия случилось нечто такое же от непослушания, и хотя не к месту здесь рассказывать об этом, все же вспомним о том и к нашим словам прибавим несколько слов о подобном же.

Итак, после ухода из монастыря преподобного игумена нашего Стефана, когда игуменство принял великий Никон, пришло время святого и великого поста. И было установлено еще

преподобным отцом нашим Феодосией, что в пятницу первой недели этого воздержания, когда все потрудятся, как подобает истинным подвижникам, подают им белые хлеба, и другие — испеченные с медом и с маком. Так же повелел и Никон келарю сделать все по обычаю, но тот, послушавшись его, солгал, говоря, что нет у него муки для печения таких хлебов. Но, однако, Бог не оставил труда и молитв преподобных своих, чтобы не было попорно установленное божественным Феодосием. После святой литургии все отправились на постный обед, но прежде чем он начался, прислали им воз именно таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога, удивляясь, как постоянно он заботится о них, подавая им все необходимое по молитвам преподобного отца и наставника их Феодосия. Два дня спустя после этого приказал келарь, чтобы братия, как положено, испекла бы хлебы из той муки, про которую он прежде сказал, что ее нет; когда же пекари приготовились, и уже месили тесто, и заливали его горячей водой, то вдруг увидели жабу, сварившуюся в той воде и осквернившую ее, ибо дело то было плодом послушания. Случилось же то по изволению Божию для спасения святого стада, чтобы после того, как совершили братья подвиг в святую ту неделю, не испробовали бы таких хлебов. Но как дело дьявольское — гадом осквернил его Бог, чтобы указать на это. Пусть никто из вас не осудит меня за то, что я здесь написал об этом и прервал свое повествование: сделал я того ради, чтобы знали вы, как не следует нам ни в чем послушаться наставника, игумена своего, помня, что если и утаим от него что-либо, то от Бога ничего не скроется и он тотчас же заступится за того, кого поставил старшим над нами и пастухом, чтобы все слушались его и творили все по его повелению.

Однако возвратимся к прежнему повествованию о блаженном Феодосии.

Настали как-то дни праздника Успения святой Богородицы, и в церкви готовился праздник в тот день, но не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампы. И решил пономарь надавить масла из льняного семени, и, разлив то масло по лампадам, возжечь их. И спросил на это разрешение у блаженного Феодосия, и тот велел ему сделать так, как задумал. И когда уже собрался разливать масло по лампадам, то увидел, что в нем плавает упавшая туда мертвая мышь. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом и не пойму, как пролез этот гад и утонул!» Но блаженный понял, что это — проявление Божьей заботы. И, укорив себя за неверие, сказал пономарю: «Следовало бы нам, брате, возложить надежду на Бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так как мы, потерявшие веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся Богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком».

Уже настал вечер, когда неожиданно кто-то из богатых принес огромную корчагу, полную деревянного масла, увидев которую, прославил блаженный Бога, так скоро внявшего его молитвам. И заправил все лампы, и осталось еще много масла. И так справили на следующий день светлый праздник святой Богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, который искренне и горячо верил Господу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери, тот, который сложил впоследствии голову свою за брата по призыву Господню, он, как говорили, искренне любил отца нашего Феодосия, и часто навещал его, и насыщался духовными беседами с ним. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о божественном, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христоробец с блаженным и честной братией на вечерней молитве. И вдруг, по воле Божьей, полил сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник со словами: «Господи отче! Нет у меня меда, чтобы предложить князю и спутникам его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Тот ответил: «Да, отче! Нисколько не

осталось, я же, как уже сказал, перевернул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было это питье, опрокинул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди, и по слову моему и во имя Господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую: и по слову святого отца нашего Феодосия стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полн меда. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько нужно будет князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Все это — благословение Божье». Тем временем дождь перестал, и христоробец князь отправился домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеву, где стоит скот, живут бесы, и немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосии вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал Господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, один войдя в хлев, где обитали бесы, запер двери и остался там до утра, творя молитвы. И с тех пор они больше там не появлялись, и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из того села. И снова возвратился блаженный в свой монастырь, точно могучий воин, победив злых духов, вредивших во владениях его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, для того чтобы испечь братии хлеба. Ответил ему блаженный: «Пойди, посмотри в сусек, а ну, как найдется в нем немного муки на то время, пока Господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного — с три или четыре пригоршни, — и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосии: «Поверь мне, чадо, что велик Бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как сделал и при Илье, превратив одну пригоршню муки в множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не пришла пора собирать урожай. Вот так и ныне, может Бог также из малого многое сотворить. Так пойди же и посмотри: вдруг осенило благословение и тот сусек». Услышав эти слова, вышел пекарь, а когда вошел в дом тот, то увидел, что сусек, прежде пустой, по молитвам преподобного отца нашего Феодосия, наполнен мукой, так что даже пересыпается она через стенку на землю. Пришел он в ужас, видя такое преславное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же в ответ: «Иди, чадо, и, никому не говоря, испеки, как обычно, хлеба для братии. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам Бог свою милость, подав нам все, чего ни пожелаем».

Такова была искренняя надежда на Бога у преподобного Феодосия, так уповал он на Господа нашего Иисуса Христа, что никаких надежд не возлагал на мирское, не рассчитывал ни на что в мире этом, но всеми мыслями и всей душой устремлялся к Богу, и, на того все надежды возложив, совершенно не заботился о завтрашнем дне, и постоянно держал в памяти сердца своего глас Господень, вещающий: «Не заботьтесь ни о чем, посмотрите на птиц небесных, как они не сеют, не жнут, не собирают в житницы свои, но

отец небесный питает их, насколько же вы лучше их». Поэтому он еженощно со слезами молил Бога о стаде своем, говоря: «Как уже ныне, Владыка, собрал ты нас в месте этом, и если угодно, чтобы мы жили здесь, то будь нам помощник и податель всех благ. Ведь во имя пресвятой матери твоей возведен дом этот. И мы тоже во имя твое собраны в нем, и сбереги и сохрани нас от всяческих козней лукавейшего врага и сподобь нас обрести вечную жизнь. Постоянно внушай сердцам нашим трепет перед тобой, ибо только этим удостоимся мы благ, уготованных праведникам». И так день за днем учил он братию, и утешал, и удерживал их, чтобы не ослабели духом, но твердыми были бы во всех подвигах монашеских. И так прилежно пас стадо свое и берег его, чтобы злокозненный волк, напав, не разогнал бы божественное то стадо.

А теперь о том, как человеку некоему, христоролюбивому и боящемуся Бога, было видение о блаженном и преподобном отце нашем Феодосии и о пречистой и непорочной его молитве, а еще и о святом монастыре его — и так указано было то место, куда суждено будет братии переселиться. Есть над монастырем невысокая горка, и тот человек ехал по ней ночью и вдруг увидел чудо, повергшее его в ужас. Ночь была темной, но над монастырем блаженного сиял чудесный свет, и вот, присмотревшись, увидел тот человек в сиянии этом преподобного Феодосия, стоящего посередине монастыря перед церковью, воздев руки к небу и прилежно молящегося Богу. Пока смотрел тот, дивясь увиденному, явилось ему и другое чудо: из купола церкви поднялся огненный столб и, изогнувшись наподобие свода, достиг другого холма, и на том месте оказался конец его, где блаженный отец наш Феодосии указал место для церкви, которую и начал строить впоследствии. Вот и донныне на этом месте стоит славный монастырь. И этот пламень, словно дуга, стоявшая одним концом на куполе церковном, а другим на описанном выше месте, виден был человеку тому, пока не заехал тот за гору. Обо всем этом, что он видел, поведал тот одному из братьев в монастыре блаженного как истинную правду. Поэтому и нам следует возгласить вместе с божественным Иаковом, что «сам Господь пребывает на месте том, и свято место то, и нет другого подобного, но здесь и есть дом Божий и врата небесные».

И стоит еще сказать, что такое же чудо упоминается и в житии святого и великого Саввы. Однажды ночью он также вышел из кельи своей помолиться, и вдруг предстал перед ним огненный столп до самого неба. Когда же он дошел до места того, то обнаружил там пещеру и в скором времени построил там славный монастырь. Так и здесь следует понимать, что Бог указал то место, на котором находится монастырь славный, и по сей день цветущий по молитвам Феодосия.

Такова молитва к Богу блаженного отца нашего Феодосия о стаде своем и о месте том, и таково его бдение и бодрствование во все ночи, и так сиял он, как светило пресветлое, в монастыре том.

Его же молитвами благой Бог и иное чудо показал близ живущим людям, знаменуя святое то место, а они уже после рассказали обо всем братии. В одну из ночей услышали они множество поющих голосов. Услышав это пение, встали люди с постелей своих и, выйдя из домов и взойдя на высокое место, стали смотреть оттуда в сторону поющих. И видели сияющий яркий свет над монастырем блаженного и множество черноризцев, выходящих из старой церкви и направляющихся к тому месту, о котором шла речь, а впереди них несли икону святой Богородицы. Все же, кто шли следом за ней, пели, и все держали в руках по горящей свече, а перед ними шел преподобный отец их и наставник Феодосии. Дойдя до места того, постояли там с песнопениями и молитвами и вернулись назад. И на глазах у тех людей снова вошли с пением в старую церковь. И это видел не один, и не двое, но многие люди, видевшие это, рассказывали. Как мы думаем, это являлись ангелы, но из братии никто не знал о случившемся, так уж по воле Божьей скрыта была от них эта

тайна. Когда же впоследствии узнали они обо всем, то прославили Бога, творящего великие чудеса, и прославляющего место то, и освящающего его по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Но теперь, рассказав об этом, подобает нам снова вернуться к дальнейшему повествованию о блаженном, прославляя его, о достойных делах его правдиво повествуя и о ревности его за Господа нашего Иисуса Христа. Еще и такой обычай имел блаженный: нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укоряя их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит.

А еще, когда уходил он в дни поста в упоминавшуюся ранее пещеру, то часто втайне от всех вставал ночью и уходил оттуда, хранимый Богом, в село монастырское, где была у него в скрытном месте вырыта пещера, и, втайне от всех, пребывал в ней до Вербной недели, а затем снова возвращался ночью в упомянутую ранее пещеру и оттуда — в пятницу Вербной недели — выходил к братии, так что они думали, будто он провел здесь все дни поста. И так пребывал он, изнуряя себя бодрствованием и ночными молитвами о стаде своем, моля Бога и призывая его помочь им в их подвигах; и каждую ночь обходил двор монастырский, и творил молитву, и ею ограждал, и, словно стеною твердой, оберегал монастырь, чтобы не проник змий лукавый прельстить кого-либо из учеников его. И так же ограждал и все земли монастырские.

Как-то однажды были схвачены во время грабежа некие люди стерегущими дома свои, и повели их связанных в город к судье. И так случилось по воле Божьей, что проводили их мимо одного из сел монастырских, и один из тех связанных злодеев, показав кивком головы на село, промолвил: «Как-то ночью пришел я к тому двору, собираясь вынести все имущество из него, и увидел стену высокую, так что невозможно было нам и приблизиться к нему». Это ведь благой Бог невидимо оградил все находившееся там по молитвам праведного и преподобного сего мужа. Потому и божественный Давид об этом вещал: «Очи Господни устремлены на праведных, и уши его внимают молитвам их». Постоянно ведь Владыка, создавший нас, склоняет слух свой, внимая искренне призывающим его, и, услышав молитву их, спасет их. Здесь же по желаниям и по просьбам братии, уповающей на него, все творит.

В то время, когда преподобный и преблаженный отец наш Феодосий пас стадо свое со всяческим благочестием и чистотою и свою жизнь проводил в воздержании и подвигах, начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христороубца и поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосией, приглашая его прийти к ним на обед и приобщиться к несправедному их союзу. Но тот, исполненный Духа Святого, преподобный Феодосий, видя, что несправедливо изгнан христороубец, ответил посланному, что не пойдет на пир Иезавелин и не прикоснется к яствам, пропитанным кровью убиенных. И долго еще укорял их, отпуская посланного, наказал ему: «Передай мои слова пославшим тебя».

Они же, хотя и выслушали его и не посмели прогневаться на него, ибо правду сказал человек Божий, не вняли ему, а двинулись на брата своего, изгнали его из его земли и вернулись назад. Один из них сел на престоле брата и отца своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосии, исполнившись Духа Святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждая незаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и веля им передать слова его князю. А после написал ему большое послание, осуждая его в таких словах: «Голос крови брата твоего взывает к Богу, как крови Авелевой на Каина!» И приведя в пример многих других притеснителей, убийц и братоненавистников прежних времен и в притчах поступок его изобличив, обо всем этом написал и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступить и больше не обличать князя. И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю. «Он ведь, — говорили, — хочет заточить тебя». Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая оказаться в заточении.

Однако князь, как сильно ни гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, чтя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно завидовал брату своему, что есть такой светоч в земле Изяславовой, как рассказывал об этом слышавший такие слова от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосии после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно когда понял, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое и с тех пор уже более не укорял его, решив про себя, что лучше будет со слезами умолять князя, чтобы тот возвратил своего брата в принадлежавшую ему область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев блаженного Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной беседой. Тогда посылает он к блаженному, вопрошая, не разрешит ли тот прийти к себе в монастырь? Феодосии же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосии с братией вышел из церкви и по обычаю встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и непустишь нас в монастырь». Блаженный же отвечал: «А что может, благой владыка, гнев наш против власти твоей? Но подобает нам обличать вас и поучать о спасении души. А вам следует выслушивать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосии приводить примеры из Священного писания и много говорил князю о братолюбии. Но тот снова возлагал вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, слава Бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем; и с тех пор часто приходил к нему и насыщался духовной пищей более, чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и великий Феодосии посещал князя и напоминал ему о страхе Божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в княжеские палаты, где находился князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни брэнчали на гуслиях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и

веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, склонившись к нему, спросил: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же растрогался от слов блаженного, и прослезился, и велел прекратить музыку. И с тех пор, если приглашал к себе музыкантов, то, узнав о приходе блаженного, приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался пред ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же возразил: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который поручил ему твой благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел. А отец наш Феодосий дни и ночи молил Бога за христоробца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол — не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братия, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христоробца, потом же и этого, благого.

А великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на упомянутый выше остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как я сказал, отправился в свой монастырь.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный Духа Святого, задумал по благодати Божьей перенести монастырь на новое место и, с помощью Святого Духа, построить большую каменную церковь во имя святой Богородицы и приснодевы Марии, ибо старая церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Начать же таковое дело собралось множество людей, и одни указывали одно место, где построить церковь, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле Божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь происходит. А когда узнал, то повернул коня, и подъехал к ним, и, словно Богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, возводя храм. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с Божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до нынешних — описал я, поведав из многого малое. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не могу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искутить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на Господа нашего Иисуса Христа и Святой Дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех

приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они, и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех Богу. И еще, насмехаясь над ветхой одеждой его, издевались над ним невежды. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укоризнам и в веселье великом славил за это Бога. Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за одного из поваров. Так, однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради и я пришла за помощью, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди, женщина, сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам вернул ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его послушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд, и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь и за светлую душу, и за многие поучения, Святым Духом кипящие в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багряницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к Богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом Божиим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорности, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь Богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братья же, выйдя от него, стали говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или, уйдя куда-нибудь, хочет скрыться от нас в неизвестном месте и жить один?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе, и пылал в жару, и, уже совсем обессилев, лег на постели своей, и промолвил: «Да будет воля Божья, что угодно ему, то пусть то и сделает со мной! Но, однако, молю тебя, Владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, ибо оставили его силы.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие уже подумали, что он умер, и мало

кто мог заметить, что еще не покинула его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том Господь во время поста, когда был я в пещере, и настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой, кого поставить вместо меня игуменом». Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, потом, выйдя на двор, стали совещаться и по общему согласию порешили, что быть игуменом у них Стефану, начальнику хора церковного.

На другой день блаженный отец наш Феодосии, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто же достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять после него игуменство. И блаженный, призвав к себе Стефана и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал, слушаться его веля, и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое». И снова, призвав к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал ему, ибо был он уже тяжело болен.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих о разлучении с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу я к Владыке, Господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого вы сами пожелали. Так повинуйтесь же ему и пусть будет он вам отцом духовным, бойтесь его и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушимой и твердой, в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего вздоха вы были вместе. Да будет на вас благодать — служить безупречно Богу, и быть всем, как одно тело и одна душа, в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и ваш отец небесный. Да пребывает Господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде я сейчас, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь игуменом, то, если даже и согрешит в чем, все равно буду я за того отвечать перед Богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И так вы узнаете о дерзновении моем перед Богом: если увидите, что процветает монастырь наш — знайте, что я возле владыки небесного; если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он, то знайте, что далек я от Бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда прислуживал ему, проделав небольшую дырочку в двери, смотрел в нее. И вот встал блаженный, и преклонил колени, и пал ниц, молясь со слезами к милостивому Богу о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу Богородицу, и молил ее именем Господа Бога, спасителя нашего Иисуса Христа, о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою, и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко и радостно: «Благословен Бог, что так свершилось, вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он это, увидев явление некое. Ибо потом выпрямился,

вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал свою святую душу в руки Божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько заплакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели как подобает. И тут же, словно повинувшись божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых людей, все с готовностью сами пришли и уселись перед воротами монастырскими, ожидая когда вынесут блаженного. А благоверный князь Святослав, находившийся недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел огненный столп, поднявшийся над тем монастырем до самого неба. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что умер блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, кажется мне, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжело больным. Тогда, послав и услышав, что вправду умер Феодосии, горько заплакал о нем князь.

Братья же заперли ворота и никого не впускали, как повелел блаженный, и сидели возле тела его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по воле Божьей затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разошлись люди. И тотчас же перестал дождь и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой мы говорили прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосии в год 6582 (1074) — месяца мая на третий день, в субботу, как и сам предсказал, после восхода солнечного.

НЕСТОРА, ИНОКА МОНАСТЫРЯ ПЕЧЕРСКОГО, О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. АВГУСТА 14. СЛОВО 9

«Когда умножаются праведники, веселится народ», — сказал премудрый Соломон. Обычай ведь есть в божественный праздник торжества духовного ликования предаваться богоименным людям, по словам мудрого Соломона: «Праведник, если и умрет, — жив будет, и души праведных в руке Божьей». Прославляет Господь славящих его, как воистину этого блаженного и доблестного мужа, высокого житием, чудного добродетелями, неутомимого в чудесах, блаженного Феодосия. Соблаговолил Бог явить своего угодника, что воистину и свершилось по воле Божьей через восемнадцать лет после преставления преподобного.

В 6599 (1091) году все иноки пречистой Печерской лавры, собравшись вместе со своим наставником игуменом, единодушно порешили перенести мощи преподобного Феодосия.

Подобает за это хвалу принести им: воистину блаженны отцы, и мудро решение ваше. О Богом собранный совет! О постнический великий собор! О пречестное воинство! О благое объединение, ведь сбылось на вас изречение Отца, сказавшего: «Что может быть лучше и прекраснее, чем единение братии». Воистину добр замысел ваш, отцы, громогласнее трубы слова решений ваших. С истинным своим пастырем пожелали быть всегда вместе, — нельзя было не восклицать: «Лишены мы отца и учителя!» И все, как едиными устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего Феодосия, не подобает нам быть без пастыря, а пастырю не подобает Богом порученных ему своих овец оставлять, чтобы страшный зверь не пришел и не разогнал стадо Христово словесных овец; пусть придет

пастырь в свою ограду и цевницею духовной вострубит, пусть пастырская свирель оградит нас от нападения коварного зверя и блюстителя жизни нашей и ангелов-хранителей призовет». Все единогласно друг другу говорили: «Подобает нам, братья, всегда пред очами своими честную гробницу отца нашего Феодосия видеть и достойное поклонение всегда ему творить, как истинному отцу и учителю. Негоже лежать преподобному отцу нашему Феодосию вне монастыря и церкви своей, потому что он основал ее и черноризцев собрал».

И совет сотворив, не медля повелели устроить место, где положить мощи святого, и гробницу каменную поставили. В это время приспел праздник пречестного Успения святой владычицы Богородицы; и за три дня до праздника Божьей Матери повелел игумен в пещеру идти, чтобы то место отметить, где лежат мощи святого отца нашего Феодосия. По его же благому изволению и по повелению игумена и я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святые мощи Феодосия. Да будет вам известно, что истинную правду поведаю я, так как не от кого-то другого это слышал, но сам был зачинщиком этого дела.

Пришел игумен и сказал: «Пойдем, чадо, в пещеру к преподобному отцу нашему Феодосию». И пришли мы в пещеру втайне от всех. Когда рассмотрели мы, куда копать, и обозначили место, где раскапывать, — в стороне от входа, — то сказал мне игумен: «Никому не сообщай об этом, кроме того, кого по своему желанию возьмешь в помощники, и пусть не знает об этом ни единый из братии, пока не вынесем мощи святого из пещеры». Я же приготовил в тот день лопаты, чтобы копать. Был вторник. Поздно вечером взял я с собою двух монахов, мужей особо добродетельных, никто другой об этом не знал. И как только пришли мы в пещеру, то, сотворивши с поклонами молитвы и отпев псалмы, принялись за дело. Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать другому брату; и так раскапывали мы до полуночи и не могли обнаружить мощей святого. И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум другая мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв лопату, начал снова усердно копать. Монах же, который был со мной, стоял перед пещерой, и, когда услышал он, как ударили к заутрене в било, сказал мне брат: «Ударили в церковное било!» Я же в это время докопался до мощей святого, и, когда он мне говорил о том, что бьют в било, я сказал ему: «Докопался я, брат!» И когда раскопал я мощи святого, то великий страх охватил меня, и стал я взывать: «Преподобного ради Феодосия, Господи, помилуй меня!»

В это самое время два монаха в монастыре не спали, и стерегли, когда игумен, утаившийся с кем-то, будет тайно переносить мощи преподобного, и прилежно наблюдали за пещерой. И как ударили в церковное било к заутрене, то увидели они три столпа, как радуга сияющие, которые, постояв, перешли на верх церкви Пречистой, где потом положен был преподобный Феодосии. И это увидели все монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе. Было им до этого извещение о перенесении мощей святого, и сказали они: «Это переносят мощи честные преподобного Феодосия из пещеры». Когда наступило утро и уже занялся день, то слух об этом распространился по всему городу, и множество людей пришло со свечами и фимиамом.

Великий же и преславный Стефан, о котором уже говорилось в Житии блаженного, бывший игуменом после Феодосия, а по отшествии из монастыря поставивший на Клове свой монастырь, и потом по благословию Божьему ставший епископом города Владимира, в это самое время находился в своем монастыре, и увидел он ночью за полем зарево великое над пещерой. Подумал он, что это переносят честные мощи святого Феодосия, а его накануне известили об этом; и, сильно огорчившись, что без него переносят мощи святого, он в тот же час сел на коня и быстро поскакал к пещере вместе с

Климентом, которого он поставил игуменом на свое место. И пока они ехали, то видели яркое сияние над пещерой, а когда подъехали к пещере и не стало ничего видно, то догадались, что то был ангельский свет.

Когда подошли они к дверям пещеры, мы сидели у мощей святого. Я же, когда докопался до мощей, послал к игумену, говоря: «Приди, отче, да вынесем мощи преподобного». Пришел игумен с двумя иноками. И когда раскопали как следует и наклонились, то увидели, что лежат его мощи достойно его святости, и все части тела целы, и тление не тронуло их, волосы присохли к голове его, а лицо преподобного светло, а очи закрыты, и добро-гласные уста его сомкнуты. И так, возложив на одр святые его и честные мощи, вынесли их из пещеры. На другой же день, изволением Божиим, собрались вместе епископы и пришли к пещере, имена же их: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Марин Юрьевский, Иоанн Черниговский, Антоний Поросский. И игумены из всех монастырей с множеством черноризцев пришли, и люди благочестивые. И взяли пречестные мощи святого Феодосия из пещеры с множеством свечей и фимиамным каждением; как уже говорилось, множество народа со свечами в руках пришло из города встречать святого; и принесли его в богосозданную пречистую церковь, и возрадовалась пречистая церковь, восприяв своего служителя. И было видно в церкви, как свет свечей сиял ярче дневного света; прикасаясь к святому, святители лобызали мощи его, иереи, припадая к нему, с любовью целовали, пришедшие же с народом иноки прикасались к остаткам одежды святого, песни духовные к Богу воссылая и благодарственные хваления святому принося. И так положили его в его церкви Божьей Матери в притворе на правой стороне в четырнадцатый день месяца августа, в четверг, в час дня; и светло отпраздновали день тот.

В 6616 (1108) году игумен Феоктист начал с мольбою просить благоверного великого князя Святополка, чтобы стали поминать имя святого преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, в Синодике, ибо Бог так соизволил. Святополк с радостью обещался сделать так; зная житие его, Святополк сам начал всем рассказывать о житии преподобного Феодосия. И свершил это митрополит, повелев включить святого в Синодик. Повелел митрополит всем епископам вписать имя святого Феодосия в Синодик. И все епископы с радостью вписали имя святого и преподобного отца нашего Феодосия и поминают его на всех соборах и донныне.

О проречении святого. И этого нельзя молчанию предать, но поведаю вам вкратце о сбывшемся пророчестве святого отца нашего Феодосия.

Еще при жизни блаженного Феодосия, когда он игуменствовал и управлял порученным ему Богом стадом, то пекся он не только о единых черноризцах, но и о мирянах заботился, о душах их, как бы им спастись; особенно же о детях своих духовных, утешая и поучая приходящих к нему, а иногда и сам домой к ним приходил, чтобы дать благословение. И был некий благочестивый вельможа, духовный сын святого, по имени Ян. И вот однажды пришел Феодосии в дом к Яну и жене его Марии, а оба они были благочестивы и, по заветам божественного Павла, жили целомудренно, сохраняя супружескую верность. Потому-то и любил их блаженный Феодосии, что жили они по заповедям Господним и в любви меж собой пребывали.

И когда пришел он к ним, то стал учить их о милостыни к убогим, и о небесном царствии, ожидающем праведников, и о муках грешников, и о смертном часе. И о многом говорил он еще от божественного Писания, в конце концов дойдя и до слов о том, когда положены будут тела их во гроб. Благочестивая жена Яна, выслушав поучения преподобного, спросила его: «Отче, честной Феодосии, кто знает, где меня похоронят?»

Богородица же Феодосии, даром пророческим исполненный, ответил: «Поистине возвещаю тебе — где мое тело положено будет, там и тебя через некоторое время погребут». И сбылось это через восемнадцать лет после преставления святого. Преподобный Феодосии умер за восемнадцать лет до перенесения из пещеры тела его, а когда перенесли мощи святого, то тогда же, в этот же год и месяц, преставилась жена Яна Мария, в шестнадцатый день месяца августа. И пришли черноризцы, отпели обычные песнопения, и принесли, и положили тело ее в церкви Святой Богородицы Печерской напротив гробницы Феодосия, на левой стороне. Преподобный положен был четырнадцатого августа, а она — шестнадцатого.

Вот каков был досточудный этот муж — сбылось пророчество преподобного Феодосия, истинного пастыря, пасшего словесных овец нелицемерно, с кротостью и со вниманием наблюдая за ними и оберегая их, молясь за порученное ему стадо, и за всех православных христиан, и за землю Русскую. И по отшествии своем из сего света молится он за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на его гробницу и вспоминая поучение его и воздержание, прославляют Бога.

Я же, грешный и недостойный раб его и ученик Нестор, недоумеваю, как восхвалить доброе его житие и воздержание, но скажу хотя бы немного. Радуйся, отче наш и наставник, мирскую суету отвергнув и молчание возлюбив! Радуйся, послуживший Богу в тишине и в монашеском житии, преисполнившись божественным даром! Радуйся, отче, лощением вознесшийся, и плотские страсти возненавидевший, и мирские наслаждения и желания сего отринувший! Радуйся, идущий по стопам высокомысленным вослед отцов, молчанием возвышаясь и смирением украшаясь, в словах книжных находя веселие! Радуйся, укрепившийся надеждой вечных благ, которые и восприял! Радуйся, преподобный, умертвивший плотское мудрствование и источник беззакония и мятежа усмиривший! Радуйся, козней и сетей бесовских избегший! Радуйся, что с праведными, отче, почил, восприяв за труды свои награду! Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал Великому Антонию, основателю монашества, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к Богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным! Радуйся, победивший мирские похоти и миродержца-князя тьмы века сего! Радуйся, поправший сопротивника дьявола и козни его победивший, твердым помыслом оградившись от вражеских его стрел! Радуйся, укрепившийся оружием крестным и непобедимой верой, помощью Божьей!

О честный пастырь Христова стада, богомудрый Феодосии, молись за нас и за меня, раба твоего Нестора, чтобы избавились мы от сети вражеской, и от дьявола охрани нас своими молитвами о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему же подобает слава, честь и поклонение с безначальным его Отцом, и с пресвятым, и благим, и животворящим его Духом ныне, и присно.

О ТОМ, КАК БЫЛА ОКОВАНА РАКА ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО. СЛОВО 10

Через некоторое время захотел Георгий, сын Симона и внук Африкана, оковать гробницу преподобного отца Феодосия, что и сделал.

Послал он одного из подручных бояр своих, именем Василия, из города Суздаля в богоименитый город Киев, в Печерский монастырь, чтобы оковать гробницу преподобного Феодосия, и дал ему Георгий пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота на окование гробницы преподобного. Василий взял деньги и нехотя отправился в путь; проклиная жизнь свою и день рождения своего, так говорил он в уме своем: «Что это задумал князь столько богатства погубить? И какая награда ожидает его за то, что он окует гроб мертвеца? Но что даром получено, то даром и брошено! Хуже всех же мне одному, не смеющему послушаться господина своего! Чего ради я дом свой оставил, для кого в этот горький путь иду? И от кого честь приму: не к князю я послан и не к иному вельможе. Что я скажу, или разговаривать, что ли, стану я с этим гробом каменным, и кто ответит мне? Кто не посмеется моему безумному приходу?» Это говорил он своим спутникам, и многое другое.

Святой же явился ему во сне и кротко сказал: «О чадо, я хотел тебя вознаградить за труд твой; но если не покаешься, тяжкие ждут тебя испытания». Однако Василий не переставал роптать, и великую беду навел на него Господь за грехи его: кони все у них пали и все, что у них было, украли воры, кроме посланного с Василием сокровища. Василий же открыл сокровище, посланное на окование раки святого, и взял оттуда пятую часть золота и серебра, и истратил на себя и на коней; и не уразумел он, что гнев претерпел за хулу свою.

И когда приехал он в Чернигов, то упал с коня и так разбился, что не мог и рукой пошевелить. Бывшие с ним положили его в ладью и привезли его под Киев, когда наступил уже вечер. И в ту же ночь явился ему святой, говоря: «Василий, не слышал разве ты Господа, говорящего: “Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители”. Хорошо уразумел сын мой Георгий слова Господа, сказавшего: “Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника”. Ты же за труд свой увенчан был бы, и такой славы никто еще не удаивался, какую принял бы ты вместе с Георгием; ныне же всего этого лишился ты, однако не отчаивайся за жизнь свою. Но не иначе ты исцелишься, как покайся в согрешении своем: прикажи, чтобы отнесли тебя в Печерский монастырь, в церковь Святой Богородицы, и пусть положат тебя на гробницу мою, и ты будешь здоров, а истраченное тобой золото и серебро найдешь целым». И все это наяву произошло с Василием в ту ночь, а не во сне, когда являлся ему преподобный Феодосий.

Утром же пришел к нему князь Георгий со всеми боярами, и, видя его в столь горестном состоянии, опечалился за него и ушел.

Василий же поверил видению святого и велел свезти себя в Печерский монастырь. Когда они были уже на берегу, вошел некто неизвестный к игумену, говоря: «Скорее иди на берег, приведи Василия и положи его на гроб преподобного Феодосия, и, когда он отдаст сокровище, обличи его перед всеми, сказав, что он взял себе пятую часть из него, если же он покается, то верни ему». И сказав это, сделался невидим. Игумен стал искать, что за человек являлся ему, и никто не видал, ни как он входил, ни как вышел. Тогда игумен пошел к Днепру, ввел Василия на гору и положил его на гробницу святого, — и встал Василий цел и здоров всем телом, и подал он игумену четыреста гривен серебра и сорок гривен золота. Игумен же сказал ему: «Чадо, а где еще сто гривен серебра и десять — золота?» Василий же начал каяться, говоря: «Я взял и растратил; подожди, отче, все тебе отдам; я хотел скрыть это, думая утаить от всевидящего Бога». Тогда высыпали деньги из сосуда, в котором они были запечатаны, сосчитали перед всеми, и оказалось все сполна:

пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота, — и все прославили Бога и святого Феодосия. И тогда начал Василий рассказывать все по порядку: явление святого и деяния его.

На другой день князь, взявши с собой лекарей, пришел в то место, где был прежде Василий, чтобы лечить больного, и не застал его. Узнавши же, что Василия отвезли в Печерский монастырь, и подумав, что он уже умер, князь поспешно отправился в монастырь и нашел его здоровым, как будто он никогда не болел. И, услышав от него о дивных чудесах, князь поразился, и, радостию духовной преисполнясь, поклонился чудотворному гробу великого Феодосия, и ушел.

Узнав о случившемся, Георгий Симонович, тысяцкий, приложился еще больше душой к святой Богородице и святому Феодосию, и к обильному своему подаянию прибавил гривну, которую носил, весом в сто гривен золота, и написал так: «Я, Георгий, сын Симонов, раб пресвятой владычицы Богородицы и святого Феодосия, благословен был святою рукой его: некогда болел я три года глазами, так что и луча солнечного не видел, и по его слову исцелился, услышал из уст его: “Прозри!” — и прозрел. И вот поэтому пишу грамоту сию до последнего в роду моем, чтобы никто не был отлучен от дома пресвятой владычицы Богородицы и преподобных Антония и Феодосия. Если же кто и в крайнее убожество впадет и не сможет ничего дать, пусть будет положен хотя бы в селениях церкви той: везде ведь молитва Антониева и Феодосиева помогает. Когда мы приходили с половцами на Изяслава Мстиславовича, увидали мы издали ограду высокую и быстро пошли туда, а никто не знал, какой это город. Половцы же бились под ним и многие ранены были, и побежали мы от города того. После уже узнали мы, что это было село обители святой Богородицы Печерской, а города тут никогда и не бывало, и сами, живущие в селе том, не знали о случившемся, и, лишь на другой день вышедши, увидали, что произошло кровопролитие, и подивились бывшему. Я пишу вам об этом потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия; он обещал отцу моему Симону как о своих черноризцах, так и о нас молиться. Молитву эту велел отец мой, веря в обет святого, вложить в руку его, когда будет в гроб положен, и открыто явился он одному из тех богоносных отцов, и сказал ему так: “Передай сыну моему Георгию, что я получил все блага по молитве святого, постарайся и ты, сын мой, идти по моим следам добрыми делами”. Если же кто не захочет благословения и молитвы святого отца Феодосия и уклонится от него, возлюбя проклятие, да получит возмездие». И вот поэтому правнуки Симона любовь имеют к храму Святого Дмитрия, — у них в нем место свое есть, и если кто-нибудь из них лишится его, тот проклят своими прародителями и отцами, ибо своей волей такой отрекается от молитвы святого, и благословения, и обещания преподобного отца Феодосия.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ФЕОДОСИЮ, ИГУМЕНУ ПЕЧЕРСКОМУ, МОНАСТЫРЬ КОТОРОГО В БОГОСПАСАЕМОМ ГОРОДЕ КИЕВЕ. СЛОВО 11

Когда воздается похвала праведнику, то веселится народ. Радостью и веселием наполнен день, когда муж праведный и преподобный оканчивает свой жизненный путь, когда успокоение трудам своим видит, когда, печаль оставив, к радости стремится, когда, землю оставив и земное все, на небеса идет, когда людей оставляет и с ангелами водворяется, и Бога зреть сподобляется. В сей день преставился в жизнь вечную учитель наш, наставник

и пастырь, великий среди отцов отец Феодосии, первый светильник, защитник и чудотворец земли Русской.

Где еще есть сей радости большая, чем то, что сподобились мы видеть отшествие к Богу отца и учителя нашего, принявшего венец нетления и близ престола Владыки предстоящего всегда и дерзновение имеющего молить о нас Владыку? Ведь радуется сын, и не только сын, но и рабы, видя господина своего в милости у земного царя за многие рати и победы над врагами царя. Мы же, сыновья и рабы господина своего, ликуем и радостно празднуем, восхваляя его подвиги и победу над духами нечистыми, и то, что он великую честь получил у Господа Вседержителя и для многих исходатайствовал жизнь вечную. И кто сможет достойно восхвалить или прославить земного ангела и небесного человека?

Люди, пребывающие во тьме и в глубокой тени, увидели свет веры через апостола нашего, посланного Богом, — князя Владимира: сам Бога познав святым крещением, он и нам его открыл, покров неведения с душ наших сорвав, и светлостью в Троице славимого Божества просвещены мы были. Другой же путь Христос своим ученикам указал, сказавши: «Всякий, кто оставит отца и мать, город и села свои ради меня, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует царство небесное». От кого же мы узнали сей путь и бремя легкое Иисусово и кто показал нам, как взять на себя крест и последовать за Христом? Только этот преподобный отец наш Феодосии! Были и прежде Феодосия уходящие от мирской жизни и шедшие трудным путем к спасению, но от него порядок и устройство всех в Руси монастырей происходят. Нет ведь никого другого, кто бы раньше него смог такое самоотречение проявить, как он с учителем своим, блаженным Антонием, ибо исполнил он притчу Господа, который сказал: «Если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то одно останется; а если умрет, то много плода принесет». Умертвившись для всего мирского, ожил он во Христе и обильный плод принес, породив его духом и сохранив добродетелью своею и правдой, и умножил он талант, данный ему Богом, и сбылось над ним сказанное Богом: «Добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многими тебя поставлю». О таких, как он, сказал Христос: «Многие последние будут первыми, а первые последними».

Сей, хотя и в нынешние времена явился, но крепость и любовь к Богу, которые в нем сияли, многих, прежде него бывших подвижников, превзошли. Уже в юном возрасте он земных благ гнушался и о небесном помышлял, от чрева матери был чистым сосудом для Святого Духа, невзлюбил он славу мира сего, нищету добровольно воспринял и во всем уподобился Господу своему. Красоты мимотекущие ни во что вменив, об одном только помышлял, — как бы прийти, предстать пред лицом Бога, наедине с ним общаться в молитве. И от матери многие и жестокие истязания принял он, ибо этим хотел отвратить злой враг святого отрока от доброго помысла; предвидя, окаянный льстец, что от него побежден он будет, многие беды обрушил он на него. Благодать же Божия вела его туда, где, как солнце, воссиял он на тверди небесной, лучами своими просветив весь мир, и, видения не лишенный, предначертанное свыше принял, разумом восходя ежедневно на высшее, по апостолу, — «забывая заднее и вперед простираясь». Был он послушлив безмерно родившей его, но более того стремился исполнить Божественные повеления; уразумев мудростью Духа Святого, что препятствуют заботы о мирском заповеди Божественные исполнить, все отверг он и помыслил Господу посвятить себя, говоря: «Лучше мать огорчить на малое время, пока наконец не даст ей Господь разум суетным пренебречь, нежели царства Господнего лишиться».

Пришел он в город Киев, наставника ища и учителя, который ясно открыл бы ему путь божественный; и, долго искав, нашел, — не оставляет Господь без награды стремящихся к

доброму. Мужа чудного встретил он, совершенного в рассуждении, и многоразумного, и пророческим даром обладающего, которого звали Антоний. К нему пришел блаженный Феодосии, юный возрастом, разумом же старый. Все повеленное ему учителем усердно исполнял он и больше того, и был, если сказать по Иову, — «око слепым и нога хромым»; апостольское слово, в котором сказано: «Носите бремена друг друга и так исполните закон Христов», всегда в сердце держал. Сей же блаженный не за одного или за двух понес бремя, но всей братии служил и всем помощь оказывал. Многие из них покой обретали служением его. С помощью Бога, который даровал ему силу телесную, творил он это во все дни, и никогда службы церковной не пропускал и правила келейного никогда не нарушал, и к уставу монастырскому, который написал для доброго труда и благого послушания, с великим прилежанием относился. За это Господь и возвеличил его.

Тот, кто работал как самый последний из всех и всем слугой служил, над всеми ними пастырем, и отцом, и учителем поставлен был. Когда князь перевел Варлаама-игумена из Печерского монастыря в другой, Феодосии, хотя он очень и не хотел этого, но не смея ослушаться своего учителя Антония и убедившись, что это Божье произволение, принял на себя игуменство неволею и еще большему труду предался, помышляя печясь по мере сил своих о нуждах монастыря, а еще более того о духовном деле заботиться. И говорил себе святой Феодосии: «Приложу к трудам труды и к подвигам подвиги, а то как предстанешь перед своим Владыкой, если стада его в целости не сохранишь? Или как скажешь: “Вот я и дети, которых ты мне дал, Боже”?» После того все ночи без сна пребывал он: то на молитве стоя, то по келиям ходя и братию на молитву поднимая. И, в старейшинстве пребывая, не оставил он своих благих привычек: иногда воду носил, иногда же дрова колол, подавая собой пример всей братии. А когда приспевал Великий пост, тогда воин Христов Феодосии от всех земных дел отстранялся: уходил от братии, и в пещере один затворялся, и, пребывая там все сорок дней Великого поста наедине, с Единым через молитву беседовал. Кто сможет поведать его подвиги, и страдания, и рыдания слезные, и пост жестокий, и борьбу с лукавыми духами? А когда приближался светлый день Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил как Моисей с горы Синайской, душою сияя ярче лица Моисеева, и во все годы жизни своей этого обычая он не нарушил.

Тогда и откровения Божьего сподобился он: о дне исхода своего узнал, в который из сего света в жизнь бесконечную повелено ему уйти. Не утаил от друзей и учеников своих, что к Богу идет, и обещался молиться Богу о доме пречистой Матери и о стаде чад своих до самого пришествия Господа Бога нашего. И как обещался, так и сделал.

И каких великих сподобился наград от Бога, такую и милость Господню подает нам во все времена и годы, приходя и посещая, обороняя и сохраняя и оберегая стадо свое от врагов душ наших. Кто, молив о спасении у гробницы святого, не получил надежды? Или кто, призвав с верою имя его святое, не избавился от горести душевной и не исцелился от болезни телесной? Это нам апостол и проповедник, сей нам пастырь и учитель, сей нам вождь и руководитель, сей нам стена и ограда, похвала наша великая и дерзновение наше к Богу.

Сегодня нам, братья, радоваться и веселиться духовно подобает, и благоукрашаться, и праздновать радостно, имея пред очами нашими гробницу преподобного отца нашего Феодосия, в которую ныне положено многострадальное и святое тело, излучающее чудеса во все концы Русской земли. Эта гробница приняла сокровище бесценное, сосуд Святого Духа, орудие божественное, честное тело отца нашего и учителя. На нее смотря, как на самого взираем, ибо если и в гробе лежит святой, но духом с нами всегда и нас видит. Если по заповеди его живем и повеления его сохраняем, то радуется он и милостиво

приближается к нам, хранит и блюдет нас, как детей возлюбленных. Если же перестанем радеть о своем спасении и наставления его не сохраним, то и сами помощи его лишимся.

О святой отче Феодосии! Сам восполни недостатки наши своими добродетелями, без твоей ведь помощи не сможем мы ничего благого свершить, и в день преставления твоего с любовью, вместе собравшись, взываем к тебе. Радуйся, просвещение Русской земли, ибо как утренняя звезда, на западе появившаяся и с востока воссиявшая, всю Русскую землю просветил ты! Радуйся, учитель и образец пути истинного, вождь, и путеводитель, и наставник иноческого жития! Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись! Радуйся, умноживший стадо словесных овец в доме Божьей Матери, какого ни одного ни до тебя, ни после тебя в земле нашей не было! Радуйся, насадитель виноградника Христова, побеги которого протянулись до моря и до рек разрослись ветви его: нет ведь стороны такой, ни места такого, где бы не было лозы виноградника твоего! Радуйся, откровения Божьего вместилище и строитель дома пречистой Матери Божьей, который ты создал и великолепием украсил и в дар Богородице принес! Радуйся, умноживший талант господину своему, от которого десять талантов получил и тысячу на них приобрел! Радуйся, на духовном пастбище сада Христова вскормивший множество словесных овец, с него же вкусивши, и иных земель овцы в доме Божьей Матери остались, и вместе с верными твоими детьми духовными соединились! Радуйся, источник сладкий, испив из которого, целые полки иноков божественную жажду утолили, и без труда путь жестокий прошли, и вселились при истоках вод превысочайших! Радуйся, пастырь и учитель, сберегший стадо от волка мысленного непорочным и невредимым, и начальнику пастырей, Христу, приведший его! Радуйся, столп огненный, светлее, чем явившийся при Моисее: тот освещал как свет обычный, ты же духовно просветил новых израильтян, через пустыню соблазна житейского провел их, и амалекитян мысленных духовными лучами устрасил, и в землю обетованную вывел, скажу точнее, — в райские пределы, где ученики твои ликуют! Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга пречистой Божьей Матери, которая не нашла другого, кроме тебя, строителя дома своего, его же она возлюбила и обещалась оказывать милость ему благодатию даров своих, что и сбылось! Радуйся, отче Феодосии, наша слава и великолепие!

Лавра твоя славится тобою, и во всех концах вселенной почитается имя ее. Народы дивятся отцам, бывшим в ней, которые воссияли, как звезды, на тверди небесной: исполнителями заповедей Божиих явились они, чудотворцами стали, и даром пророчества Бог сподобил их, дар прозрения от Святого Духа восприняли и слова Божественного были учителями. Приходили в нее цари, и поклонялись князья, и покорялись вельможи, и трепетали сильные мира сего, ужасались иноязычники, видя людей небесных, по земле шествующих. Как к престолу Господню, в дом Божьей Матери собирались иноки, воспевая песнь ангельскую беспрестанно; и с ангелами вместе сходились они у жертвенника Господня, одних ясно видя ангельский образ, с другими же мысленно и духовно беседовали и узнавали душой, когда приходили Божий ангелы; и многие из них вьяве духов лукавых изгоняли и страшны были для них.

Таковы вот отрасли твоего виноградника, таковы ветви корня твоего, таковы столпы твоего храма, таковы дети, тобой порожденные, таковы отцы твоей лавры! Ибо, отче, подобает таким ученикам от такого учителя быть; ибо воистину истекла из уст твоих река Святого Духа, которую указал сам Христос, сын Божий, когда сказал, уча иудеев: «Кто верует в меня, у того из чрева потекут реки воды живой». Это же сказал он о Духе, который хотели принять верующие в него. Та река, нигде не останавливаясь, беспрестанно утоляет жажду чад своих до скончания лет. Ту реку изливая, апостолы привели все народы к Богу; из той реки пия, мученики пренебрегли плотью своей и предали тела свои на истязание и на муки различные; из той реки пия, святые отцы оставили города и села,

богатство и дома свои, и стали жить в горах, и в дебрях, и в пещерах земных; из той реки пия, ученики твои пренебрегли всем земным, и устремились к небесному, и получили то, к чему стремились, — вселились в селения Бога, где пребывают сонмы бесплотных. И вот мы, им последуя, пришли в дом Божьей Матери под твое покровительство и твою защиту, возложив все упование наше на пречистую деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосии!

Если мы и не сподобимся идти путем первых твоих учеников, но помня, что сказали святые твои уста: «Если кто окончит жизнь свою в доме пречистой Божьей Матери, уповая на мою помощь, хотя и не свершит подвигов, я это возьму и Бога умолю о них», — на эти слова надеясь, с мольбою призываем тебя. Сам знаешь, преподобный, хотя мы и молчим, что дни наши пропали в суетности мира этого, и, лишь образумившись, возложили мы на себя иго Христово, и пришли в дом пречистой владычицы нашей Богородицы, в ограду святую твою. Не предай же нас врагам душ наших, ибо ополчились они на нас, и пленяют нас беспрестанно, и различными помыслами поражают сердца наши, и совращают нас с пути Божьего разумения, и побуждают нас стремиться к мимотекущему и тленному, и вконец низвергают нас в глубину греховную. Но тебя, кормчий, обрели мы: направь нас к пристани тихой, и бурю душевную успокой, и помолись за нас общему Владыке, чтобы подал он нам голос и слово, мысль и деяние на свершение всех заповедей его. Если мы от заповедей Господних отклонились и по лености своей нарушаем устав монастырский, тобою составленный, то за нашу веру к пречистой Деве и к тебе, отче святой Феодосии, да причтет нас Господь к сонму чад твоих, которые шествовали безупречно по стезям правды, и не отлучит нас от лицезрения сияющего лика своего, когда возьмет нас отсюда.

И еще при жизни нашей будь с нами и сохрани от многообразных козней и дел вражеских, которые отвлекают от Бога, молитвою своей помоги нам жить беспорочно и богоугодно, подними души наши, погрязшие из-за лености в земном, подай бодрость и крепость духовную и старые грехи отпусти. Хотя нерадение духа нашего пересилило нас, но, имея тебя пособником и помощником и в лавре твоей находясь, надеемся с твоей помощью чистыми перед Богом предстать и не попасть во власть врагов, видимых и невидимых. Сам ведь ты своим ученикам сказал, когда Богом повелено тебе было покинуть мир этот: «Да будет вам известно, чада, если по отшествии моем к Богу начнет в месте сем число иноков увеличиваться и монастырские недостатки станут умножаться, то пусть это будет вам свидетельством, что угоден я Богу и молитва моя принята им». Мы же, отче, достоверно знаем по равноангельскому житию твоему и по страстотерпческому твоему подвигу, что еще до исхода своего из сей жизни угоден ты был Вседержителю Богу. Еще сильнее по исходе своем ты подтвердил пророчество, что должно место это пречистой Богородицы и твоя святая лавра процвести славою и величеством. Ты сказал, что беспрестанно будешь молиться о святой обители своей, и свершилось истинное и неложное обещание твое, ибо после преставления твоего никем не захвачено и не разрушено было место твое, но с каждым годом росло и расширялось.

Когда же умножились грехи наши, и свершились беззакония наши, и злоба наша Бога прогневала, то тогда Божиим попущением, из-за грехов наших, разрушены были храмы, и монастыри разорены были, и города пленены, и села опустошены народом неизвестным, народом немилостивым, народом бесстыдным, который Бога не боится, ничего человеческого в себе не имеет. И до сих пор мы в рабстве у них, и в обиде злой, и в муке лютой, и припадаем мы к тебе, с мольбой взывая: простри руки свои с молитвой к владычице деве и пречистой Богородице, да вспомнит она милости свои прежние об обители сей, которые она даровала ей, и освободит нас от печали горькой, и отгонит врагов лукавых и хулителей нашей православной веры, и сделает неодолимой церковь

свою святую, которую она сама пожелала воздвигнуть в жилище себе; пусть умножит она стадо обители твоей и оказывает ей милость, как и раньше, соблюдая и укрепляя, заступаясь и храня от врагов, видимых и невидимых, чтобы свободными мы стали духом и телом, чтобы в свете сем временном могли мы жить богоугодно, не обладаемые никем, кроме как пречистой Богородицей и тобою, преподобный Феодосии, как и прежде отцы наши.

Зная о твоем милосердии, дерзнул я составить тебе похвалу: не потому, что я в силах достойную тебе похвалу написать, но надеясь награду от тебя получить, отче, и прощение грехов своих заслужить. Ибо прославили тебя небесные силы, приняли апостолы, приблизили к себе пророки, заключили в объятия мученики, вместе с тобой возрадовались святители, встретили сонмы черноризцев, возвеличила тебя и сама Царица пречистая Мать Господа, и прославила, и сделала известным от одного конца вселенной до другого, верный раб Господен!

Как же я смогу достойно восхвалить тебя, греховные уста имея и порочный язык? Но не имея ничего, что бы мог я принести тебе в день преставления твоего, приношу эту скромную похвалу, которая, как жалкий и зловонный ручей, вливаясь в просторы морские, не столько море наполняет, но от своего зловония очищается. Поэтому, о честной и святой отче Феодосии, не прогневайся на меня, грешного, но помолись обо мне, рабе твоем, чтобы не осудил меня в день пришествия своего Господь Иисус Христос, ему же подобает слава с безначальным его Отцом и с пресвятым, и благим, и животворящим Духом ныне и присно.

О ПЕРВЫХ СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, КОТОРЫЕ В ДОМЕ ПРЕЧИСТОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ, В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, ПРОСИЯЛИ БОЖЕСТВЕННЫМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ, ПОСТОМ, БДЕНИЕМ И ДАРОМ ПРОРИЦАНИЙ. СЛОВО 12

Поистине предивное чудо, братия, проявилось в том, что собрал Господь воедино таких черноризцев в обители Матери своей. Как пресветлые светила сияли они в Русской земле: одни были постниками, другие подвизались в бдении, иные в земных поклонах, некоторые постились через день или через два, иные питались лишь хлебом и водой, а другие только вареными или сырыми овощами; и все в любви жили: меньшие покорялись старшим и не смели при них говорить, и все это делали с покорностью и с великим послушанием; также и старшие имели любовь к младшим, наставляя и утешая их, как детей своих возлюбленных. И если какой брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его, и по великой любви своей епитимию, наложенную на одного, разделяли трое или четверо. Такова-то была божественная любовь меж той святой братии, такое воздержание и смирение. И если какой-нибудь брат уходил из монастыря, вся братия сильно печалилась о том, и посылали за ним, призывая в монастырь этого брата, чтобы он возвратился. И если возвращался такой брат, то шли к игумену, все кланялись и просили за брата игумена, и принимали брата этого в монастырь с радостью. Вот какие были тогда черноризцы, постники, подвижники! Из них же вспомню о некоторых чудных мужах.

Вот первый из них — Дамиан-пресвитер. Был он такой постник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до самой смерти. И если когда кто-нибудь приносил больного ребенка, одержимого каким-либо недугом, в монастырь к преподобному Феодосию, то тот

повелевал Дамиану сотворить молитву над больным. И тотчас, как он помолится и помажет елеем больного, то сразу выздоравливали приходящие к нему.

Когда разболелся блаженный Дамиан и, ожидая своей кончины, лежал в немощи, пришел к нему ангел в обличий Феодосия и обещал ему царство небесное за труды его. Вскоре затем пришел к нему и сам великий Феодосии с братией, и сели у постели его, изнемогающего от болезни. Он же, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь, отче, что ты мне обещал нынче ночью». И уразумел великий Феодосии, что тот видение видел, и сказал ему: «Брат Дамиан! Что я тебе обещал, то и сбудется». Он же закрыл очи и предал дух свой в руки Божий. Игумен же и вся братия похоронили его честно.

Был также и другой брат, Иеремия именем, который еще помнил крещение Русской земли; и был ему дан от Бога дар предсказывать будущее. Когда он прозревал в ком-нибудь дурные помыслы, то обличал его втайне и наставлял, как уберечься от дьявола. И если какой-нибудь брат задумывал уйти из монастыря, он, сразу же придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. И если кому-нибудь предсказывал он — хорошее ли или дурное, — всегда сбывалось слово старца.

И еще другой брат, именем Матфей, был прозорлив. Однажды, стоя в церкви на месте своем, поднял он глаза и оглядел братию, стоящую по обеим сторонам клироса и поющую, и увидал, как по церкви ходит бес в образе ляха, держа под полой цветы, которые называются лепками, и бес вынимал из-под полы цветок и бросал на кого хотел. Если к кому-либо из стоявших иноков прилипал цветок, тот, немного постояв, начинал дремать, придумывал какую-нибудь причину и уходил из церкви, чтобы поспать, и уже не возвращался до конца службы. Если же бросал на кого-либо другого из стоящих и к тому не прилипал цветок, то тот крепко оставался стоять на службе, пока не отпоют заутреню, и уже только после этого уходил в келью свою.

Был обычай у этого старца: отстоявши заутреню, когда уже братия расходилась по кельям своим, этот блаженный старец последним выходил из церкви. Однажды вышел он так и присел отдохнуть под билом, ибо келья его была далеко от церкви, — и вот видит он, как большая толпа идет от ворот. Поднял он глаза и увидел беса, сидящего, подбоченясь, верхом на свинье, а множество других идущих около него. И спросил старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тобольковичем». Старец же осенил себя крестным знамением и пошел в келию свою. А так как уже наступало утро, то уразумел старец видение и сказал ученику своему: «Пойди и спроси — в келий ли Михаль?» И сказали ему: «Он давеча, после заутрени, ушел за ограду монастырскую». И поведал старец о видении этом игумену и старейшей братии, и призвал игумен инока, и строго поучил его.

При этом блаженном Матфее преставился блаженный игумен Феодосии, и его место занял игумен Стефан, а после того — Никон, а старец все еще жил, и другие многие видения были ему. И почил старец о Господе в добром исповедании в Печерском святом монастыре.

О БЛАЖЕННОМ НИФОНТЕ, ЕПИСКОПЕ НОВГОРОДСКОМ, КАК В СВЯТОМ
МОНАСТЫРЕ ПЕЧЕРСКОМ, В БОЖЕСТВЕННОМ ОТКРОВЕНИИ, ВИДЕЛ СВЯТОГО
ФЕОДОСИЯ. СЛОВО 13

Блаженный Нифонт был черноризцем Печерского монастыря, подражал житию святых отцов, и за свои многие добродетели поставлен был епископом Новгорода. Безграничную веру и любовь имел он к пресвятой Богородице и к преподобным отцам печерским Антонию и Феодосию. Однажды услышал он, что от вселенского патриарха идет на Русь митрополит Константин, и, духовной радости исполнившись, помыслил в душе, что сразу сможет два благих дела свершить: в доме Пречистой побывать и преподобным поклониться и благословение от святителя принять; и вот по этой причине пошел он в 6664 (1156) году в Киев. И пока оставался он там, ожидая прихода митрополита, стало ему известно, что митрополит уже вышел из Царьграда.

В то время Клим-митрополит стол святительский занял без благословения царьградского патриарха. А принуждал Клим блаженного епископа Нифонта совершать службу вместе с ним. Нифонт же сказал ему: «Раз ты не принял благословения от святого вселенского царьградского патриарха, то не буду ни служить с тобой, ни поминать тебя на святой службе, так как поминаю святого царьградского патриарха». И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог зла ему сотворить никакого.

Патриарх же Царьграда, узнав о нем, прислал к нему послание, в котором восхвалял его за величие разума и непреклонность и приравнивал его к древним святым, которые твердо стояли за православную веру. Он же, прочитав патриаршее послание, с еще большей крепостью утвердился, был же он в великой дружбе с князем Святославом Ольговичем, ибо прежде того Святослав княжил в Новгороде.

И вот, когда пребывал этот блаженный епископ Нифонт в святом Печерском монастыре, безграничную веру имея к преподобным, о чем уже говорилось выше, вскоре постигла его болезнь. И рассказал он о дивном видении. «Когда за три дня до своей болезни пришел я, — рассказывал он, — с заутрени, прилег ненадолго, то сразу же уснул чутким сном. И очутился я в Печерской церкви стоящим на месте Святоши, и стал я горячо со слезами молиться пречистой Богородице, чтобы увидеть мне святого и преподобного отца Феодосия. И когда собралось много братии в церковь, один из братии подошел ко мне и сказал мне: “Хочешь увидеть святого отца нашего Феодосия?” Я же ответил: “Очень хочу, если можешь сделать это, покажи мне его”. И он, взяв меня за руку, ввел в алтарь и там показал мне святого отца Феодосия. Я же, увидев преподобного, от радости бросился к нему, пал ему в ноги и поклонился ему до земли. Он же поднял меня, благословил и, обняв меня руками своими, поцеловал меня и сказал: “Хорошо, что пришел, брат и сын Нифонт, теперь будешь с нами неразлучно”. А в руке своей преподобный держал свиток, и я попросил его, и как он дал мне, я развернул и прочел. И было в нем в начале написано так: “Это я и дети, которых мне дал Бог”. И проснулся я и теперь понимаю, что болезнь эта от Бога».

Болея же он тринадцать дней и почил с миром восемнадцатого апреля, в Светлую неделю. И был положен честно в пещере Феодосиевой, прийдя к любимому, как и обещал ему Феодосии преподобный; вкупе они перед Владыкой Христом предстоят, наслаждаясь неизречимыми небесными красотами, и о нас, о своих чадах, молятся.

Таковы-то вот чудные мужи в том в святом Печерском монастыре были, так что многие из них апостолам уподобились и престолов их наместниками явились, о чем следующее слово в послании этом наглядно покажет нам.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЦУ ПЕЧЕРСКОМУ. СЛОВО 14

Брат! Сидя в безмолвии, соберись с мыслями и скажи себе: «О, инок убогий, не ради ли Господа оставил ты мир и родителей своих?» Если же ты сюда пришел для спасения, а сам не духовное творишь, то ради чего облекся во иноческие ризы? От мук тебя не избавят черные ризы. Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои, которые говорят о тебе: «Блажен он, что возненавидел мир сей и славу его, и поэтому уже не печется он о земном, помышляя только о небесном». Ты же не по-иночески живешь. Великий стыд за тебя охватывает меня! Что, если те, которые почитают нас здесь, предвоят нас в царствии небесном и будут они упокоены, а мы в горьких муках возопием? И кто помилует тебя, самого себя погубившего?

Воспрянь, брат, и позаботься мысленно о своей душе! Служи Господу со страхом и полным смиренномудрием! Не будь таким, что нынче кроток, а завтра яр и зол; немного помолчишь, а потом снова ропщешь на игумена и его служителей. Не будь лжив — под предлогом телесной немощи от церковного собрания не отлучайся: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела. Все, что творишь ты в келий, маловажно: Псалтирь ли читаешь, двенадцать ли псалмов поешь, — все это не может сравниться с одним соборным: «Господи, помилуй!» Вот что пойми, брат: верховный апостол Петр сам был церковь Бога живого, а когда был схвачен Иродом и посажен в темницу, не молитва ли церкви избавила его от руки Ирода? И Давид молился, говоря: «Одного прошу я у Господа и того только ищю, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм его». Сам Господь сказал: «Дом мой домом молитвы наречется». «Где, — говорит он, — двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них». Если же соберется такой собор, в котором будет более ста братии, такому еще больше веруй, что тут Бог наш. И его божественным огнем готовится пища их, я бы единую крупицу пищи этой предпочел всей моей нынешней трапезе. Свидетель мне в том Господь, что не вкусил бы я никакой еды, если б только был у меня ломоть хлеба и чечевица, приготовленные на святую ту братию.

Не делай же ты так, брат, чтобы ныне хвалить сидящих за трапезой, а завтра на повара и на служащего брата роптать, — этим ведь ты старейшему пакость делаешь и окажешься сам нечистоты вкушающим, как об этом в Отечнике написано. Ибо дано было увидеть одному старцу, как различалась одна и та же еда: хулящие пищу — ели нечистоты, а хвалящие — мед. Ты же, когда ешь или пьешь, славь Бога, потому что себе же вредит хулящий, как сказал апостол: «Едите ли, пьете ли — все во славу Божию делайте». Терпи, брат, и досаждения: претерпевший до конца — такой и без труда спасется. Если случится, что кто-нибудь похулит тебя, а другой придет и расскажет, что такой-то зло порицал тебя, — ответь сказавшему тебе: «Хотя он и укорял меня, но он мне брат, видно, я достоин того: он же не от себя делает так, а враг-дьявол подстрекнул его на это, чтобы посеять вражду между нами. Да прогонит Господь лукавого, а брата да помилует!» Говоришь, что он хулил тебя перед всеми: не скорби о том, чадо, и не поддавайся скорому гневу, но, падши, поклонись брату до земли и скажи: «Прости меня, брат!»

Исправь свои прегрешения и победишь тем всю силу вражию. Если же на укоризны будешь возражать, то только себе досадишь. Или ты больше Давида-царя, которого Семей поносил при всех? И один из слуг царя, не стерпев обиды царю своему, сказал: «Пойду, сниму с него голову: за что он, пес смердящий, проклинает господина моего, царя!» И что же Давид сказал ему? «О сын Саруш! Оставь его проклинать Давида, да увидит Господь

смирение мое и воздаст мне добром за его проклятия». И больше того: подумай, чадо, как Господь наш смирил себя, быв послушным до самой смерти своему Отцу: злословили на него, и он не противился; когда говорили, что он одержим бесом, били его по лицу, и заушали, и оплевывали, — он не гневался, но даже за распинавших его молился. Тому же и нас научил он: «Молитесь, — сказал, — за врагов ваших, и добро творите ненавидящим вас, и благословляйте клянущих вас».

Довольно, брат, и того, что ты по своему малодушию сделал. Тебе теперь следует оплакивать то, что ты оставил было святой честной монастырь Печерский, и святых отцов Антония и Феодосия, и святых черноризцев, которые с ними, и взялся игуменствовать у Святых бессребренников Козьмы и Дамиана. Но ныне хорошо ты сделал, отказавшись от такого суетного начинания, и не поддався врагу своему, ибо это было вражие желание, которое погубило бы тебя. Или ты не знаешь, что дерево, если не поливать его часто, особенно пересаженное, скоро засыхает? И ты, отлучившись от послушания отца и братии и оставивши свое место, вскоре погиб бы. Овца, пребывая в стаде, в безопасности, а отбившись от него, быстро погибает, и волк съедает ее. Следовало бы тебе сначала рассудить, чего ради хотел ты уйти из святого, и честного, и спасенного того места Печерского, в котором так благодатно всякому желающему спастись. Думаю, брат, что сам Бог устроил так, не терпя гордости твоей: он извергнул тебя, как прежде Сатану с отступниками, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту печерскому Акиндину. Печерский монастырь — это море, не держит оно ничего гнилого, но извергает вон.

А что писал ты ко мне про свою обиду, — горе тебе: погубил ты душу свою! Спрашиваю я тебя, чем ты хочешь спастись? Если и постник ты, и рассудлив во всем, и нищ, и сну не предаешься, а упреков не терпишь, то не узришь спасения. Но ныне радуется за тебя игумен и вся братия, и мы, слышав о тебе, все возрадовались о тебе и обретении твоём: ты пропал и нашелся. И еще раз поступил ты своевольно, а не по благословию игумена: снова захотел игуменствовать — у Святого Дмитрия, и не принуждал тебя к этому ни игумен, ни князь, ни я, — и вот ты вновь впал в искушение. Пойми же, брат, что не угодно Богу твое старейшинство, для того и послал тебе Господь слабость зрения. Но ты не содрогнулся и не сказал, как бы следовало: «Благо мне, что смирил ты меня, да научусь я уставам твоим!» Убедился я, что ты санолобец и славы ищешь от людей, а не от Бога. Или не веруешь ты, окаянный, написанному: «Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый Богом». Если же ты апостолу не веруешь, то и Христу не поверишь. Зачем ищешь ты сана от людей, а не от Бога, поставленным от Бога повиноваться не хочешь и думаешь о себе так высоко? Таковые в первые времена свержены были с небес. «Разве я, — говоришь ты, — не достоин такого сана, что не могу принять его, или хуже я эконома этого, или его брата, который тоже начальствует?» Сам же, не получив желаемого, смуту сеешь, часто ходишь из келий в келию и ссоришь брата с братом, говоря бесполезное: «Или, — говоришь, — этот игумен и эконома этот думают, что только здесь и можно угодить Богу, а в другом месте и спастись нельзя? А мы, что же, ничего уж и не разумеем?» Все это дьявольские начинания, скудоумные твои измышления. Если же и сам ты получишь какую-нибудь почесть и займешь высокое место, не забывай смиренномудрия, и тогда, если случится тебе лишиться этого места, ты снова пойдешь по смиренному пути своему и не впадешь в различные скорби.

Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на место Антония, или в Смоленск, на место Лазаря, или в Юрьев, на место Алексея. «Я, — говорит, — готова до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя, Анастасия! Дело не богоугодное хочешь ты сотворить: если бы пребывал он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании

игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и высшего царства достоин бы был».

А ты, брат, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что апостол Павел говорит Тимофею, и, прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что следует епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы сопредстоятелем себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль, — как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твое малодушие. И если ты ослушаешься меня, захочешь какой-либо власти, сделаешься епископом или игуменом, — проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный будешь, и извержен будешь вон, и после станешь горько плакать, но безуспешно.

Не в том совершенство, брат, чтобы славили нас все, но чтобы правильно вести житие свое и чистым себя соблюсти. Поэтому-то, брат, из Печерского монастыря пречистой Богоматери многие епископы поставлены были, как от Христа, Бога нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, и, как светила светлые, осветили они всю Русскую землю святым крещением. Первый из них — Леонтий, епископ Ростовский, великий святитель, которого Бог прославил нетлением, он был первопрестольник; его, после многих мучений, убили неверные, — это третий гражданин Русского мира, с теми двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Про Илариона же, митрополита, ты и сам читал в Житии святого Антония, что им он пострижен был и святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем — в Переяславле, Исая — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмутаракани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас, грешных, будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат, какова слава и честь монастыря того! И, устыдившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому Господь призвал тебя. Я бы с радостью оставил свою епископию и стал бы служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это тебе, брат, не для того, чтобы возвеличить самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. И кто не знает меня, грешного, епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел, и десятину собирают с них по всей земле той, — и этим всем владеет наше ничтожество. И все бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст он мне благое время исполнить его.

Но ведает тайное Господь: истинно говорю тебе — всю эту славу и честь сейчас же за ничто посчитал бы, лишь бы валяться сором, попираемым людьми, в Печерском монастыре, или быть одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной той лавры, — все это лучше было бы для меня временной сей чести. Один день пребывания в доме Божьей Матери лучше, чем тысяча лет обычной жизни, и в нем хотел бы я находиться, а не жить в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о более дивных чудесах, чем те, какие свершались в святом Печерском монастыре? Где еще встречались столь божественные отцы, озарившие все концы вселенной подобно лучам солнечным? О них же достоверно поведаю тебе этим писанием, в добавление к тем, о которых тебе уже рассказывали. И о том тебе, брат, расскажу, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

СКАЗАНИЕ СИМОНА, ЕПИСКОПА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО, О СВЯТЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ДОЛЖНО ИМЕТЬ УСЕРДИЕ И ЛЮБОВЬ К ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦАМ АНТОНИУ И ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКИМ. СЛОВО 15

Слышал я предивную вещь от блаженных старцев печерских; они же говорили, что слышали от очевидцев этого чуда, случившегося во времена игуменства Пимена в Печерском святом монастыре.

Был в Печерском том монастыре муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном. И сподобился он от Бога дара прозорливости, так что видел согрешения человека всякого. Рассказывают и о других его подвигах, но я об одном расскажу.

Был у этого блаженного Онисифора сын духовный и любимый друг, некто из черноризцев, который лицемерно подражал житию этого святого: притворялся постником и целомудренником, втайне же ел и пил и, живя распутно, так проводил лета свои. И утаилось это от духовного того мужа, и никто из братии сего не знал.

В один день, совсем здоровый, внезапно он умер. И никто не мог приблизиться к его телу из-за смрада, исходящего от него. И напал страх на всех, и насилу вытащили его, но отпевания из-за смрада не могли над ним свершить. Положили тело в стороне и, ставши поодаль, творили обычное пение, иные же затыкали ноздри свои. И, внесши его внутрь пещеры, положили там, и пошел такой смрад, что и бессловесные твари бегали от той пещеры. Много раз слышался и вопль горький, словно кто-то мучил его.

И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого еще никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился Богу, говоря: «Господи, зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевши, покались». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошел и возвестил все это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, — сказал Антоний, — недостойн он пребывать здесь». Пресвитер же снова стал молиться, и был к нему голос: «Если хочешь, — помоги ему».

Посоветовавшись с игуменом, решили насильно привести кого-нибудь, чтобы вытащить вон это тело и бросить его в воду, так как добровольно никто не мог приблизиться к той горе, где была пещера. И снова явился святой Антоний, говоря: «Смиловался я над душой брата этого, потому что не могу нарушить обета моего, данного вам, что всякий, положенный здесь, помилован будет, хотя бы и грешен он. Ведь не хуже отцы, положенные со мною в пещере, тех, что были прежде закона и после закона, но угодили Господу Богу моему и пречистой его Матери, и потому никто из монастыря этого не будет осужден на муку. Господь говорил ко мне, и я слышал голос его: “Я тот, который сказал Аврааму: ради двадцати праведников я не погублю города сего”, — тем более тебя ради и тех, которые с тобою, помилую и спасу грешника; если здесь постигнет его смерть, — спасен будет». Услышав это от святого, Онисифор возвестил все виденное и слышанное

игумену и всей братии. Одного из них встретил и я, и он рассказал мне историю эту от тех первых черноризцев.

Игумен же Пимен в великом недоумении был из-за такого страшного события и со слезами молил Бога о спасении души брата. И было ему видение от Бога, сказавшего: «Так как уже здесь многие грешные положены были, и все прощены были ради угодивших мне святых, лежащих в пещере сей, и этого окаянного душу помиловал я ради Антония и Феодосия, рабов моих, и молитвою спасшихся с ними святых черноризцев. И вот тебе знамение перемены: смрад в благовоние превратился». Услышав это, игумен исполнился радости, созвал всю братию и, рассказав им о явлении, пошел с ними к пещере, чтобы увидеть случившееся; и обоняли все благоухание от тела умершего, а злосмрадия и вопля никакого не было слышно. И все насладились благоуханием и прославили Бога и святых его угодников, Антония и Феодосия, за спасение брата.

Оттого-то и я, грешный, епископ Симон, тужу, скорблю и плачу, и желаю там умереть, чтобы положенным быть только в божественной той земле, и принять малую отраду от многих грехов моих, молитв ради святых отцов о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков.

О БЛАЖЕННОМ ЕВСТРАТИИ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 16

Некий человек пришел из Киева в пещеру, желая стать черноризцем. И повелел игумен его постричь, и дал имя ему Евстратий. Он же раздал все имение убогим, оставив немного ближним своим, чтобы они за него раздавали. Был же этот черноризец Евстратий постник и послушлив всем.

Этот блаженный, поучая и умоляя всех христиан, наставлял их, говоря: «Братия, вы, которые крестились и в Бога веруете, не будьте отступниками от обета, данного при святом крещении. Христос нас искупил от проклятия и освятил водою и духом, сынами и наследниками нас сотворил: так что, если умрем, — в Господе умрем; если же жить будем, — исполним службу нашу; если за людей умрем — то смертью жизнь купим и Христос жизнь вечную даст нам».

Этот Евстратий был взят в плен безбожными кочевниками и продан иудею. Через несколько дней все пленники умерли, мучимые голодом и жаждой: иные через три дня, другие через семь, крепкие же — через десять дней. И так все скончались от голода и жажды. Было же их числом пятьдесят: из монастырских работников тридцать, из Киева двадцать.

По прошествии же четырнадцати дней остался в живых один только монах, потому что был он постником с самых юных лет. Иудей же, видя, что монах этот был виновником гибели золота его, которое он уплатил за пленных, решил принести его в жертву на Пасху свою. Когда наступил день Воскресения Христова, надругался он над святым Евстратием так, как, по писаному в Евангелии, надругались иудеи над Господом нашим, Иисусом Христом: пригвоздил этого блаженного к кресту. А тот славил Бога на кресте и оставался жив и в пятнадцатый день.

Иудеи же говорили ему: «Безумец, прими наш закон и будешь жив: ведь Моисей от Бога принял закон, который дал нам, и вот в книгах сказано: “Проклят всякий, висящий на древе”». Инок же сказал: «Великой благодати сподобил меня Бог в нынешний день пострадать. И скажет он мне, как и разбойнику: “Ныне же будешь со мною в раю”. Он сам уничтожил закон и ввел благодать. Это о нем сказал Моисей: “Увидите жизнь вашу, висящую пред очами вашими”; Давид же: “Пригвоздили руки мои и ноги мои”, и еще: “Разделили ризы мои между собой и об одежде моей метали жребий”. О нынешнем же дне говорит: “Вот день, который сотворил Господь! Возрадуемся и возвеселимся в день этот!” Ты же и другие иудеи с тобой заплачете ныне и зарыдаете: пришло вам время дать ответ Богу за кровь мою и кровь всех христиан, потому что субботы ваши ненавидит Господь и преложил праздники ваши в сетование, ибо убит начальник вашего беззакония».

Иудей же, слыша, как распятый поносит его, взяв копье, пронзил его, и тот предал душу свою Господу. И видели, как в огненной колеснице несли душу преподобного огненные кони, и раздался голос, говоривший по-гречески: «Вот добрый гражданин небесного града!» И потому протостратором зовется он в поминании вашем.

И вдруг в тот же день пришло об иудеях повеление от царя, чтобы изгнать всех иудеев, отнявши у них имение, а старейшин казнить. Случилось же вот что. Некий иудей, богатый и очень отважный, крестился, и ради этого приблизил его к себе царь и вскоре назначил его епархом. Он же, получив сан, втайне оставался отступником от Христа и его веры и дал свободу иудеям по всему царству Греческому покупать себе христиан в рабство. И обличен был этот нечестивый епарх и убит, как предсказал блаженный Евстратий, и с ним все иудеи, которые зимовали в Корсунии; а у того иудея, который замучил блаженного, отняли имение и самого повесили. «Обратилась злоба его на главу его, и на его темя злодейство его пало».

Тело же святого было брошено в море, где множество чудес свершается им. Верные искали его святые мощи, но не нашли, не от людей, а от Бога желал славы святой. Окаянные же иудеи, видев страшное чудо, крестились.

О СМИРЕННОМ И МНОГОТЕРПЕЛИВОМ НИКОНЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ. СЛОВО 17

Другой инок, именем Никон, был также взят в плен, и держали его в оковах. И пришел некто из Киева выкупить его. Но он не радел о том, хотя и был из знатных людей города. Христолюбец же тот, выкупив многих других пленников, возвратился. Услышав об этом, родственники Никона со многим богатством пошли выкупать его. Инок же сказал им: «Не тратьте все богатства вашего. Если бы хотел Господь, чтобы я был свободным, то не предал бы он меня в руки этих людей беззаконных и самых коварных во всей земле. Господь сказал: “Я предаю в плен и священников”. Благое приняв от руки Господней, — неужели не стерпим зла?» Родственники же, укоряя его, ушли, унося с собой большое богатство.

Половцы же, видя, что не осуществилось их желание, начали мучить инока без всякой милости. Три года каждый день издевались над ним и связывали его, бросали в огонь, резали ножами, с закованными руками и ногами оставляли под палящим солнцем, голодом и жаждой морили, так что он иногда день, иногда два и три оставался без всякой пищи. И за все это благодарил он Бога и молился. Зимой же на снег и на мороз

выбрасывали его. Все это делали окаянные половцы, чтобы он дал за себя большой выкуп. Он же сказал им: «Христос даром избавит меня от рук ваших; я уже получил извещение об этом: являлся мне брат мой, которого вы продали иудеям на распятие. Осудятся они со сказавшими: “Возьми, возьми, распни его, кровь его на нас и на детях наших!” — вы же, окаянные, вечно будете мучиться с Иудою, как предатели нечестивые и беззаконники. И вот что сказал мне святой Герасим: “Через три дня ты будешь в монастыре по молитвам святых Антония и Феодосия и святых черноризцев, которые с ними”». Услышав же это, половчанин подумал, что тот бежать хочет, и подрезал ему голени, чтобы он не убежал, и крепко стерегли его. В третий же день все с оружием сидели около него, — вдруг в шестом часу он сделался невидим, и услышали голос, произнесший с небес: «Хвалите Господа!».

И так перенесен был он невидимо в Печерскую церковь пресвятой Богородицы в то время, когда начали петь кенаник. И стеклась к нему вся братия, и спрашивали его, как он сюда пришел? Он же сперва хотел утаить преславное то чудо. Но все видели на нем железа тяжкие, и раны неисцелимые, и все тело, гноившееся от ран, и сам он был в оковах, и кровь еще капала из перерезанных голени, — и не поверили ему.

Наконец поведал он им истину и не давал снять оков с рук и ног. Игумен же сказал: «Брат, если бы хотел Господь в беде тебя оставить, то не вывел бы он тебя оттуда; теперь же подчинись воле нашей». И, снявши с него оковы, перековали их на вещи, нужные для алтаря.

Спустя долгое время половчанин, державший в плену этого блаженного, пришел в Киев для переговоров о мире, и зашел он в монастырь Печерский. И увидел этого старца, и рассказал о нем игумену и всей братии, и после того уже не вернулся назад, но вместе с родом своим принял крещение и сделался иноком; и здесь, в монастыре, окончили они жизнь свою в покаянии, служа пленнику своему, и положены в своем притворе.

И о многих других деяниях того блаженного Никона рассказывают; о них нет времени теперь писать, но об одном я все же тебе расскажу. Когда был в плену этот блаженный, заболели однажды пленники от голода и жажды. И велел им блаженный ничего не принимать в пищу от поганых, сам же, в устах, молитвою всех исцелил, и сделал так, что они невидимо бежали.

Однажды, когда тот половчанин стал умирать, велел он женам своим и детям, чтобы распяли над ним этого монаха. Тогда блаженный помолился и исцелил его: он провидел его будущее покаяние и себя избавил от горькой смерти. Этот Никон «Сухим» именуется в поминании вашем: истек он кровью, сгнил от ран и иссох.

К Поликарпу. Как смогу я, брат, достойно прославить святых мужей, бывших в честном том и блаженном монастыре Печерском?! Ради добродетельного жития их и поганые крестились, и монахами становились, — так, ради того блаженного Христова мученика Герасима <Евстратия> иудеи крестились, а ради этого страстотерпца Никона половцы сделались иноками. Многое же, и больше этого, слышал ты от меня, грешного епископа Симона, худшего из епископов, недостойного быть подножием тех святых черноризцев; да их, думаю, и весь мир недостойн, и нет такого книжника, который бы мог описать все чудеса их. Это им сказал Господь: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего, который на небесах». Что же может нарушить наш обет и переменить жизнь нашу, с такой высоты в глубину житейскую павших? Ведь мы начальников и наставников имеем, равных бесплотным, первых

молитвенников и ходатаев пред Творцом, подобных ангелам, мученическими венцами увенчанных!

О СВЯТОМ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЕ КУКШЕ И О ПИМЕНЕ ПОСТНИКЕ. СЛОВО 18

Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце того же Печерского монастыря, священномученике Кукше, о котором всем известно, как он бесов прогнал, и вятичей крестил, и дождь с неба свел, и озеро иссушил, и много других чудес сотворил, и после многих мучений убит был с учеником своим. В один день с ними скончался и блаженный Пимен Постник, который предсказал за два года свое отшествие к Господу, и о многом другом пророчествовал, и недужных исцелял. И вот посреди церкви, во всеуслышание, сказал он: «Брат наш Кукша нынче на рассвете убит». И сказавши это, умер в одно время с теми двумя святыми.

К Поликарпу. Не стану я много говорить о святых. Если не довольно тебе моей беседы, того, что ты слышал из уст моих, то и мое писание не убедит тебя; если этому не веруешь, то и тому, что человек из мертвых воскрес, — не поверишь.

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ УМЕР, А НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СНОВА ОЖИЛ И ПРОЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ. СЛОВО 19

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата омыли тело мертвое и ушли, спеленав его, как подобает покойника. Случайно пришли к нему другие иноки и, увидя, что он умер, также ушли. И оставался покойник весь день без погребения: был он очень беден, и никаких сбережений не имел, и потому был в небрежении; богатым-то всякий старается послужить как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену, говоря: «Человек Божий этот второй день лежит непогребенным, а ты веселишься». Узнавши об этом, игумен утром со всею братнею пришел к умершему, и увидели его сидящим и плачущим. И ужаснулись они, видя, что он ожил, и стали спрашивать его, говоря: «Как ты ожил и что видел?» Он же не отвечал ничего, только: «Спасайтесь!» Они же умоляли его рассказать о случившемся, говоря, что и им это будет на пользу. Он же сказал им: «Если я вам расскажу, не поверите мне». Братия же поклялась ему: «Соблюдаем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал им: «Во всем слушайте игумена, во всякое время кайтесь, молитесь Господу Иисусу Христу, и пречистой его Матери, и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить вам жизнь здесь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые важные вещи из всего, если только исполнять все это по чину, не возносясь. Более не спрашивайте меня ни о чем, и молю вас простить меня».

После этого ушел он в пещеру, заложил за собой двери и пробыл в ней, никогда и ни с кем не говоря, двенадцать лет. Когда же пришло время преставления его, он, призвав всю

братию, повторил сказанное прежде о послушании и о покаянии, добавив: «Блажен, кто здесь сподобится положенным быть». И, сказав это, почил с миром о Господе.

Был же между братией некто, уже много лет страдавший болью в ногах; и принесли его к умершему; он же обнял тело блаженного и исцелился с того часа, и до самой смерти своей никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелившемуся — Вавила. И вот что он рассказал братии: «Лежал я, — рассказывал он, — и стонал от боли, и вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: “Приди, я исцелю тебя”. Я же хотел его спросить, когда и как он сюда пришел, но он мгновенно сделался невидим». И уразумели все после этого, что угодил он Господу: никогда не выходил он из пещеры и не видел солнца двенадцать лет, плакал беспрестанно день и ночь, ел немного хлеба и чуть-чуть пил воды, и то через день. И это слышал я от самого Вавилы, исцеленного им.

Если кому невероятным покажется то, о чем я пишу, пусть прочтет жития святых отцов наших Антония и Феодосия, зачинателей русских монахов, — и тогда уверует. Если же и тогда не переубедится, не его вина: должно сбыться притче, сказанной Господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при пути, другое в терние» — в сердца тех, кто лишь заботами житейскими поглощен, о них же пророк сказал: «Окаменело сердце людей сих, и им трудно слышать ушами»; другой же: «Господи, кто поверит слышанному о нас?»

К Поликарпу. Ты же, брат и сын, не следуй их примеру; не для них пишу я это, но чтобы тебя приобрести. Совет же даю тебе: благочестием утвердись в святом том монастыре Печерском, не желай власти, ни игуменства, ни епископства: довольно тебе для спасения окончить жизнь свою в нем. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе из разных книг; но лучше, и для тебя будет полезнее, если я расскажу малое из того многого, что слышал о содевавшемся в том божественном и святом монастыре Печерском.

О ПРЕПОДОБНОМ СВЯТОШЕ, КНЯЗЕ ЧЕРНИГОВСКОМ. СЛОВО 20

Этот блаженный и благоверный князь Святоша, по имени Николай, сын Давыда, внук Святослава, уразумев обманчивость этой суетной жизни, и что все, что здесь, протекает и проходит мимо, будущие же блага непреходящи и вечны, и бесконечно царство небесное, уготованное Богом, любящим его, — оставил княжение, и честь, и славу, и власть и, все то ни во что вменив, пришел в Печерский монастырь и сделался иноком в 6614 (1106) году, февраля 17.

Все здешние черноризцы знают о его добродетельном житии и послушании. Три года пробыл он в поварне, работая на братию; своими руками колол дрова для приготовления пищи, часто с берега на своих плечах носил дрова; и с трудом братья его, Изяслав и Владимир, отговорили его от такого дела. Однако этот истинный послушник с мольбою упросил, чтобы ему еще один год поработать в поварне на братию. После же этого, так как во всем был он искусен и совершенен, приставили его к монастырским воротам, и пробыл он тут три года, не отходя никуда, кроме церкви. После этого велено ему было служить в трапезной. Наконец волею игумена и всей братии принудили его завести свою келию, которую он сам и построил, и доныне эта келия зовется «Святошиной», как и сад, который он своими руками насадил.

Говорят также о нем и то, что во все годы монашества никто никогда не видал его праздным: всегда в руках у него было рукоделье, чем он и зарабатывал себе на одежду. На устах же его постоянно была молитва Иисусова, беспрестанно повторяемая: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня!» Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и донныне.

Еще во время княжения имел этот блаженный князь Святоша лекаря весьма искусного, именем Петра, родом сирийца, который пришел с ним в монастырь. Но этот Петр, видя его добровольную нищету, службу в поварне и у ворот, ушел от него и стал жить в Киеве, врачую многих. Он часто приходил к блаженному и, видя его во многом злострадании и безмерном пощении, увещевал его, говоря: «Княже, следовало бы тебе подумать о своем здоровье, чтобы не погубить плоть свою безмерным трудом и воздержанием: ты когда-нибудь изнеможешь так, что не в силах будешь нести лежащее на тебе бремя, которое сам принял на себя Бога ради. Не угоден ведь Богу сверх силы пост или труд, а только от сердца чистого и раскаявшегося; ты же не привык к такой нужде, какую переносишь теперь, работая как подневольный раб. И благочестивым твоим братьям, Изяславу и Владимиру, в великую укоризну нищета твоя. Как ты от такой славы и чести мог дойти до последнего убожества, ведь ты изнуришь тело свое и в болезнь впадешь из-за такой пищи. Дивлюсь я твоему чреву, которое раньше отягощалось сладкой пищей, а теперь, сырые овощи и сухой хлеб принимая, терпит. Берегись! Когда-нибудь недуг охватит тебя всего, и ты, не имея крепости, скоро жизни лишишься, и нельзя уже мне будет помочь тебе, и повергнешь ты в плач неутешный братьев своих. Вот и бояре твои, служившие тебе, думали когда-нибудь сделаться чрез тебя великими и славными; ныне же лишены твоей любви и пеняют на тебя: поставили себе дома большие, а теперь сидят в них в великом унынии. Ты же не имеешь куда голову приклонить, сидя на этой куче мусора, и многие считают, что ты лишился ума. Какой князь поступал так? Блаженный ли отец твой, Давид, или дед твой, Святослав, или кто из бояр делал это, или хотя желание имел идти по этому пути, кроме Варлаама, бывшего здесь игуменом? И если ты меня не послушаешь, то прежде Божьего суда осужден будешь».

Так вот, и неоднократно, говорил он ему, иногда в поварне с ним сидя, иногда у ворот, подученный на это братьями его. Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр! Много размышлял я и решил не щадить плоти своей, чтобы снова не поднялась во мне борьба: пусть под гнетом многого труда смирится. Ведь сказано, брат Петр, что силе совершаться подобает в немощи. Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Я же благодарю Господа, что освободил он меня от мирских забот и сделал меня слугой рабам своим, этим блаженным черноризцам. Братья же мои пусть о себе подумают: каждый свое бремя должен нести и довольно с них и моей волости. Все же это: и жену, и детей, и дом, и власть, и братьев, и друзей, и рабов, и села, — оставил я ради Христа, чтобы чрез то сделаться наследником жизни вечной. Я обнищал ради Бога, чтобы его приобрести. Да и ты, когда врачуешь, не воздерживаться ли велишь в пище? Для меня же умереть за Христа — приобретение, а на мусорной куче сидеть, подобно Иову, — царствование. А то, что ни один князь не делал так прежде меня, то пусть я послужу примером им: может быть, кто-нибудь из них поревнует этому и последует за мной. До прочего же тебе и научившим тебя дела нет».

Когда бывал болен этот блаженный, лекарь, видя то, начинал готовить врачевное зелье против той болезни, которая тогда случалась — огненного ли жжения или болезненного жара, но прежде чем он приходил, князь уже выздоравливал и не давал лечить себя. И много раз так бывало. Однажды разболелся сам Петр, и Святоша послал к нему, говоря: «Если не будешь пить лекарства, — быстро поправишься; если же не

послушаешься меня, — много страдать будешь». Но тот, рассчитывая на свое искусство и думая избавиться от болезни, выпил лекарство и едва жизни не лишился. Только молитва святого исцелила его.

Снова разболелся он, и святой послал объявить ему: «В третий день ты выздоровеешь, если не будешь лечиться». Послушался его сириец и в третий день исцелился по слову блаженного. Призвав же его, святой велел ему постричься, говоря: «Через три месяца я отойду из этого мира». Говорил же он это, предсказывая смерть ему. Сириец, не уразумев же, что это с ним должно случиться, пал к ногам князя и со слезами стал говорить: «Увы мне, господин мой и благодетель мой, тот, кто дороже мне самой жизни! Кто посмотрит на меня, чужеземца, кто напичает многих людей, нуждающихся в пище, и кто будет заступником обиженных, кто помилует нищих? Не говорил ли я тебе, о княже, что оставишь ты по себе плач неутешный братьям своим? Не говорил ли я тебе, о княже, что ты меня не только словом Божиим и силою его исцелил, но и молитвою своею? Куда же теперь отходишь, пастырь добрый? Открой мне, рабу своему, язву смертную, и, если я не вылечу тебя, пусть будет голова моя за голову твою и душа моя за душу твою! Не отходи от меня молча, открой мне, господин мой: откуда тебе такая весть, да отдам я жизнь мою за тебя. Если же известил тебя Господь о том, моли его, чтобы я умер за тебя. Если оставляешь ты меня, то где сесть мне, чтобы оплакать свою утрату: на этой мусорной куче, или в воротах этих, где ты живешь? Что достанется мне в наследство из твоего богатства? Ты сам почти наг, и когда умрешь, то положат тебя в этих заплатанных рубищах. Подари же мне твою молитву, как в древности Илия Елисею милость, чтобы проникла она в сердце мое и дошел я до райских мест крова дивного дома Божия. Знает и зверь, где скрыться, когда взойдет солнце, и ложится в логовище свое, и птица находит себе дом, и горлица гнездо себе, в котором кладет птенцов своих, — ты же шесть лет живешь в монастыре, и места своего нет у тебя».

Блаженный же сказал ему: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека: ведает Господь, как пропитать всю тварь, и может защищать и спасать бедных. Братья же мои пусть не обо мне плачут, а о себе и о детях своих. Во врачевании же я и при жизни не нуждался, а мертвые не оживают, и врачи их воскресить не могут». И пошел он с ним в пещеру, вырыл могилу себе и сказал сириянину: «Кто из нас сильнее возжелает могилу сию?» И сказал сириец: «Пусть будет, как кто хочет, но ты живи еще, а меня здесь положи». Тогда блаженный сказал ему: «Пусть будет, как ты хочешь». И так постригся сириец, и три месяца день и ночь пребывал в постоянном плаче. Блаженный же утешал его, говоря: «Брат Петр! Хочешь ли, я возьму тебя с собою?» Он же со слезами отвечал ему: «Хочу, чтобы ты отпустил меня, и я за тебя умру, ты же молись за меня». И сказал ему блаженный: «Дерзай, чадо, и будь готов: через три дня отойдешь к Господу». И по пророчеству святого через три дня причастился тот божественных и животворящих, бессмертных тайн, лег на одр свой, оправил одежды свои и, вытянув ноги, предал душу в руки Господа.

Блаженный же князь Святоша жил после того тридцать лет, не выходя из монастыря до самого преставления в вечную жизнь. И в день преставления его чуть ли не весь город пришел.

И когда узнал об этом брат Святоши, то прислал с мольбой к игумену, прося себе на благословение крест от парамана его, подушку и кладку его, на которой он преклонял колена. Игумен дал это ему, сказав: «По вере твоей да будет тебе!» Князь же, приняв дар, бережно хранил его и дал игумену три гривны золота, чтобы не безвозмездно взять знамение братнее. Этот Изяслав однажды так разболелся, что все уже отчаялись за него и считали, что он при смерти, и сидели возле умирающего жена его, и дети его, и все бояре.

Он же, приподнявшись немного, попросил воды из печерского колодца и онемел. Послали и набрали воды; игумен же, взяв власяницу Святошину, отер ею гроб святого Феодосия и велел облечь в нее князя, брата Святоши. И еще прежде чем вошел несший воду и власяницу, князь вдруг проговорил: «Выходите скорей за город встречать преподобных Феодосия и Николу». Когда же вошел посланный с водой и власяницей, князь воскликнул: «Никола, Никола Святоша!» И дали ему пить, и облекли его во власяницу, и он тотчас выздоровел. И все прославили Бога и угодников его. И всякий раз, как Изяслав заболел, то облачался он в эту власяницу и так выздоравливал. И хотел сразу же поехать к брату, но удержали его находившиеся тут епископы. Во всех битвах надевал он эту власяницу на себя и оставался невредим. Однажды же, согрешивши, не посмел надеть ее и был убит в битве; и завещал он в той власянице похоронить себя.

И о многих других деяниях этого мужа рассказывают. И донныне еще знают черноризцы печерские о блаженном князе Святоше.

К Поликарпу. И опять к тебе обращаю слово. Свершил ли ты что-нибудь подобное? Богатство ли оставил? — но ты не имел его. Славу ли? — но ты не достиг ее, а от убожества можно к славе прийти и ко всему доброму. Подумай об этом князе — такого ни один князь на Руси не сделал: по своей воле никто не вступил в иночество. Воистину он выше всех князей русских! Что же значит твоя обида перед его власяницей? Ты вот к нищете призван, а нарядами одеждами украшаешься, и за то лишен будешь нетленной одежды и, как не имеющий брачной ризы, то есть смирения, — осудишься. Вот что пишет блаженный Иоанн в Лестнице: «Иудей радуется субботе, чтобы по закону отпраздновать ее едой». И ты, подобясь ему, заботишься о питье и о еде, и в том полагаешь свою славу. Послушай блаженного Евагрия: «Монах если согрешит — не имеет праздника на земле». Не насыщай тела своего, чтобы не стало оно твоим супостатом, не начинай подвига выше меры: если не осилишь — только укоризну себе примешь. Подражай святым отцам и не лишишься божественной славы. Если не удостоишься быть увенчанным с совершенными, то хотя бы с угодившими Богу старайся удостоиться похвалы. Вчера вступил в монашество, а уже даешь обеты и, не привыкнув к иноческой жизни, хочешь епископства, и законодавцем строгим показываешь себя; сам не выучившись покорности, всех смирить хочешь; мудрствуешь о высоком, с гордынею повелевая и с дерзостью возражая. Все это привык я слышать из уст твоих, потому что помышляешь ты о земном, а не о небесном; о плотском, а не о духовном; о страстях, а не о воздержании; о богатстве, а не о нищете. От света отступил ты и во тьму впал; блаженство отверг, и муку вечную себе уготовил, и, вооружившись на врага, то оружие в свое сердце вонзил. Воспрянь, брат, и поразмысли внимательно о своей жизни, чтобы мысль твоя и ум твой были твердо обращены к этому святому месту.

Но вот, брат, расскажу я тебе историю, которая подобна твоему благому деянию.

О ЕРАЗМЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ ИМЕНИЕ СВОЕ НА СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ЗА НИХ СПАСЕНЫЕ ПОЛУЧИЛ. СЛОВО 21

Был в том же монастыре Печерском черноризец, по имени Еразм; он был очень богат, и все, что имел, на церковную утварь истратил и оковал много икон, которые и донныне стоят у вас над алтарем. И дошел он до последней нищеты, и все стали пренебрегать им, и стал он отчаиваться, что не получит награды за истраченное богатство, потому что в

церковь, а не на милостыню раздал его. И так как дьявол вложил это ему в сердце, перестал он радеть о житии своем и во всяком небрежении и бесчинстве проводил дни свои.

Разболелся он сильно, вконец онемел и ослеп и лежал так восемь дней едва дыша. На восьмой же день пришла к нему вся братия и, видя страшное его мучение, удивлялась и говорила: «Горе, горе душе брата сего! В лености и во всяком грехе пребывала она и теперь видит что-то, мятется и не может выйти».

Еразм же этот встал, будто никогда и болен не был, сел и рассказал им: «Братия и отцы, послушайте, истинно все так. Как вы все сами знаете, грешен я и доньше не покался. И вот сегодня явились мне святые Антоний и Феодосии и сказали мне: “Мы молились Богу, и даровал тебе Господь время покаяться”. И вот увидел я святую Богородицу, держащую на руках Сына своего, Христа, Бога нашего, и все святые были с ней. И сказала она мне: “Еразм! За то, что ты украсил церковь мою и иконами возвеличил ее, и я тебя прослаблю в царствии Сына моего, убогих же всегда беру с собой. Только, вставши от болезни, покайся и прими великий ангельский образ: в третий день я возьму тебя, чистого, к себе, возлюбившего благолепие дома моего”».

И, сказав это братии, Еразм начал перед всеми исповедоваться в грехах своих, которые совершил, не стыдясь, а радуясь о Господе. И встал, и пошел в церковь, и пострижен был в схиму, и в третий день отошел к Господу в добром исповедании. Об этом слышал я от святых и блаженных старцев, бывших тому свидетелями и очевидцами.

К Поликарпу. Ведая это, брат, не думай: «Напрасно истратил, что имел», так как перед Богом сочтено все и до последнего медяка. Надеемся же на милость Божию за труд свой. Твоими стараниями сооружено двое дверей в той святой, великой Печерской церкви святой Богородицы, и та отворит тебе двери милости своей, ибо иереи за таких всегда молятся в той церкви: «Господи, освяти любящих благолепие дома твоего и прославь их божественною твоею силою!» Вспомни также и того вельможу, который велел сковать крест из чистого золота. Один юноша, возревновав ему, приложил немного и своего золота, и за то сделался наследником всего имения его. И ты, если истратишь добро свое на славу Бога и пречистой его Матери, не лишишься награды своей, но говори с Давидом: «Буду умножать всякую хвалу тебе», — и скажет тебе Господь: «Прославляющих меня прослаблю». Ты сам мне говорил: «Лучше мне все, что имею, на церковные нужды истратить, чтобы не пропало понапрасну от рати, от воров или от огня». И я похвалил доброе желание твое. Сказано: «Если обещали Господу — исполняйте». Лучше не давать обещания, чем, обещавшись, не исполнить.

Если же случится, что пропадет что-нибудь от рати или ворами украдено будет, отнюдь не хули и не смущайся, но хвали Бога за это и с Иовом говори: «Господь дал, Господь и взял».

И еще расскажу я тебе об Арефе-черноризце.

ОБ АРЕФЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КАК УКРАДЕННОЕ У НЕГО ВОРАМИ БОГАТСТВО В МИЛОСТЫНЮ ВМЕНИЛОСЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ ОН ПОЛУЧИЛ СПАСЕНЬЕ.
СЛОВО 22

Был черноризец в том же Печерском монастыре, именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келий своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и сам себя едва голодом не уморил.

И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел. Блаженные же старцы, утешая его, говорили: «Брат! Возложи на Господа печаль свою, и он поддержит тебя». Он же досаждал всем жестокими словами.

Через несколько дней впал он в недуг лютый и уже при смерти был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но Господь, который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и начал он взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил — все твое, и я не жалуюсь». Избавившись же от болезни, рассказал он нам, какое было ему явление. «Когда, — говорил он, — пришли ангелы, то пришли также и бесы, и начали они спорить об украденном золоте, и сказали бесы: “Так как не обрадовался он, но возроптал, то теперь он наш и нам предан”. Ангелы же говорили мне: “О окаянный человек! Если бы ты благодарил Бога о своей потере, то вменилось бы тебе это, как Иову. Если кто милостыню творит, — великое это дело пред Богом, но творят по своей воле; если же кто за взятое насилием благодарит Бога, то это больше милостыни: дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает Богу, так вот это более милостыни”. И вот, когда ангелы сказали мне это, я воскликнул: “Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, все твое, а я не жалуюсь” И тотчас бесы исчезли, и ангелы, возрадовавшись, вписали в милостыню пропавшее серебро».

Мы же, услышав это, прославили Бога, давшего нам знать о сем. Блаженные же те старцы, рассудивши, сказали: «Воистину достойно и праведно за все благодарить Бога». Мы же, видевши, что Арефа во все дни славил и хвалил Бога, удивлялись изменению его ума и нрава: тот, кого прежде никто не мог отговорить от хулы, ныне же все время с Иовом взывает: «Господь дал, Господь и взял; как Господу угодно, так и будет. Будь благословенно имя Господне вовеки!» Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он роптать, и мы веровали, что истинно было так. И если бы было не так, то не было бы и старца, о котором сказано в Патерике, что он молился Богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли бы у него все, и услышал его Бог, и пришли к нему разбойники, и отдал старец все, что у него было.

К Поликарпу. И вот уже, брат, всевозможные наставления дал я тебе. Проси у Бога, чтобы в этом монастыре жизнь свою окончить в покаянии и в послушании игумену своему Акиндину. Эти три вещи больше всех добродетелей, как свидетельствовал Афанасий Затворник.

И еще расскажу тебе об ином дивном чуде, которое я сам видел. Вот что случилось в том же святом монастыре Печерском.

О ДВУХ БРАТЬЯХ, О ТИТЕ-ПОПЕ И О ЕВАГРИИ-ДИАКОНЕ, ВРАЖДОВАВШИХ
МЕЖДУ СОБОЙ. СЛОВО 23

Были два брата по духу, Евагрий-диакон и Тит-поп. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда рыкает, как лев, ища кого поглотить, посеял между ними вражду, и такую ненависть вложил он в них, что они и в лицо не хотели видеть друг друга, и избегали друг друга. Много раз братья молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели.

Когда Тит шел с кадилом, то Евагрий отбегал от фимиама; если же не отбегал, то Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они много времени во мраке греховном: Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь при причастии. На это вооружил их враг.

Однажды этот Тит сильно разболелся и, лежа уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении, и послал с мольбой к диакону, говоря: «Прости меня, брат, ради Бога, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же те, видя, что Тит умирает, привели Евагрия насильно, чтобы помирился он с братом. Больной же, увидев брата, приподнялся немного, пав ниц ему в ноги, говоря: «Прости меня, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, сказав: «Никогда не захочу примириться с ним: ни в этой жизни, ни в будущей», — и вырвался из рук старцев, и вдруг упал. Хотели мы поднять его, но увидали, что он уже мертв, и не могли мы ему ни рук расправить, ни рта закрыть, как будто он уже давно умер. Больной же вскоре встал, как будто никогда и болен не был.

И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого, и со многими плачем погребли мы Евагрия, рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Что случилось?» Тит же рассказал нам так: «Видел я, — говорил он, — ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся гневу моему, и тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым, мне же он подал руку и поднял меня». Мы же, услышавши это, убоялись Бога, сказавшего: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Ефрем же говорит: «Если кому случится во вражде умереть, то неумолимый суд ждет таких».

И если этот Евагрий, ради святых Антония и Феодосия, прощения не получит — горе лютое ему, побежденному такую страстью!

К Поликарпу. Берегись ее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто подчинится ему, тот и поработен им. Но скорее пойдя и поклонись вражду имеющему на тебя, да не будешь предан ангелу немилостивому, пусть и тебя Господь сохранит от всякого гнева. Он ведь сказал: «Да не зайдет солнце во гневе вашем». Слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ
БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ, НАПИСАНО ПОЛИКАРПОМ,
ЧЕРНОРИЗЦЕМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ. СЛОВО 24

С помощью Господа, утверждающего слово, к твоему благоумию обращаю его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой, Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, живших в этом святом монастыре Печерском, как слышал я о них от брата твоего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, бывшего раньше черноризцем того же Печерского монастыря; он рассказывал мне, грешному, о святом и великом Антонии, положившем начало русским монахам, и святом Феодосии, и о житии и подвигах бывших после них святых и преподобных отцов, почивших в доме пречистой Божией Матери. Да послушает твое благоразумие моего младоумия и несовершенного разума.

Вопросил ты меня некогда, велев рассказать о деяниях тех черноризцев; но ты знаешь мою простоту и невежество: ибо всегда со страхом, о чем бы ни шла речь, говорю с тобою, поэтому как же могу я внятно рассказать тебе о сотворенных ими знамениях и преславных чудесах? Кое-что из тех преславных чудес я поведал тебе, но гораздо больше забыл от страха и, стыдясь твоего благочестия, рассказывал невразумительно. И понудил я себя писанием изложить тебе о святых и блаженных отцах печерских, чтобы и будущие после нас черноризцы узнали о благодати Божьей, бывшей в святом этом месте, и прославили Отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в Печерском святом монастыре.

О НИКИТЕ-ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОТОМ БЫЛ ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДА.
СЛОВО 25

Был во дни преподобного игумена Никона брат один, Никита именем. Этот инок, желая, чтобы славили его люди, дело великое не Бога ради замыслив, начал проситься у игумена войти в затвор. Игумен же не разрешил ему, говоря: «О чадо! Нет тебе пользы праздно сидеть, потому что ты еще молод, лучше тебе оставаться среди братии, и, работая на нее, ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего, святого Исакия Пещерника, как прельщен он был от бесов. Только и спасла его великая благодать Божия и молитвы преподобных отцов Антония и Феодосия, которые и доныне чудеса многие творят». Никита же сказал: «Никогда не прельщусь я, как он. Прошу же у Господа Бога, чтобы и мне подал он дар чудотворения». Никон в ответ ему сказал: «Выше силы чудес прошение твое; берегись, брат, вознесешься и упадешь. Велит тебе наше смирение служить святой братии, ради нее и будешь увенчан за послушание твое». Никита же никак не хотел внять словам игумена, но, как захотел, так и сделал: заложил за собой двери и неисходно пребывал в келье.

Прошло несколько дней, и прельстил его дьявол. Во время пения своего услышал Никита голос молящегося с ним, и почувал благоухание неизреченное, и, прельстившись этим, говорил сам себе: «Если бы это был не ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь благоухания Духа Святого». И стал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам воочию, чтобы я мог видеть тебя». Тогда был голос к нему: «Не явлюсь тебе, ибо ты еще юн и, вознесшись, падешь». Затворник же со слезами ответил: «Нет, Господи, не

прельщусь я, ведь игумен мой научил меня не внимать обольщениям дьявола, все же, что ты повелишь, я исполню». И тогда душепагубный змей, приняв власть над ним, сказал: «Невозможно человеку видеть меня и остаться в живых, поэтому посылаю я ангела моего: он пребудет с тобой, и ты станешь исполнять волю его». И тотчас стал перед ним бес в образе ангела. Пав ниц, поклонился ему инок, как ангелу. И сказал ему бес: «Ты не молись, а только читай книги, и таким путем будешь беседовать с Богом, и из книг станешь подавать полезное слово приходящим к тебе. Я же постоянно буду молить о спасении твоём Творца своего». Прельстившись, монах перестал молиться, а прилежно занимался чтением и книжной премудростью; видя же беса, постоянно молящегося о нём, радовался ему, как ангелу, творящему молитву за него. С приходившими же к нему Никита беседовал о пользе души и начал пророчествовать; и пошла о нём слава великая, и дивились все, что сбываются предсказания его.

Послал однажды Никита к князю Изяславу, говоря: «Нынче убит Глеб Святославич в Заволочье, скорее пошли сына своего Святополка на княжеский стол в Новгород». Как он сказал, так и было: через несколько дней пришла весть о смерти Глеба. И с тех пор прослыл затворник пророком, и охотно слушались его князья и бояре.

Но бес будущего не знал, а то, что сам делал или на что подбивал злых людей, — убить ли, украсть ли, — то и возвещал. Когда приходили к затворнику, чтобы услышать от него слово утешения, — бес, мнимый ангел, рассказывал, что случилось его деяниями, а Никита об этом пророчествовал, — поэтому сбывалось.

Не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие, Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо. Евангелия же и Апостола, этих святых книг, Господом в благодати переданных нам на наше утверждение и исправление, он не хотел ни видеть, ни слышать, ни читать и другим не разрешал беседовать с собою о них. И из этого все поняли, что прельщен он врагом.

Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Пимен Постник, Исая, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмутаракани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти богоносцы пришли к прельщенному и, помолившись Богу, отогнали беса от него, и после того он не видал его более. Потом вывели его из пещеры и спрашивали о Ветхом завете, чтобы услышать от него что-нибудь. Никита же клялся, что никогда не читал книг; и тот, кто прежде наизусть знал иудейские книги, теперь не ведал ни одного слова из них, да, попросту сказать, вообще ни одного письменного слова не знал, те блаженные отцы едва его научили грамоте.

После этого предался Никита воздержанию, и послушанию, и чистому и смиренному житию, так что всех превзошел в добродетели; и впоследствии был поставлен епископом Новгорода за премногую его добродетель. И много чудес сотворил он: однажды во время бездождия, помолившись Богу, дождь с неба свел, потом пожар в городе загасил. И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту.

О ЛАВРЕНТИИ-ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 26

Потом и другой брат, именем Лаврентий, захотел также в затвор войти. Святые те отцы никак не позволяли ему делать этого. Тогда Лаврентий ушел к Святому Дмитрию, в монастырь Изяславов, и затворился там. И за твердое житие его даровал ему Бог благодать исцеления.

Однажды привели к нему одного бесноватого из Киева; и не мог затворник изгнать из него беса, — очень лют был: бревно, которое десять человек снести не могли, он один, подняв, забрасывал. После того, как он оставался долгое время неизцеленным, велел затворник вести его в Печерский монастырь. Тогда бесноватый начал вопить: «К кому посылаешь меня? Я не смею приблизиться к пещере ради святых, положенных в ней, в монастыре же только тридцати иноков боюсь, а с прочими могу бороться». Ведшим же его было известно, что он никогда в Печерском монастыре не был и никого там не знает, и спросили его: «Кто же те, которых ты боишься?» Бесноватый же назвал их всех по именам: «Эти тридцать, — сказал он, — одним словом могут изгнать меня». Всех же черноризцев в Печерском монастыре было тогда сто восемьдесят.

И сказали бесноватому: «Мы хотим в пещере затворить тебя». Бесноватый же отвечал: «Что мне за польза с мертвецами бороться? Они теперь имеют у Бога большее дерзновение молиться за своих черноризцев и за приходящих к ним. Но если хотите борьбу мою видеть, ведите меня в монастырь». Начал он говорить по-еврейски, потом по-латински, потом по-гречески и, попросту сказать, на всех языках, а прежде никогда и не слышал их, так что испугались ведшие бесноватого, удивляясь такому изменению языка его и тому, что заговорил он на разных наречиях. И не успел он еще подойти к монастырю, как сразу исцелился и стал все хорошо понимать. Когда они вошли в церковь, пришел игумен со братией, исцелившийся же не знал ни игумена и ни одного из тех тридцати, имена которых назвал во время беснования. Тогда спросили его приведшие: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Богородицы, сказал им: «С нею встретили нас святые отцы, — и назвал по имени тридцать числом, — и я исцелился». И знал он имена всех их, а самих старцев тех не знал ни одного. И так все вместе воздали славу Богу, и пречистой его Матери, и блаженным угодникам его.

Для того и я написал тебе, господин мой Акиндин, чтобы не покрыть тьмою неведения дивные чудеса блаженных и преподобных отцов наших, их знамения, и чудеса, и подвиги. Пусть и другие узнают святое житие преподобных отцов печерских и то, что в одно время было в монастыре том до тридцати таких мужей, которые одним словом могли изгонять бесов. К пещере же, сказал бесноватый, он не смел приблизиться из-за положенных в ней святых отцов Антония и Феодосия и прочих святых черноризцев, имена которых вписаны в книгу жизни.

Блажен сподобившийся быть положен с ними, блажен и спасен сподобившийся быть написан с ними, с ними и меня Господь да сподобит милости в день Судный молитвами твоими. Аминь.

СЛОВО 27. И О СВЯТОМ И БЛАЖЕННОМ АГАПИТЕ, БЕСКОРЫСТНОМ ВРАЧЕ

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при блаженном отце нашем Антонии и последовал житию его ангельскому, будучи самовидцем подвигов его. Как тот, великий, скрывая свою святость, исцелял больных пищей своей, а они думали, что получают от него врачебное зелье, и выздоравливали его молитвою, так и этот блаженный Агапит, подражая святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии заболел, он, оставив келию свою, — а в ней не было ничего, что можно было бы украсть, — приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, на своих руках выносил, давал ему еду, которую варил для себя, и так выздоравливал больной молитвою его. Если же продолжался недуг болящего, что бывало по изволению Бога, дабы умножить веру и молитву раба его, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, моля за него Бога беспрестанно, пока Господь не возвращал здоровье болящему ради молитвы его. И ради этого прозван он был «Целителем», потому что Господь дал ему дар исцеления. И слышали в городе, что в монастыре есть некто целитель, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во времена этого блаженного, человек некий, армянин родом и верою, столь искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, сразу узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, — и не было случая, чтобы не исполнилось слово его, — и такого уже он не лечил. И один из таких больных, первый у князя Всеволода, принесен был в Печерский монастырь: армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему еды, которой сам питался, и тот выздоровел. И промчалась о нем слава по всей земле той.

Армянин же, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного и некоего осужденного на смерть послал в монастырь, повелев дать ему смертного зелья, чтобы тот, принявши яд перед монахами, пал мертвым. Блаженный же, видя, как тот умирает, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его, и так избавил от смерти осужденного на смерть. После этого ополчился на него иноверный тот армянин и напустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему выпить смертного зелья, желая его тем зельем уморить. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не претерпел, ибо ведает Господь, как благочестивых от смерти избавлять: «Если что смертоносное выпьют они, не повредит им; возложат они руки на больных, и те здоровы будут».

В те же дни разболелся князь Владимир Всеволодович Мономах, и усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только усиливался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь молить игумена Печерского Ивана, чтобы он понудил Агапита прийти к нему, — он княжил тогда в Чернигове. Игумен же, призвав Агапита, велит идти в Чернигов. И сказал блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти; нельзя мне ради людской славы за монастырские ворота выйти и нарушить свой обет, который я дал перед Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего вздоха. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место и возвращусь после того, как минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал. И тот, будучи принужден игуменом, дал ему зелья от своей еды, чтобы дали болящему. И как только князь принял это зелье, тотчас выздоровел.

После этого, будучи в Киеве, Владимир пришел в Печерский монастырь, желая почтить инока и увидеть того, кто дал ему зелья и возвратил здоровье с помощью Божьей, — никогда он его не видал, — и хотел одарить его. Агапит же, избегая славы, скрылся. И принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному Агапиту одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келии,

и принес, и положил перед ним принесенные дары. И сказал инок: «О чадо! Никогда и ни от кого ничего не брал я, — неужели теперь губить мне дар свой ради золота, которого ни от кого не требую?» И отвечал боярин: «Отче! Знает пославший меня, что не требуешь ты награды, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о Боге, здоровье, возьми это и раздай нищим». И отвечал ему старец: «С радостью приму ради тебя, как будто бы мне требуется. Пославшему же тебя скажи: “Все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой, — раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь, ибо ради этого избавил тебя Бог от смерти, а я ничего бы не смог сделать; и не думай послушаться меня, чтобы, как прежде, не пострадать”». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келий, бросил его, а сам скрылся. И боярин, вышедши, увидал брошенным у ворот принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб Божий. Князь же не посмел послушаться старца и все имение свое раздал нищим по слову блаженного.

После этого разболелся Агапит, и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он беседовать с иноком о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зельем какой недуг лечится. И отвечал блаженный: «Каким Господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом, и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что через три дня он умрет. «И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое; если же будет не так, то я сам стану монахом».

Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот в чем суть твоего врачевания: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, — за что же укоряешь меня, осуждая на смерть через три дня? А меня Господь известил, что я через три месяца умру». И сказал ему армянин: «Раз сам ты уже понял, что умрешь, то никак не переживешь третьего дня», а блаженный изболел уже весь так, что сам и двинуться не мог.

В это время принесли одного больного из Киева, и Агапит встал, как будто вовсе и не болел, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот целебное зелье, смотри и разумей». Лекарь посмотрел и сказал инок: «Это не из наших зелий, думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом сказал лекарю: «Сын мой, не погневайся: убоги мы, и нечем нам угостить тебя». Армянин же сказал ему: «Теперь, отче, четыре дня этого месяца мы постимся». Блаженный же спросил его: «Кто же ты и какой веры?» Лекарь же ответил ему: «Разве ты не слыхал, что я армянин?» И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти, и осквернить мою келью, и держать мою грешную руку? Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!» Армянин, посрамленный, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца, потом, немного поболевши, отошел к Господу.

После смерти его пришел армянин в монастырь и сказал игумену: «С этих пор и я буду черноризцем, и отрекаюсь от армянской веры, и истинно верую в Господа Иисуса Христа. Явился мне блаженный Агапит, говоря: “Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душой погубишь”. И так я уверовал. Но если бы этот блаженный захотел долгое время жить здесь, то Бог не взял бы его к себе из этого мира, но, принявши его, Господь даровал ему жизнь вечную, и думаю я, что отошел он от нас по своей воле, желая небесного царства, а мог бы и еще жить с нами. Так как я узнал, что жить ему не больше трех дней, — он прибавил себе три месяца; а если бы я сказал: три месяца, — он три года бы прожил. Хотя и умер он, но вселился в обители пребывающих в жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре, и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

Вот такие дела, — и больше этих, — делались теми святыми черноризцами. Вспоминая же их добродетельное житие, дивлюсь я, почему остались замолчаны великие дела святых отцов наших Антония и Феодосия? Если такое светило угасло из-за нашего небрежения, то как же воссияют от него лучи? — разумею преподобных отцов и братьев наших. Поистине, как сказал Господь: «Никакой пророк не признается в отечестве своем».

Я бы написал тебе, честной архимандрит, господин Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах: одних — чудотворения, иных — подвиги, других — твердое воздержание, тех — послушание, иных — прозорливость, — и все эти знамения и чудеса засвидетельствованы верою твоего черноризца, а моего господина, епископа Симона. Но иные не признают истины моих сказаний из-за величия описанных в них дел, и причина этого недоверия та, что они как грешника знают меня, Поликарпа. Но, если повелит твое преподобие написать это, я исполню, как мой ум постигнет и память припомнит. Если не пригодится тебе, то пусть останется написанное на пользу тем, которые будут после нас, как сделал блаженный Нестор — написал в Летописи о блаженных отцах — о Дамиане, Иеремии, и Матфее, и Исакии. И в Житии святого Антония все их жития вписаны, хотя и вкратце.

Постараюсь я подробнее, чем об упомянутых черноризцах, поведать, ничего не утаивая, как и до этого делал: ведь если я умолчу и предам их забвению, то и совсем не вспомнятся имена их, как было и до сего дня. Это говорится в пятнадцатый год твоего игуменства, а за сто шестьдесят лет не вспоминали о них, и только теперь, твоей ради любви, утаенное услышалось, и память любящих Бога постоянно почитаема и хвалима, так как угодившие ему, они им и увенчаны. Для меня же величие — украшать труд их именами — это, надеюсь, оправдает недостатки труда моего, я же только вспомнил слышанное и пересказал разысканные мною чудеса их.

Если, как сказал Господь, «радость бывает на небесах и об одном грешнике кающемся», то сколь радостнее веселие ангелов о таких праведниках, житию и славе которых достойны наследниками быть живущие на земле. Здесь о плоти не радели они, и, как бесплотные, земным пренебрегали, и все житейское за ничто вменяли, чтобы единого Христа приобрести; его одного возлюбили они, и к любви его привязались, и ему волю свою предали, чтобы чрез него приблизиться к Богу; и он здесь, на земле, в возмездие за труды их, дал им дар чудотворения, а в будущем прославит их неизреченною славою. Без Духа Святого ничто не дается человеку на земле, если не дано это свыше.

Потому и я, грешный Поликарп, покоряясь воле твоей, державный отец Акиндин, это и написал тебе. И еще расскажу тебе нечто — о блаженном и преподобном отце нашем Григории Чудотворце.

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ. СЛОВО 28

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добродетелям. Особенное прилежание имел он к молитве, и за то получил власть над бесами, так что, находясь даже вдали от него, они вопили: «О Григорий, изгоняешь ты нас молитвою своею!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Не желая более терпеть гонений от инока, древний враг, не в силах ничем навредить ему, научил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и подстерегали старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. Но почуял Григорий приход их, — обычно он целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя посреди келий своей. Помолится он и о пришедших обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим, ибо утрудились они всею, врагу угождая». И спали они пять дней и пять ночей, до тех пор, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня? Идите теперь по домам своим». Они встали, но не могли идти, так как изнемогли от голода. Блаженный же дал им поесть и отпустил их.

Об этом узнал властитель города и велел наказать воров. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они; он пошел, отдал свои книги властителю, а воров отпустил. Остальные же книги продал, а деньги раздал убогим, говоря так: «Да не впадет кто-нибудь в беду, думая украсть их». Ведь сказал Господь: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль не истребляет, ни воры не крадут. Где сокровища ваши, там и сердце ваше будет». Воры же те, ради чуда, бывшего с ними, покаяться и более не возвращались к прежним делам своим, но, пришедши в Печерский монастырь, стали работать на братию.

Имел этот блаженный Григорий маленький палисадник, где выращивал овощи и плодовые деревья. И на это опять позарились воры, и когда, взвалив на себя ношу, хотели идти, то не смогли. И стояли они два дня неподвижно, под гнетом своей ноши, и начали они вопить: «Господин наш Григорий, пусти нас, мы покаемся в грехах своих и не сделаем больше такого!» Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они их: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Монахи же сказали: «Мы все время тут ходим, но вас здесь не видали». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели тут, то со слезами молили бы вас, чтобы он нас отпустил. Но вот, уже изнемогли, начали мы кричать. Попросите теперь старца, чтобы он отпустил нас».

И пришел Григорий, и сказал им: «Так как вы всю жизнь свою пребывали праздными, расхищая чужие труды, а сами не хотите трудиться, то теперь стойте здесь праздно и дальше, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что больше не совершат такого греха. Старец же смилостивился и сказал: «Если хотите работать и трудом своим других кормить, то я отпущу вас». Воры клятвенно обещались: «Ни за что не ослушаемся тебя». Тогда Григорий сказал: «Благословен Бог! Отныне будете вы работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И так отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, занимаясь огородом; потомки их, думаю я, живут еще и донныне.

В другой раз снова пришли трое неизвестных, надеясь обмануть этого блаженного. Двое из них стали молить святого, ложно говоря: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, помоги спасти его: дай ему, чем откупиться от смерти». Заплакал Григорий от жалости, провидя, что на самом деле приспел конец жизни того, и сказал: «Горе человеку этому, ибо приспел день погибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отче, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы получить от него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, но он все равно умрет». И спросил он их: «На какую смерть осужден он?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Точно присудили вы ему, завтра он повесится». После этого сошел он в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного, и, вынесши оттуда оставшиеся книги, отдал им, сказав:

«Если это вам не пригодится, то возвратите мне». Они же, взяв книги, стали смеяться, говоря: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья, и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его».

Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его на дереве повесят, влез на верхушку дерева и начал обрывать яблоки, и ухватился он за одну ветку, а она обломилась; те двое испугались и побежали, а он, падая вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, оставленный без помощи, задушился воротом.

Григорий же был заперт и не смог прийти в церковь, на молитву со всей братией. Когда стали выходить из церкви, то все увидели висящего на дереве мертвого человека, и ужас напал на них. Стали искать Григория и нашли его в пещере запертым. Вышедши же оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль! “Бога обмануть нельзя”. Если бы вы не заперли меня, я пришел бы и снял его с дерева и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то Бог и не помиловал вас». Обманщики же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь, трудясь, свой хлеб ели они, и достанет им, чтобы и других питать от своих трудов. И так они и окончили жизнь свою, с детьми своими работая в Печерском монастыре на рабов пресвятой Богородицы и учеников святого отца нашего Феодосия.

Подобает же рассказать и о том, как претерпел блаженный муку смертную. Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю преподобный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодович, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения: он, с братом своим Владимиром, шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидели княжеские слуги старца и стали издеваться над ним, выкрикивая срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, стал говорить им: «О чада! В то время как вам следовало бы быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы великое зло творите, — не угодно Богу это. Плачьте о своей гибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы хотя в страшный день принять отраду, ведь вас уже постиг суд: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха Божия не имея, не внял сердцем словам преподобного, а подумал, что лишь пустые речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею?» И, рассердившись, князь велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так был он потоплен. Братия же два дня искала его и не находила; на третий же день пришли в келью его, чтобы взять оставшееся после него, и мертвый оказался в келье, связанный, с камнем на шее, одежды же его были еще мокры, лицо же светло и сам как живой. И не нашли того, кто принес его, а келья была заперта. Слава Господу Богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братия же, вынеся тело преподобного, честно положили его в пещере, и многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и не пошел в монастырь от ярости. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И были они у Треполя, и произошло сражение, и побежали князья наши от лица врагов. Владимир, по молитвам и благословию святых, переехал реку; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском. «Каким, — сказан, — судом судите, таким будете судимы, и какую мерою мерите, такую будут мерить и вам».

Подумайте как следует, обидчики, над притчей, сказанной Господом в святом Евангелии о судьбе немилостивом и вдове обиженной, как она часто приходила к нему и докучала ему, говоря: «Защити меня от противника моего». Говорю вам, что вскоре сотворит Господь отмщение рабам своим, ибо он сказал: «Мне отмщение, и я воздам». Говорит Господь: «Не обижайте ни одного из малых сих, ибо ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца моего небесного». Ибо праведен Господь и правду возлюбил, и праведники увидят лицо его. Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение, которым Господь противится, а смиренным дает благодать. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О МНОГОТЕРПЕЛИВОМ ИОАННЕ ЗАТВОРНИКЕ. СЛОВО 29

Все рожденные на земле первому человеку подобны образом и все равную с ним страсть приняли, ибо, увидев красоту запрещенного плода, не удержался он, и ослушался Бога, и был поработан страстями. Когда создан он был, то не имел на себе порока, как Божие создание: Господь Бог наш, взяв прах земной своими руками пречистыми и непорочными, создал человека благого и исполненного добром, но он, из грязи созданный, возлюбил земное, за наслаждения земными погнался, и наслаждения эти овладели им, и с тех пор страсти владеют родом человеческим, и к новым наслаждениям стремятся люди, и побеждаются ими всегда.

И я один из них — побеждают меня страсти, и поработан я ими, смущают помыслы душу мою, и покоряюсь я им и неодолимое желание влечет ко греху, и нет мне подобного на земле по множеству грехов моих, в которых я и до сего часа пребываю.

Но тот один из всех обрел истину, предав себя Божьей воле и заповеди его сохранивши непорочно, в чистоте сохранил он свое тело и душу, чуждый всякой скверны плотской и духовной. Я разумею Иоанна преподобного, затворившегося в тесном месте пещеры. Там пребывал он в великом воздержании тридцать лет, многим постом обуздывая и терзая тело свое и нося на всем теле своем тяжкие вериги.

Часто приходил к нему один из братии, томимый, по действию дьявола, вожделением плотским, и просил он блаженного Иоанна молить Бога за него, чтобы избавил его от страстей и утолил похоть плотскую. И много раз приходил он с этой просьбой. Блаженный Иоанн говорил ему: «Брат, мужайся и крепись, потерпи Господа ради и старайся сохранить пути его, и он не оставит тебя в руках врагов и не предаст нас на растерзание зубов их». И отвечал брат затворнику: «Поверь мне, отче, если не облегчишь муку мою, то я покоя не найду и стану переходить с места на место». Тогда блаженный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу? Уподобись ты человеку, стоящему на краю пропасти, и когда враг подойдет и внезапно толкнет его вниз, люто будет падение его, так что не сможет он уже встать. Если же здесь останешься, в святом и блаженном монастыре сем, — подобен будешь мужу, стоящему далеко от пропасти, и враг будет стараться спихнуть тебя в нее и не сможет, пока Господь не извлечет тебя терпением твоим из рва страстей, грязной тины и утвердит на камне ноги твои. Но выслушай меня, чадо: я расскажу тебе все, что случилось со мной в юности моей.

Много страдал я, томимый нечистым желанием, и не знаю, чего только не делал я для своего спасения: по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по

целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою мною морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, и провел я в таком злострадании года три, но и тут покоя не нашел. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: “Иоанн, Иоанн! Нужно тебе здесь затвориться, и невидением и молчанием борьба прекратится, и Господь поможет тебе молитвами преподобных своих”. С того часа, брат, поселился я здесь, в этом тесном и скорбном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь, и только немного лет назад нашел успокоение.

Всю жизнь свою неутомимо боролся я с помыслами плотскими. И сначала жестокой я сделал жизнь свою воздержанием в пище. И потом, не зная, что еще сделать, не в силах терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагим, и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор и донныне остаются на теле моем, и сушат меня холод и железо. Наконец прибежал к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы той. И вот увидел я змея, страшного и свирепого, который хотел всего меня пожрать, дыша пламенем и обжигая меня искрами. И так много дней мучил он меня, чтобы прогнать из пещеры. Когда же наступила ночь Воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей и пастью своей ухватил голову и руки мои, и опалились у меня волосы на голове и бороде, как ты можешь видеть и теперь. Я же в пасти змея того уже был и возопил из глубины сердца своего: “Господи Боже, Спаситель мой! Зачем ты меня оставил? Сжался надо мной, Владыка, так как ты единственный человеколюбец. Спаси меня, грешного, единственный Боже безгрешный! Избавь меня от скверного беззакония моего, да не увязну в сети вражеской во веки веков! Избавь меня от зубов врага сего! Вот он, рыкая как лев, ходит, желая меня поглотить. Воздвигни силу свою и прийди, чтобы спасти меня! Блесни молнией своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица твоего!” И когда я окончил молитву, вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того я не видел его и донныне.

Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и услышал я голос, говоривший мне: “Иоанн, Иоанн! Вот тебе помощь, прочее же от тебя зависит: следи за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке”. Я же поклонился и сказал: “Господи! Зачем же оставил ты меня в такой злой муке?” И отвечал мне, говоря: “По мере силы терпения твоего я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не посылает человеку испытания выше силы, чтобы он не изнемог, но, как хозяин, рабам крепким и сильным тяжкие и большие дела поручает, немощным же и слабым определяет малые и легкие. Знай же вот что: при борьбе с плотской страстью, о которой ты молишься, молись лежащему против тебя мертвецу, чтобы он облегчил тебя от блудной брани; сей более Иосифа сделал и может помогать сильно страждущим такую страстью”. Я же, не зная имени, начал взывать: “Господи, помилуй меня!” Уже потом узнал я, что это Моисей, венгр родом.

И пришел на меня свет неизреченный, в котором и ныне пребываю, и не имею нужды в свече ни ночью, ни днем, да и все достойные, приходя ко мне, наслаждаются этим светом и ясно видят утешение его, осветившего мне ночь, ради надежды на свет будущий. Мы погубили ум свой плотолюбием, и творящий праведное Христос посылает страсть на нас,

погрязших в грехе, чтобы нас испытать. Но, брат мой, я говорю тебе: “Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе”».

И взявши одну кость от мощей его, Иоанн подал ее брату и сказал: «Приложи ее к телу своему». Тот сделал так. И тотчас утихла страсть, и омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения. И возблагодарили они вместе Бога, прославляющего святых своих, угодивших ему при жизни, и по смерти наградил он их даром исцеления и венцами нетления украсил, и царства своего сподобил. Слава ему с Отцом и Святым Духом ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРЕПОДОБНОМ МОИСЕЕ УГРИНЕ. СЛОВО 30

Вот что известно об этом блаженном Моисее Угрине, которого любил святой Борис. Был он родом венгр, брат того Георгия, на которого святой Борис надел гривну золотую и которого убили со святым Борисом на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от гибели, избежав горькой смерти, и пришел он к Предславе, сестре Ярославовой, и оставался там. И так как в то время нельзя было никуда пойти, он, крепкий душою, оставался здесь и пребывал в молитве к Богу до тех пор, пока благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к убитым братьям, не пошел на их убийцу и не победил безбожного, и жестокого, и окаянного Святополка. Но тот бежал в Польшу, и пришел опять с Болеславом, и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Польшу, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его; с ними же вели и этого блаженного Моисея, закованного по рукам и по ногам в железа тяжкие, и крепко стерегли его, потому что он был крепок телом и прекрасен лицом.

И увидела его одна знатная женщина, красивая и молодая, имевшая богатство большое и власть. И поразила ее красоте этого юноши, и уязвилось сердце ее вожделением, и захотела она склонить к тому же преподобного. И стала она увещевать его льстивыми словами, говоря: «Юноша, зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий». Моисей же отвечал ей: «Богу так угодно». Она же сказала ему: «Если мне покоришься, я избавлю тебя и сделаю великим во всей Польской земле и будешь ты владеть мною и всеми поместьями моими».

Уразумел блаженный вожделение ее нечистое и сказал ей: «Когда какой муж, взявши женщину и покоровшись ей, спасся? Адам первозданный покорился женщине и из рая изгнан был. Самсон, превзойдя всех силою и всех врагов одолев, после женщиной предан был иноплеменикам, И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинувшись женщине, идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, поработившись же женщине, Иоанна Предтечу обезглавил. Как же я, свободный, сделаюсь рабом женщины, если я со дня рождения своего с женщинами не сближался?» Она же сказала: «Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим, только исполни мою волю: утоли вожделение души моей и дай мне красотой твоей насладиться. Для меня довольно твоего согласия, не могу я перенести, что гибнет даром твоя красота, и сердечный пламень, сжигающий меня, утихнет. И перестанут мучить меня помыслы, и успокоится страсть моя, а ты насладишься моей красотой и будешь господином всему богатству моему, наследником моей власти, старшим между боярами». Блаженный же Моисей сказал ей: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни

власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того — телесная. Не пропадут для меня втуне те пять лет, которые Господь даровал мне претерпеть в оковах этих. Не заслужил я таких мук и потому надеюсь, что за них избавлен буду мук вечных».

Когда женщина эта увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли: «Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне». И послала она к владельцу юноши, чтобы тот взял у нее денег, сколько хочет, только продал бы ей Моисея. Он же, видя подходящий случай для приобретения богатства, взял у нее около тысячи от имени и уступил Моисея ей. И насильно без всякого стыда повлекли его на дело нечестивое. Получив власть над ним, эта женщина велит ему сочетаться с собой, она освобождает его от оков, в многоценные одежды одевает, сладкими кушаньями кормит, объятиями и любовными обольщениями понуждает его утолить ее страсть.

Преподобный же, видя неистовство женщины этой, стал еще прилежнее молиться и изнурять себя постом, предпочитая лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистотою, нежели многоценное кушанье и вино со скверною. И не только одну сорочку, как Иосиф, совок он с себя, но и всю одежду сбросил, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира; и в такую ярость привел он эту женщину, что хотела она голодом уморить его.

Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на него. Он преклонил на милость одного из слуг женщины той, и тот тайно давал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: «Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова, прожившая с мужем только один год, прекраснее многих других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Польше; если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы ею не погнушался; а ты, пленник и невольник женщины этой, господином ее стать не хочешь! Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Христос в Евангелии: “Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба единой плотью, так что они уже не двое, а одна плоть”. И апостол говорит: “Лучше вступить в брак, нежели распалиться”; вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты, когда ты не инок и свободен, предаешь себя на злые и горькие муки, чего ради страдаешь? Если придется тебе умереть в беде этой, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей доньше гнушался женщины, кроме монахов? Авраам, Исаак, Иаков? И Иосиф сначала победил женскую любовь, а потом и он женщине покорился. И ты, если теперь жив останешься, все равно же потом женишься, и кто тогда не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться женщине этой и стать свободным, и господином быть всему».

Он же отвечал им: «Ей, братья и добрые друзья мои, добрые вы мне советы даете! Понимаю я, что слова ваши лучше тех, что нашептывал змей в раю Еве. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется умереть мне в этих оковах и страшных муках — знаю я, что за это от Бога милость приму. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Ведь если бы Иосиф покорился жене Потифара, то не царствовал бы он после: Бог, видя стойкость его, даровал ему царство; за то и прошла слава о нем в поколениях, что остался целомудренным, хотя и детей прижил. Я же не Египетского царства хочу и не власти, не хочу быть великим между поляками и почитаемым во всей Русской земле сделаться, — ради вышнего царства я всем этим пренебрег. Если же я живой избавлюсь от руки женщины этой, то монахом стану. А что в Евангелии Христос говорит? “Всякий, кто оставит отца своего, и мать, и жену, и детей, и дом, тот есть мой ученик”. Христа ли мне больше слушаться или вас? Апостол же говорит: “Женатый печется о том, как угодить

жене, а неженатый думает, как угодить Богу». Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое». Пусть же будет известно вам, заботящимся обо мне, что никогда не прельстит меня красота женщины, никогда не отлучит от любви Христовой».

Услыхала об этом вдова и, затаив в сердце лукавый помысел, повелела предоставить Моисею коней и в сопровождении многочисленных слуг возить его по городам и селам, принадлежащим ей, сказав ему: «Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим что хочешь». Людям же говорила: «Это господин ваш, а мой муж, встречая его, кланяйтесь ему». А в услужении у ней было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: «Всуе трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами мира сего, ни отнять у меня духовного богатства. Пойми это, не трудись всуе».

Она же сказала ему: «Или ты не знаешь, что ты мне продан, кто избавит тебя от рук моих? Я ни за что тебя живого не отпущу; после многих мук смерти тебя предам». Он же без страха отвечал ей: «Не боюсь я того, что ты говоришь; но на предавшем меня тебе больше греха. Я же отныне, если Богу угодно, стану иноком».

В те дни пришел один инок со Святой Горы, саном иерей; по наставлению Божию, пришел он к блаженному, и облек его в иноческий образ, и, много поучив его о чистоте, о том, как избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага, он ушел от него. Стали искать его и нигде не нашли.

Тогда женщина эта, потеряв всякую надежду, подвергла Моисея тяжким истязаниям: распластав его, повелела бить палками, так что и земля напиталась кровью. Избивая его, говорили ему: «Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если не послушаешься, то на куски раздробим тело твое; не думай, что избежишь этих мучений; нет, после многих мук горькой смертью умрешь. Помилуй сам себя, сбрось эти измочаленные рубища и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не начали терзать тело твое». И отвечал Моисей: «Братья, повеленное вам исполнять — исполняйте, не медлите. А мне уже никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакие истязания, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и безумная женщина показала свое бесстыдство, не только не побоявшись Бога, но и человеческий срам презревши, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!»

Много думая о том, как отомстить за свой позор, женщина эта посылает к князю Болеславу, так говоря: «Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобою, и ты дал мне волю выйти замуж за кого захочу. Я же полюбила одного прекрасного юношу из твоих пленников, и, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла его в свой дом, и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою, — даровала ему. Он же все это ни во что вменил. Много раз и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в окопах у пленившего его, у которого я его выкупила; и вот шестой год находится у меня и за свое непослушание много мук принял от меня, которые сам на себя навлек из-за непреклонности сердца своего; а теперь какой-то черноризец постриг его в монахи. Что повелишь ты мне сделать с ним, то я и сделаю».

Князь велел ей приехать к себе и Моисея привезти с собою. Она же пришла к Болеславу и Моисея привела с собою. Увидав преподобного, Болеслав долго принуждал его взять за себя эту вдову, не уговорил и сказал ему: «Можно ли быть таким бесчувственным, как ты;

стольких ты благ и какой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне да будет тебе ведомо, что жизнь или смерть ожидают тебя: если волю госпожи своей исполнишь, то от нас в чести будешь и великую власть примешь, если ослушаешься, то после многих мук смерть примешь». Ей же сказал: «Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен, но делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами, чтобы и прочие не дерзали ослушаться господ своих».

И ответил Моисей: «А что говорит Бог: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит, или какой выкуп даст человек за душу свою?” Что ты мне обещаешь славу и честь, которых сам ты скоро лишишься, и гроб примет тебя, ничего не имеющего! И эта скверная женщина жестоко убита будет». Так потом и было, как предсказал преподобный.

Женщина же эта, приобретя над ним еще большую власть, бесстыдно влекла его на грех. Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха Божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, из-за прежней любви к этой женщине, потакая ей, воздвиг великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из земли своей. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. Однажды ночью Болеслав внезапно умер, и поднялся великий мятеж во всей Польской земле: восставший народ побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда и эту вдову убили.

Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к святой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и воин Христов. И Господь даровал ему силу против страстей.

Некто из братии, одержимый плотской страстью, пришел к этому преподобному и молил его помочь ему, говоря: «Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне». Блаженный же сказал ему: «Никогда за всю свою жизнь ни с одной женщиной не говори ни слова». Он же с любовью обещался исполнить это. У святого же в руке был посох, без которого он не мог ходить от тех ран, ударил он им в лоно пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было искушения этому брату.

О том, что случилось с Моисеем, записано и в Житии святого отца нашего Антония, так как во времена святого Антония пришел блаженный; и скончался он о Господе в добром исповедании, пробыв в монастыре десять лет, а в плену страдал пять лет в оковах, шестой же год за чистоту.

Я упомянул и об изгнании чернецов из Польши за пострижение преподобного, предавшегося Богу, которого он возлюбил. Об этом рассказано в Житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец наш Антоний был изгнан князем Изяславом из-за Варлаама и Ефрема, жена князя, полячка, удерживала его от этого, говоря: «И не думай поступать так. То же было некогда в нашей земле: некоей ради вины изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло тогда сделалось в Польше!» Из-за Моисея это произошло, как уже прежде написали о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике,

о том, что сделал чрез них Господь во славу свою, прославляя их за терпение, и дарами чудотворения наделил их. Слава ему ныне, и присно, и во веки веков.

О ПРОХОРЕ-ЧЕРНОРИЗЦЕ, КОТОРЫЙ ИЗ ТРАВЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ЛЕБЕДА, МОЛИТВОЮ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ. СЛОВО 31

Такова воля человеколюбца Бога о своем творении: во все времена и лета заботится он о роде человеческом и дарует ему полезное. Ожидая нашего покаяния, наводит он на нас иногда голод, иногда рати за междоусобные распри властелина. Этим Владыка наш направляет человеческое нерадение к добродетели, напоминая суть неподобных дел, ибо делающие злые и неподобные дела преданы будут злым и немилостивым властелинам за грехи свои, но и те не избегнут суда: суд бывает без милости тому, кто сам не творит милости.

Произошло это во дни княжения Святополка в Киеве. Много насилий делал людям Святополк, без вины искоренил до основания семьи многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил Господь взять поганым силу над ним: и много тогда было войн с половцами. К тому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость великая в Русской земле.

В те дни пришел некий человек из Смоленска к игумену Иоанну, желая стать иноком; игумен постриг его и назвал Прохором. Этот черноризец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что отказался даже от хлеба. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками, делал из нее хлеб и этим питался. И заготавливал он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую, и так довольствовался он лебедой вместо хлеба всю жизнь свою.

И Господь, видя терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером водворяется плач, а наутро радость». И ради этого прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, никогда он не вкушал ни хлеба, кроме просфоры, ни овощей никаких, ни напитков, но только лебеду. И не роптал он никогда, но всегда служил Господу с радостью. И не страшился он никогда никаких бед, потому что жил как птица: не приобретал ни сел, ни амбаров, где бы хранить добро свое. Он не говорил, как тот богач: «Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: ешь, пей, веселись!» Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту приготавливал только на один год, говоря себе: «Человече! В эту ночь возьмут от тебя душу твою ангелы, так кому же останется приготовленная тобой лебеда?» Он на деле исполнил слово Господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». Подражая им, преподобный Прохор легко проходил путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготавливал себе в пищу: на непаханой земле несеянный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть из-за голода нависла над всеми людьми; блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидев его, собирающим лебеду, один человек и сам стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. Блаженному же тогда пришлось гораздо больше собирать лебеды на пищу, и принял он на себя в те дни еще больший труд: собирая это зелье и, как я уже

говорил, растирая его своими руками, делал из него хлебы и раздавал их неимущим и от голода изнемогающим. Многие приходили к нему в это голодное время, и он всех оделял этими хлебами, и сладкими, как с медом, казались они всем; и никому так настоящего хлеба не хотелось, как руками этого блаженного приготовленного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел, и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то оказывался хлеб горек, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб и не мог его есть, потому что в его руках он сделался как полынь и без меры горьким. И так повторялось не раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако будучи голоден, не стерпев естественной нужды и видя смерть пред глазами своими, пришел он к Иоанну-игумену и, прося прощения за свое согрешение, рассказал ему о случившемся. Игумен не поверил рассказанному и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же: взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб, — сказал он, — возьмите из рук его, а другой хлеб, уходя от него, украдите». Когда принесли эти хлебы, украденный изменился пред всеми и сделался как сухая земля, и был горек, как и первый, а хлеб, взятый из рук блаженного, — светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже, и многих голодных прокормил он, и многим был полезен.

Когда Святополк, в союзе с Владимиром и самим Васильком, пошел ратью на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем, не стали пускать ни купцов из Галича, ни людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Наступило трудное время, начались беззаконные грабежи, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб не призывающие Господа». И были все люди в великой печали, изнемогли от голода и от войны, не имели ни пшеницы, ни даже соли, чем бы преодолеть скудость свою.

Блаженный Прохор тогда имел уже келью свою; и собрал он к себе изо всех келий множество пепла, но так, что никто не знал, и раздавал его приходящим к нему, и для всех, по молитве его, делался он чистой солью. И чем больше он раздавал, тем больше у него становилось. И ничего не брал за это, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и обильно брали, сколько кому требовалось для дома своего. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть у продавцов соли, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большой барыш от соли, и впали они в великую печаль: то, что они прежде продавали по дорогой цене, за куну — две меры, теперь же, за ту же цену, и десяти мер никто не брал.

И собрались все, продававшие соль, пришли к Святополку и стали наущать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас богатства много: дает соль всем приходящим к нему безотказно, и мы от того обнищали». Князь же, хотя им угодить, и о другом про себя подумал: между ними прекратить ропот, а себе богатство приобрести. Обдумав это, решил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая и, отнявши у инока, сам будет продавать ее. Крамольников этих он успокоил, сказав: «Ради вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел хотя бы немного угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть никакой пользы принести не может.

Послал князь взять всю соль у инока. Когда привезли соль, князь с теми крамольниками, которые наущивали его против блаженного, пошел посмотреть ее, и увидели все, что

перед глазами их пепел. Сильно удивились все, — что бы это значило? — и недоумевали. Желая узнать доподлинно, в чем дело, князь велел хранить ее три дня. И повелел он одному человеку отвезти, и оказался пепел в устах у того.

Как обычно, множество народа продолжало приходить к блаженному, желая получить соль, и, узнав, что старец ограблен, возвращалось с пустыми руками, проклиная сделавшего это. Блаженный же им сказал: «Когда выбросят ее, тогда идите и заберите себе». Князь продержал ее три дня, потом велел ночью выбросить ее. Высыпали пепел, и он сразу же превратился в соль. Горожане же, узнавши об этом, пришли и разобрали соль.

От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть происшедшего, потому что свершилось это на глазах всего города, и стал князь выпытывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю и о другом чуде, которое сотворил блаженный, кормя лебедой множество народа, и в устах их она становилась хлебом сладким; когда же некоторые брали хлеб без его благословения, то оказывался он как сухая земля и на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь содеянного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и покаялся перед ним. Прежде же он питал к нему ненависть из-за того, что игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству и за чинимые насилия. Святополк тогда схватил его и заточил в Туров; но поднялся на него Владимир Мономах, и Святополк, испугавшись гнева его, скоро с честью возвратил игумена в Печерский монастырь.

Теперь же, ради такого чуда, воспылал князь великой любовью к обители святой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию, черноризца же Прохора он с этих пор сильно почитал и восхвалял, так как убедился, что он воистину раб Божий. И дал он слово Богу не делать более никому насилия. И старцу князь дал крепкое слово, сказав: «Если по изволению Божию я прежде тебя отойду из света сего, то ты своими руками в гроб положи меня, и да явится в этом твое беззлобие ко мне; если же ты прежде меня представишься и пойдешь к неподкупному Судии, то я на плечах своих в пещеру внесу тебя, чтобы Господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». Сказав это, князь пошел от него.

Блаженный же Прохор еще много лет прожил в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. И вот разболелся святой, а князь в это время на войне был. Тогда святой извещение послал к нему, говоря: «Приблизился час исхода моего из тела; приди, если хочешь, да простимся с тобой, и исполнишь обещание свое — своими руками положишь меня в гроб и прощение примешь от Бога. Я только ожидаю твоего прихода, и если помедлишь, я отойду; и не опасайся — война окажется для тебя успешной, если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же воинов распустил и пришел без промедления к блаженному. Преподобный же долго наставлял князя о милостыне, и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с князем и, подняв руки к небу, испустил дух. Тогда князь, взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил.

После погребения блаженного он пошел на войну, и великую победу одержал над противными агарянами, и покорил всю землю их. Это была Богом дарованная победа в Русской земле, предсказанная преподобным.

С тех пор Святополк, шел ли на войну или на охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой Богородице и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру к святому Антонию и блаженному Прохору и, всем преподобным отцам

поклонившись, шел в путь свой. И процветало оберегаемое Богом княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о чудесах и знамениях преславного Прохора и других преподобных, да получим и мы все с ними милость о Христе Иисусе, Господе нашем, слава ему с Отцом и со Святым Духом ныне и присно.

О ПРЕПОДОБНОМ МАРКЕ ПЕЩЕРНИКЕ, ПОВЕЛЕНИЙ КОТОРОГО МЕРТВЫЕ СЛУШАЛИСЬ. СЛОВО 32

Мы, грешные, подражаем писаниям древних святых, где они нам изъяснили то, что с великим трудом обрели в пустынях, и в горах, и в ущельях; одних сами видели жития, и чудеса, и деяния, о других, до них бывших, лишь слышали и поведали отцы, сложив Патерик Печерский, а мы, читая его, наслаждаемся теми духовными словами.

Я же, недостойный, и разума истины не постиг и ничего такого не видел, а последую слышанному мной; то, что мне рассказал преподобный епископ Симон, то я и написал твоему преподобию. И никогда не обходил я святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы и не могу приложить чего-нибудь к повести для прикрасы, как это в обычае у хитрословесников. Я не буду хвалиться ничем, кроме этого святого монастыря Печерского и бывшими в нем черноризцами, их житием и чудесами, которые поминаю, радуясь, и уповаю я, грешный, на молитву тех святых отцов. Отсюда положу начало повести о преподобном Марке Пещернике.

Этот святой Марко жил в пещере, при нем перенесен был святой отец наш Феодосии из пещеры во святую и великую церковь. Этот преподобный Марко много могил в пещере своими руками выкопал, вынося землю на своих плечах, и так трудился он днем и ночью для дела Божия. Выкопал он много могил на погребение братии и ничего не брал за это, а если же кто сам что-нибудь давал ему, он принимал и раздавал убогим.

Однажды копал он, по обычаю, и, много трудившись, изнемог, и оставил могилу узкой и не расширенной. Случилось же, что один больной брат отошел к Господу в этот день, и не было другой могилы, кроме той — тесной. Принесли мертвого в пещеру и от тесноты едва уложили его. И стала братия роптать на Марка, потому что нельзя было ни одежд поправить на мертвом, ни даже елей на него возлить, так узка была могила. Пещерник же со смирением кланялся всем, говоря: «Простите меня, отцы, за немощью не dokonчил». Они же еще больше стали укорять его. Тогда Марко сказал мертвому: «Так как тесна могила эта, брат, соберись с силами и сам возьми елей и возлей на себя». Мертвый же, приподнявшись немного, протянул руку, взял елей и возлил себе крестообразно на грудь и на лицо, потом отдал сосуд и перед всеми сам оправил на себе одежды, лег и снова умер. И когда произошло это чудо, охватил всех страх и трепет от свершившегося.

Потом другой брат, после долгой болезни, умер. Некто из друзей его отер тело губкой и пошел в пещеру посмотреть могилу, где будет лежать тело друга его, и спросил он о ней блаженного. Преподобный же Марко ответил ему: «Брат, пойдя, скажи брату: “Подожди до завтра, я выкопаю тебе могилу, тогда и отойдешь от жизни на покой”». Пришедший же брат сказал ему: «Отче Марко, я уже губкой отер мертвое тело его, кому мне велишь говорить?» Марко же опять сказал: «Видишь, могила не dokonчена. И как велю тебе, иди и скажи умершему: “Говорит тебе грешный Марко: брат, поживи еще этот день, а завтра

отойдешь к возлюбленному Господу нашему. Когда я приготовлю место, куда положить тебя, то пришло за тобой”».

Послушался пришедший брат преподобного, и когда пришел в монастырь, то нашел братию совершающей обычное пение над умершим. Он же, став пред мертвым, сказал: «Говорит тебе Марко, что не приготовлена еще для тебя могила, брат, подожди до завтра». Удивились все словам таким. Но только что произнес их пред всеми пришедший брат, тотчас мертвый открыл глаза и душа его возвратилась в него, весь тот день и всю ночь пробыл он с открытыми глазами, но никому ничего не говорил.

На другой день тот брат, который ходил к Марку, пошел в пещеру, чтобы узнать, готово ли место. Блаженный же сказал ему: «Пойди и скажи умершему: “Говорит тебе Марко — оставь эту временную жизнь и перейди в вечную, вот уже место готово для принятия тела твоего, предай Богу дух свой, а тело твое положено будет здесь, в пещере, со святыми отцами”». Когда пришла вся братия, сказали это ожившему, и тот пред всеми, пришедшими посетить его, тотчас сомкнул глаза и испустил дух. И положили его честно, в предназначенном ему месте в пещере. И дивились все такому чуду: как по одному слову блаженного ожил мертвец и по повелению его снова преставился.

Были еще два брата в том же великом монастыре Печерском, с юности связанные сердечной любовью, имели одни мысли и одни желания, обращенные к Богу. И умолили они блаженного Марка, чтобы сделал он им общую могилу, где бы лечь вместе, когда Господь повелит.

Спустя долгое время Феофил, старший брат, отлучился куда-то по надобности; меньшей же разболелся и отошел на покой, в иную жизнь, и его положили в приготовленном месте. Через несколько дней возвратился Феофил. Узнавши о брате, он сильно горевал и, взяв с собой некоторых из иноков, пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидав же, что его положили на верхнем месте, вознегодовал и роптал много на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь? Я старше его, а ты положил его на моем месте». Пещерник же, человек смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости меня, брат, согрешил я перед тобой». И, промолвив это, сказал умершему: «Брат, встань и дай место неумершему брату, а сам ляг на нижнем месте». И вдруг по слову преподобного встал мертвец и лег на нижнем месте на глазах у всех пришедших. И видели все чудо страшное и полное ужаса.

Тогда брат, роптавший и сердившийся на блаженного за то, как он положил умершего брата, припал к ногам Марка, говоря ему: «Отче Марко, согрешил я, подняв брата с места. Молю тебя: вели ему опять лечь на своем месте». Блаженный же сказал ему: «Господь пресек вражду между нами. Он сделал это из-за твоего роптания, чтобы ты не враждовал вечно и не хранил злобу на меня. Вот и бездушное тело показывает любовь к тебе, почитая и по смерти твое старшинство. Я хотел, чтобы ты, не выходя отсюда, воспользовался своим старшинством, и теперь же положен был бы здесь, но так как ты еще не готов к исходу, то иди, позаботься о своей душе, и через несколько дней сюда принесен будешь. Воскрешать же мертвых есть дело Божие, а я человек грешный. И этот мертвец, боясь твоей обиды и укоров мне, которые он не стерпел бы от тебя, оставил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. Бог может поднять его, а я не могу сказать умершему: “Встань”, а потом: “Опять ляг на верхнем месте”. Вели ему ты и скажи — может быть, тебя послушается, как теперь». Услышав это, Феофил стал сильно скорбеть от таких страшных слов Марковых и думал, что тут и упадет мертвым, не зная, дойдет ли до монастыря.

И когда пришел он в свою келью, то охватил его плач неутешный. Раздал все до последней рубашки, оставив себе только одну свитку да мантию, и стал ожидать часа смертного. И никто не мог его остановить от горького плача, и никто никогда не мог принудить его принять сладкой пищи. Когда наступал день, говорил он сам себе: «Не знаю, доживу ли до вечера»; приходила ночь, и он плакал и говорил: «Что мне делать, если доживу я до утра? Многие ведь, встав утром, не доживали до вечера, ложились на ложах своих и уже не вставали с них; как же быть мне, получившему извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя?» И он молил Бога со слезами дать ему время на покаяние.

Так проводил он каждый день, изнуря себя голодом, и молясь, и плача, все время ожидая дня и часа смертного. В этом ожидании разлучения с телом до того истомил он плоть свою, что можно было счесть все его кости. Многие хотели утешить его, но только доводили до большего рыдания. Наконец от многих слез ослепли очи его; и так проводил он все дни жизни своей в великом воздержании, угождая Богу добрым житием.

Преподобный же Марко, узнав о часе отшествия своего к Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил, прости меня, что я огорчил тебя на много лет! Вот я отхожу из мира этого, молись обо мне; если же я получу милость у Бога, то не забуду тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими Антонием и Феодосией». С плачем отвечал ему Феофил, говоря: «Отче Марко, зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собой, или дай мне прозрение». Марко же сказал ему: «Брат, не скорби, потому что Бога ради ослеп ты очами телесными, но духовными на разумение его прозрел. Я, брат, был виною твоей слепоты: предсказав тебе смерть, хотел я сделать душе твоей пользу и высокоумие твое на смирение обратить, ибо сердца сокрушенного и смиренного Бог не отвергнет». Феофил же сказал ему: «Я знаю, отче, что за грехи мои я пал бы мертвый перед тобой в пещере, когда ты мертвеца поднял, но Господь, ради святых твоих молитв, даровал мне жизнь, покаяния моего ожидая. Теперь же вот чего прошу у тебя: или с тобой отойду к Господу, или даруй мне прозрение». Марко же сказал: «Нет тебе нужды видеть маловременный свет этот, проси у Господа, чтобы там увидеть славу его; и смерти не желай: придет, хотя бы ты и не хотел. Но вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до преставления своего ты прозришь, и так отойдешь к Господу, и увидишь там свет нескончаемый и славу неизреченную». Сказав это, блаженный Марко преставился о Господе, и был положен в пещере, где сам себе вырыл могилу.

Разлука с отцом Марком уязвила сердце Феофила и удвоила его рыдания; целые источники слез проливал он, и слезы его все умножались. Он имел сосуд, и, когда становился на молитву и приходили ему слезы, он ставил сосуд и над ним плакал; и за много лет наполнил его слезами, потому что всякий день ожидал исполнения пророчества преподобного.

Когда же почувствовал он свою кончину, то стал прилежно молиться Богу, чтобы угодны были слезы его пред ним, и, воздев руки к небу, стал молиться, так говоря: «Владыко человеколюбец, Господи Иисусе Христе, Царь мой пресвятой, ты не хочешь смерти грешников, но ожидаешь их обращения, ведая немощь нашу, утешитель благой, больным здравие, грешникам спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю тебя, Господи, в час сей покажи мне, недостойному, милость свою и излей неисчерпаемую пучину милосердия твоего, избавь меня от искушений врагов на мытарствах и не дай им овладеть мной, по молитвам угодников твоих, великих отцов наших Антония и Феодосия, и всех святых, от века угодивших тебе. Аминь».

Тут вдруг некто, прекрасный видом, стал перед ним и сказал ему: «Ты хорошо помолился, но зачем хвалишься тщетой слез?» И, взяв сосуд гораздо больше Феофилова, благоухания исполненный, как мирра благовонного, он сказал: «Это часть твоих же слез, которые в молитве к Богу излил ты от сердца, — те, которые ты отер рукою, или платком, или одеждою, или которые на землю упали из глаз твоих. Все их, по повелению Творца нашего, я собрал и сохранил в этом сосуде, и ныне я послан поведать тебе радость: с веселием отойдешь к тому, который сказал: “Блаженны плачущие, ибо они утешатся”». И сказав это, сделался невидим.

Тогда блаженный Феофил призвал игумена и поведал ему явление ангела и речи его, и показал ему оба сосуда: один был полон слез, другой же благовония, не сравнимого ни с какими ароматами, и попросил он вылить их ему на тело. Через три дня он отошел к Господу. И положили его достолепно в пещере, около Марка Пещерника; когда тело его помазали из ангелова сосуда, вся пещера наполнилась благоуханием; вылили и сосуд слез на него, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих: сказано — сеющие со слезами о Христе утешены будут, — ему же слава с Отцом и со Святым Духом!

О СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦАХ ФЕОДОРЕ И ВАСИЛИИ. СЛОВО 33

Сказано: как мать всему благому есть нестяжание, так корень и мать всему злomu — сребролюбие. Лествичник говорит: «Любящий собирать имение до смерти ради иглы трудится, а тот, кто не любит богатства, Господа возлюбит и заповеди его сохранит». Такой сберечь имения не может, но растрачивает его благопристойно, всем нуждающимся подавая; так и Господь сказал в Евангелии: «Если человек не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником».

Последуя этому слову, Феодор оставил все мирское, богатство раздал нищим, и стал иноком, и крепко подвизался в добродетели. По повелению игумена стал он жить в пещере, называемой Варяжской, и провел в ней много лет в великом воздержании.

И вот, по вражьему наваждению, стал он тужить и сильно печалиться о богатстве, которое раздал нищим: приходило ему на мысль, что если он долго проживет и изнеможет телом, то не сможет довольствоваться монастырской пищей. В такое искушение его враг вводил, он же не поразмыслил, не помянул Господа, сказавшего: «Не заботьтесь о завтрашнем дне и не говорите: “Что нам есть?” или “Что пить?”, или “Во что одеться?” Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, и Отец ваш небесный питает их». И много раз смущал его враг, желая привести его в отчаяние тем, что обнищал он, раздав богатство свое убогим. И многие дни проводил он в таких мыслях, помраченный врагом из-за своей бедности, и открыто высказывал скорбь свою перед друзьями.

И вот однажды некто Василий, один из совершеннейших иноков того же монастыря, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не погуби мзды своей. Если ты хочешь богатства, то все, что у меня есть, я отдам тебе, только скажи перед Богом: “Пусть все, что я раздал, твоей будет милостыней”, — и живи тогда без печали, получив снова богатство свое; но берегись: простит ли тебе это Господь?» Услышав это, убоился Феодор страхом великим гнева Божия. Услышал он также от этого Василия о том, что сделалось в Константинополе с пожалевшим розданное в милостыню золото: упав посреди церкви, умер он и лишился того и другого — с золотом и жизнь свою погубил. Поразмыслив об этом, Феодор стал

оплакивать свое согрешение и брата благодарить, избавившего его от такого недуга. О таких сказал Господь: «Если кто извлечет драгоценное из ничтожного, то будет как мои уста». И с тех пор зародилась великая любовь между ними. И преуспевал Феодор в заповедях Господних, и творил угодное Господу, и это было великим огорчением для дьявола, что он не смог прельстить Феодора богатством, — и вот опять вооружается супостат и иную кознь восставляет ему на погибель.

Игумен послал Василия по некоторому делу из монастыря, тогда, найдя удобное время для своего злого замысла, враг принял облик Василия и вошел к пещернику; сначала он говорил ему доброе: «Как живешь теперь, Феодор? Отступила ли от тебя сила бесовская или еще смущают они тебя любовью к богатству, напоминая о розданном имении?» Не понял Феодор, что то был бес, думая, что брат говорит ему это, и отвечал ему блаженный: «Твоими, отче, молитвами хорошо мне теперь; ты утвердил меня, и я не буду больше слушать бесовского нашептывания. И теперь, если ты велишь мне что-нибудь, я с радостью исполню, не ослушаюсь тебя, потому что великую пользу для души нашел я от твоего наставления». Бес, мнимый брат, взял силу над ним, так как Феодор не помянул Господа Бога, и сказал ему: «Даю тебе теперь другой совет, благодаря которому обретешь покой и скоро воздаяние получишь; только попроси у Бога, и он даст тебе золота и серебра множество; и не разрешай никому входить к себе и сам не выходи из пещеры своей». Пещерник обещался сделать так. И отошел от него бес.

И вот невидимо стал внушать ему помышления пронырливый о сокровище так, что подвиг блаженного на молитву просить у Бога золота и, получив его, раздать в милостыню. И вот увидел он во сне беса, как ангела светлого и прекрасного, показывающего ему сокровище в пещере, — и много раз виделось это Феодору. Наконец, спустя много времени, пришел он на указанное место, стал копать и нашел сокровище — множество золота и серебра и сосуды многоценные.

Тогда опять пришел к нему бес в образе брата и стал говорить пещернику: «Где сокровище, данное тебе? Являвшийся к тебе мне сказал, что дано тебе множество золота и серебра по молитве твоей». Феодор же не хотел показывать ему сокровища. Бес явно говорил с пещерником, а втайне влагал ему мысль, взявши золото, уйти далеко в иную страну. И говорит он: «Брат Феодор! Не говорил ли я тебе, что скоро ты примешь воздаяние? Господь сказал: “Всякий, кто оставит дом и земли или имение ради меня, получит во сто крат и жизнь вечную наследует”. И вот уже в руках твоих богатство, делай с ним что хочешь». Пещерник же сказал: «Я просил у Бога для того, что, если мне даст, то все в милостыню раздать; для этого он и даровал мне». Супостат же сказал ему: «Брат Феодор! Берегись, чтобы тебе опять по действию бесовскому не затужить, как прежде, о розданном, — это дано тебе взамен того, что ты раздал убогим. Я велю тебе: возьми это, иди в иную страну и там купи себе села и все, что будет тебе нужно, и там ты можешь спастись и избавиться от бесовских козней; после же смерти ты отдашь свое богатство, куда захочешь, и это будет в память по тебе». Феодор же сказал ему: «Не стыдно ли мне будет, что я, оставив мир и все, что в нем, и обещавшись Богу здесь жизнь свою кончить, в пещере этой, сделаюсь беглецом и мирским жителем? Все, что тебе угодно, то и будет, и все, что ты скажешь мне, сделаю, но живя в монастыре». Бес же, мнимый брат, сказал: «Утаить сокровища ты не можешь, — узнают о нем и возьмут, но прими мой совет, который я тебе даю. Если бы это не угодно было Богу, то не даровал бы тебе богатства и меня не известил бы».

Тогда пещерник поверил ему, как брату, и стал готовиться выйти из пещеры: приготовил возы и ящики, чтобы, собрав в них сокровище, уйти, куда захочет, повелением бесовским; хотел бес причинить ему какое-нибудь зло своим кознодейством, отлучивши его от Бога и

святого места, и от дома Пречистой и преподобных отцов наших Антония и Феодосия. Но Бог, не хотящий погибели ни одного человека из сего святого места, спас и этого молитвами святых своих.

В это время возвратился посланный игуменом Василий, который прежде уже спас пещерника от помышления злого. Пришел он в пещеру, желая увидеть живущего в ней брата, и сказал ему: «Феодор, брат, как в Боге живешь ныне?» Удивился Феодор вопросу, что говорит так, как будто долгое время не виделись, — и сказал ему: «Вчера и третьего дня ты постоянно был со мною и поучал меня, и вот я иду, куда ты велишь мне». Василий же сказал ему: «Скажи мне, Феодор, что значат эти слова, которые ты говоришь: “Вчера и третьего дня все время был со мною и поучал меня?” Уж не бесовское ли это мечтание? Не утай от меня Бога ради». Феодор же с гневом сказал ему: «Что искушаешь меня и зачем смущаешь душу мою: то так мне говоришь, то иначе, и какому же слову верить?» И так прогнал его от себя с жестокими словами.

Василий же, все это выслушав, пошел в монастырь. Бес же опять пришел к Феодору в образе Василия и сказал ему: «Потерял ты, брат, из-за сомнений свой разум. Но не попомнив обиды твоей, которую принял от тебя сегодня ночью, снова тебе говорю: уходи скорее, в эту ночь, взяв найденное». И, сказав это, бес ушел от него.

Когда же настал день, снова пришел Василий к нему, взяв с собой некоторых из старцев, и сказал пещернику: «Их привел я в свидетели, что три месяца прошло с тех пор, как я виделся с тобой, и в монастыре я третий день, ты же говоришь: “Вчера и третьего дня”. Здесь какое-то бесовское действие. Когда тот придет к тебе, не дай ему беседовать с тобой, прежде чем не сотворит он молитву, и тогда уразумеешь, что это бес». И, сотворив запрещальную молитву, призвав святых в помощь, он ушел в свою келью, утвердив пещерника.

Бес же после этого не смел явиться к пещернику, и уразумел Феодор, что то была лесь дьявола. И с тех пор всякого, кто приходил к нему, он заставлял сначала помолиться и тогда уже беседовал с ним, И после этого укрепился он на врагов и узнал пронырство их, и Господь избавил его от воображаемых чудищ и не допустил его быть рабом их, что случается со многими, пребывающими в пустыне, или в пещерах, или в затворе, живущими уединенно. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть от бесов, как хотели они этого погубить, но избавил Господь его.

Для найденного же сокровища Феодор вырыл глубокую яму и, положив его туда, закопал; и с того времени и донныне никто не знает, где скрыто оно.

Сам же он предал себя на работу тяжкую, чтобы не облениться, пребывая в праздности, ибо из-за этого пропадает страх Божий, а бесы обретают власть. Поставил он в своей пещере жернова и с тех пор начал работать на святую братию: брал из сусека пшеницу и своими руками молот ее, всю ночь проводя без сна, трудясь на работе и на молитве; на другой день в сусек муку высыпал и опять брал жито. И так много лет делал, работая на святую братию, и облегчение было рабам монастырским, и не стыдился такой работы и молил Бога беспрестанно, чтобы отнял у него память сребролюбия. И Господь освободил его от такого недуга, так что он и не думал о богатстве. Золото и серебро стали для него подобны грязи.

Прошло много времени, и он в такой работе и злострадании подвизался неустанно. Келарь же, видев, как он трудится, однажды, когда привезли жито из сел, послал к нему в пещеру пять возов, чтобы не утруждался он, постоянно приходя за житом. Он же, ссыпав жито в

сосуды, начал молоть, распевая наизусть Псалтирь; наконец, устав, лег, желая поспать немного. И вот внезапно раздался гром, и начали жернова молоть. И поняв, что это бесовское действие, встал блаженный и начал молиться Богу прилежно, и сказал громким голосом: «Господь велит тебе перестать, вселукавый дьявол!» Бес же не переставал молоть жерновами. Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергнувшего вас с небес и предавшего на поправление своим угодникам, велит тебе, чрез меня, грешного, не переставать работать до тех пор, пока не измелешь все жито, да и ты поработаешь на святую братию». И, сказав это, стал на молитву. Бес же не посмел послушаться и до рассвета измолот все пять возов жита. Феодор же известил келаря, чтобы тот прислал за мукой. И удивился келарь дивному чуду, что пять возов измолото за одну ночь, и вывез пять возов муки из пещеры, и к ним еще пять возов прибавилось муки.

И это чудо удивительно было и тогда, и для ныне слышащих, — сбылось сказанное в Евангелии: «И бесы повинуются вам именем моим». Ведь сказано: «Дал вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу вражью». Хотели бесы устрашить блаженного, но сами были наказаны тяжелой работой так, что стали они взывать к нему: «Больше здесь не появимся!»

Феодор же и Василий по богоугодному совету между собой решили, чтобы никогда помыслов своих не таить друг от друга, но вместе обсуждать и решать по Божьему совету. И вот Василий вошел в пещеру, Феодор же, по старости, вышел из пещеры, захотев келью себе поставить на старом дворе.

Монастырь был тогда выжжен, и к берегу пригнали плоты для постройки церкви и келий, и наняты были возчики возить лес на гору. Феодор же, не желая быть в тягость другим, сам на себе начал носить лесины; и что приносил Феодор для постройки кельи своей, то бесы, пакость ему делая, сбрасывали с горы, хотели этим прогнать блаженного. Феодор же сказал: «Во имя Господа Бога нашего, повелевшего вам в свиней войти, повелевает он вам через меня, раба своего, чтобы каждое бревно, которое на берегу, подняли вы на гору, дабы облегчился труд работающих Богу, пусть так устроится молитвенный дом святой владычицы нашей Богородицы, и иноки кельи себе поставят. И прекратите вы пакости им творить и узнайте, что Господь находится в месте этом». В ту же ночь, не переставая, бесы носили бревна от Днепра на гору, пока ни одного не осталось внизу, и все это пошло на постройку церкви, и келий, и кровли, и помоста, и хватило на все, что требовалось монастырю.

Утром же встали возчики и поехали на берег, чтобы возить бревна, и ни одного не нашли на берегу, но все были на горе, и оказались сложенными не в одном месте, а все разобраны по порядку: особо — для кровли, и особо — для помоста, и особо — большие бревна, неудобноносимые из-за длины, — и все в целости оказалось на горе. И дивились все, видевшие и слышавшие, тому, что сделалось выше человеческой силы. Иноверным многим это невероятным покажется из-за величия чуда, но свидетели его прославили Бога, творящего предивные чудеса ради угодников своих. Ведь сказал же Господь: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь больше тому, что имена ваши написаны на небесах». Это сделал Господь во славу свою, молитв ради святых отцов наших Антония и Феодосия.

Бесы же, не стерпев обиды, что, некогда почитаемые и ублажаемые неверными и признаваемые за богов, оказались они ныне у угодников Христовых в небрежении, и унижении, и бесчестье, и, как рабы купленные, работают — бревна носят на гору и от людей должны отступаться, боясь угрозы преподобных, — ведь все козни их Василием и Феодором обличены были. И, видя себе укоризну от людей, возопил бес: «О злые и лютые

мои супостаты, не отступлюсь, не отдохну, до смерти вашей борясь с вами!» Не ведал дьявол, что этим только еще большую славу доставит им. И наустил на них злых людей, чтобы погубить их, и те натянули лук свой, орудие зла, но стрела их в их же сердце вонзилась, о чем после расскажем.

И нанятые работники и возчики воздвигли крамолу на блаженного, требуя своей платы и говоря так: «Не ведаем, какими кознями велел ты этим бревнам на горе оказаться». Неправедный же судья, мзду взявши с них, велел им получить плату с преподобного, так говоря: «Пусть помогут тебе бесы заплатить, которые тебе служат», — не вспомнил он о Божьем суде, о том, что неправедно судящий сам осужден будет.

И снова враг дьявол воздвиг бурю на преподобных: нашел он между княжескими советниками лютого, и свирепого, и непотребного нравом, и делом, и всякой злобой. Пришел к этому боярину бес в образе Василия, потому что был знаком боярину Василий, и сказал боярину: «Феодор, что был до меня в пещере, нашел сокровище, — золота и серебра множество и сосуды многоценные, — и со всем этим хотел бежать в иную страну, я же удержал его. И теперь он юродствует: бесам приказывает молоть и с берега бревна носить на гору, — и свершается это, а сокровище скрывает до времени, чтобы тайно от меня уйти с ним, куда задумает. Вы же ничего не получите».

И боярин, услышав это от беса и считая его Василием, привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес то же самое рассказал князю, и даже больше того, и сказал: «Скорее его схватите и возьмите сокровище. Если же не отдаст, то устрашите его побоями и пытками; если же и тогда не даст, то пытайте его муками многими; а если и после этого не отдаст, то призовите меня и я обличу его перед всеми вами и место покажу, где скрыто сокровище». И, давши им такой злой совет, бес ушел с глаз их.

Князь же рано утром, словно на охоту или на какого-нибудь воина грозного, поехал сам со множеством воинов и, схватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. И сначала ласково спрашивал его, говоря: «Отче, поведай мне, правда ли ты нашел сокровище? Я, — говорил он, — разделю его с тобою, и будешь ты отец отцу моему и мне». А Святополк был тогда в Турове. Феодор же сказал: «Да, нашел, и теперь оно зарыто в пещере». Князь же сказал: «Много ли, отче, золота, и серебра, и сосудов, и кем, по слухам, сокрыто все это?» Феодор же сказал: «В Житии святого Антония говорится, что это варяжский клад, и действительно там сосуды латинские, из-за этого Варяжской пещера называется и донныне. Золота же и серебра бесчисленное множество». Князь же сказал: «Почему же ты не дашь мне, сыну своему? Себе же возьми сколько хочешь». Феодор же сказал: «Мне из этого не нужно ничего, даже если ты повелишь мне взять, ибо мне это не на пользу, не требуется мне богатства, так как освободился я от него. Не помню ничего, а то о всем бы вам поведал, потому что вы богатству служите, я же свободен от этого».

И тогда князь с гневом сказал слугам: «Этого монаха, отвергшего милость мою, повелеваю сковать по рукам и по ногам и три дня не давать хлеба и воды». И снова спросил: «Открой мне, где сокровище?» Феодор же сказал: «Не помню, где спрятал его». Князь же велел жестоко мучить его, так что и власяница омочилась кровью; затем велел подвесить его в большом очаге, связав руки назад, и огонь раздуть. Многие удивились тогда терпению этого мужа, который пребывал в пламени, как в росе, а огонь даже власяницы его не коснулся. И некто из стоявших тут рассказал о чуде, сотворенном Феодором. И ужаснулся князь, и сказал старцу: «Зачем ты губишь себя и не отдаешь сокровище, которое нам достойно?» Феодор же сказал: «Истину тебе говорю, что молитва брата моего Василия спасла меня тогда, когда я нашел сокровище, и ныне отнял Господь от меня память сребролюбия, и я не помню, где спрятал его».

Князь же тотчас послал в пещеру за святым Василием. Тот не хотел идти, но его насильно привели из пещеры. Князь же сказал ему: «Все, что ты мне велел сделать с этим злодеем, я сделал и хочу, чтобы ты был мне как отец». Василий же сказал: «Что я тебе велел сделать?» Князь же сказал: «О сокровище, про которое ты мне рассказал, он ничего не поведал, — и я пытал его». И ответил Василий: «Вижу козни злого беса, прельстившего тебя, а на меня возведшего ложь и на этого преподобного: меня никто и никогда не видел выходящим из пещеры своей пятнадцать лет». Тогда все, бывшие тут, сказали: «При нас ты говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил, а я не видел ни князя, ни вас».

Разгневался князь и повелел бить его без милости. Не стерпев обличения, и захмелев от вина, и разъярившись, взял он стрелу и вонзил ее в Василия. И когда он проткнул его, Василий вытащил стрелу из тела своего, бросил ее князю и сказал: «Этой стрелой сам убит будешь». Как и сбылось по предсказанию его.

И повелел князь порознь заключить обоих иноков, чтобы утром предать их злым мукам, но в ту же ночь оба они скончались о Господе. И, узнав это, иноки пришли, взяли тела их и погребли их честно в пещере Варяжской. Где они подвизались, там и положены были в кровавых одеждах и власяницах, целы они и доныне: тех, кого постыдился огонь, как тление коснется?

По прошествии немногих дней сам Мстислав, воюя с Давыдом Игоревичем, по предсказанию Василия убит был на городской стене, во Владимире. И тогда признал он свою стрелу, которой пронзил Василия, и сказал: «Это я умираю за преподобных Василия и Феодора».

Так сбывается сказанное Господом: «Всякий, взявший нож, от ножа погибнет». Как он незаконно убил, так и сам незаконно убит был. Блаженные же приняли мученический венец о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава с Отцом и Святым Духом.

О ПРЕПОДОБНОМ СПИРИДОНЕ ПРОСВИРНИКЕ И ОБ АЛИМПЦИИ ИКОНОПИСЦЕ. СЛОВО 34

Всякая душа простая свята, не имея лукавства в себе, ни лести в сердце своем. Такой человек праведен пред Богом и людьми, и не может согрешить Богу, и еще больше, — не хочет, потому что он сосуд Божий и жилище Святого Духа, которым освящается его душа, и тело, и ум, как сказал Господь: «Я и Отец к нему придем и обитель у него сотворим. Вселюсь, — сказал, — в них и буду ходить в них, и буду их Богом, и они будут моим народом». Апостол же сказал: «Братья, вы церковь Бога живого, и Дух Святой живет в вас». Такие на земле живут как ангелы, и на небесах с ними вовеки радуются: ибо как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся, о чем мы скажем еще в конце этого слова.

Этот преподобный Спиридон был простец словом, но не разумом; не из города пришел он в чернечество, а из некоего села. И имел он страх Божий в сердце своем, и начал учиться книгам, и выучил всю Псалтирь наизусть. Повелением же игумена Пимена Постника он пек просфоры, а с ним другой брат, именем Никодим, такой же, как и он, умом и нравом. Добросовестно трудились они в пекарне много лет, честно и непорочно совершая свою

службу. Блаженный же Спиридон, с тех пор как пришел в пекарню, не нарушал своего обета и труда духовного, но исполнял свою работу с особым благочестием и страхом Божиим, жертву чистую от своего труда принося Богу. Плод же уст его, — живая словесная жертва, — приносилась от него всемогущему Богу обо всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтирь, и, в каждый день до конца, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно была она у него на устах.

Однажды сей блаженный, совершая с особым благочестием свою обычную работу, затопил, как всегда, печь для печенья просфор, и вдруг от пламени загорелась кровля пекарни. Тогда он взял мантию свою и закрыл ею устье печи; потом, завязавши рукава у своей рубахи, взял ее и побежал с нею к колодцу, налил там в нее воды и быстро устремился назад, призывая братию гасить печь и пекарню. Иноки прибежали и увидели дивное явление: мантия не сгорела и вода не вытекла из рубахи, ими же Спиридон погасил разгоревшееся пламя.

Большое усердие требуется, чтобы достойно помянуть, и восхвалить, и воздать всем должное о Господе скончавшимся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте, праведники, о Господе, праведным подобает похвала! Стройно пойте ему с восклицанием на десятиструнной псалтири». Не от одиннадцатого часа они Господу молились и творили ему угодное, но от юности предали себя Богу, много лет прожили и в глубокой старости к Господу отошли, ни на один день и час не изменивши своему правилу. Насажденные в доме Божьей Матери, процветут они в чертогах Бога нашего и еще умножатся в старости маститой, как и этот блаженный.

Преподобный же Алимпий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было, когда греческие иконописцы из Царьграда волею Божиею и пречистой его Матери приведены были, против своего желанья, расписывать церковь Печерскую, во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, это о них рассказано в Послании Симона, когда Бог явил и сотворил чудо страшное в церкви своей.

Когда мастера украшали мозаикой алтарь, вдруг образ пречистой владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, изобразился сам, а они все были заняты укладкой мозаики внутри алтаря, Алимпий же помогал им и учился у них, — и увидели все дивное и страшное чудо: смотрят они на образ, и вот внезапно засиял образ владычицы нашей, Богородицы и приснодевы Марии, ярче солнца, так что невозможно было смотреть, и все в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть свершившееся чудо, и вот из уст пречистой Богоматери вылетел голубь белый, полетел вверх к образу Спасову и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви, и на глазах у всех снова голубь вылетел из уст Спасовых и стал летать по всей церкви. И прилетая к каждому святому, садился, — одному на руку, другому на голову, слетев же вниз, сел за наместной чудной Богородичной иконой. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели всюду, но не нашли, куда скрылся голубь, и стояли все, взирая на икону, и вот снова перед ними вылетел голубь из уст Богородицы и поднялся вверх к Спасову образу. И закричали стоявшим вверху: «Хватайте его!» Те же, простерши руки, хотели поймать его, а голубь вновь влетел в уста Спасовы, откуда вылетел. И вот опять свет, ярче солнечного, озарил всех, ослепляя глаза человеческие. Они же, павши ниц, поклонились Господу. С ними был и этот блаженный Алимпий, воочию видевший Святого Духа, пребывающего в той святой и честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, тогда блаженный Алимпий принял пострижение при игумене Никоне. Хорошо выучился он иконописному искусству, иконы

писать был он большой мастер. Этому же мастерству он захотел научиться не богатства ради, но Бога ради это делал. Работал же он так, что хватало их всем, — игумену и всей братии писал иконы, и за это ничего не брал. Если же когда у этого преподобного не было работы, то он брал займы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону тому, кому был должен, и отдавал икону заимодавцу. Часто также просил друзей своих: если увидят где в церкви обветшалые иконы, то приносили бы их к нему, и, обновив их, ставил на свои места.

Все это делал он, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам всегда трудиться и считали это великим делом перед Богом, ибо, как сказал апостол Павел: «Мне и бывшим со мною послужили руки мои, и ни у кого я задаром хлеба не ел». Так и этот блаженный Алимпий. Он делил заработанное на три части: одну часть на святые иконы, вторую часть на милостыню нищим, а третью часть на нужды тела своего. И так делал он всегда, не давая себе покоя ни в один из дней: ночь проводил в пении и молитве, а когда наступал день, он принимался за работу, праздным же никогда не видали его, но и от собрания церковного из-за работы не уклонялся никогда. Игумен же за многую его добродетель и чистое житие поставил его священником, и в таком чину священства он добросовестно и богоугодно пребывал.

Некто из богатых киевлян был прокаженным. И много лечился он у волхвов и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, но лишь сильнее разболелся. И один из его друзей уговорил его пойти в Печерский монастырь и упросить кого-нибудь из отцов, да помолятся о нем. Когда привели его в монастырь, игумен повелел напоить его губкой из колодца святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг покрылся он весь гноем за неверие свое, так что все стали избегать его из-за исходящего от него смрада. Он же возвратился в дом свой, плача и сетуя, и не выходил оттуда много дней, стыдясь смрада. И говорил он друзьям своим: «Покрыл стыд лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей, потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И каждый день ожидал он смерти.

Наконец, со временем, образумился он, размыслил о своих согрешениях и, придя к преподобному Алимпию, покался ему. Блаженный же сказал ему: «Чадо, хорошо сделал, исповедав Богу грехи свои пред моим недостойнством, ведь пророк Давид сказал: “Исповедаюсь в преступлениях моих пред Господом, и он простит нечестие сердца моего”». И много поучив его о спасении души, взял преподобный вапницу и разноцветными красками, которыми писал иконы, раскрасил лицо больного и гнойные струпья замазал, придав прокаженному прежний вид и благообразие. Потом привел его в божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься святых тайн и велел ему умыться водой, которой умываются священники, и тотчас спали с него струпья, и он исцелился.

Зри, каков разум блаженного! Христу уподобился он: как Господь, прокаженного исцелив, велел ему показаться священникам и принести дар за очищение свое, так ведь и этот святой избегал славословия; как Христос, слепого исцелив, не тотчас дал ему прозрение, но повелел ему идти к Силоамской купели умыться, так же и этот блаженный сначала разрисовал красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления уступил служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Водой же больного омыв, не только очистил его от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал киот золотом над святым престолом. Все удивились такому скорому исцелению. Преподобный же Алимпий сказал им: «Братья! Внимайте сказавшему: “Не может раб служить двум господам”. Вот этот прежде служил врагу, пытаясь исцелиться чарованием, а потом пришел к Богу, не веря в душе о спасении своем,

и сильнее проказа напала на него за его неверие. “Просите, — сказал Господь, — и не просто просите, но с верою просите, и получите”. Когда же он покаялся перед Богом, поставив меня свидетелем, тот, скорый на милость, его исцелил». И отошел исцелившийся в дом свой, славя Бога и родившую его пречистую Матерь, и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, и блаженного Алимпия. Это нам новый Елисей, который Неемана Сириянина от проказы исцелил.

Другой муж, некий христоробец из того же города Киева, церковь себе поставил и хотел сделать на украшение церкви большие иконы: пять деисусных и две наместные. И этот христоробец дал двум инокам Печерского монастыря серебро и доски иконные, чтобы они урядились с Алимпием и заплатили бы ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти ничего не сказали Алимпию, а от киевлянина взяли сколько захотели. Через некоторое время христоробец послал к монахам, чтобы узнать, готовы ли его иконы. Те же сказали, что Алимпий еще золота требует, и снова взяли они у христоробца золото и растратили. И опять послали объявить киевлянину, говоря, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христоробец же этот дал с радостью. Спустя немного времени черноризцы опять сказали: «Алимпий еще столько же требует». Христоробец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, то я дам, только благословения его хочу, и молитвы, и дела рук его». Алимпий же ничего не знал о том, что эти монахи сотворили.

Наконец, когда этот человек прислал, чтобы посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те велели передать ему, так говоря: «Алимпий, взяв золото и серебро с избытком, не хочет писать икон твоих». Тогда христоробец тот пришел в монастырь с многочисленной дружиной и вошел к игумену Никону, чтобы пожаловаться на преподобного Алимпия. Игумен призвал Алимпия и сказал ему: «Брат, как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя: возьми за работу, сколько хочешь, а ведь ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честной отче, известно твоему преподобию, что я никогда не ленился в этом деле. Не понимаю, о чем теперь ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон, а икон не пишешь». И вот, для обличения его, повелел принести доски иконные и призвать монахов, которые брали плату, чтобы они в споре с ним изобличили его.

Посланные же увидели иконы, написанные с великим искусством, и принесли их к игумену. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали ниц на землю и поклонились нерукотворному изображению Господа нашего Иисуса Христа, и пречистой его Матери, и святых его. И разнеслась громкая слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли монахи, оговорившие блаженного, то, не зная ничего о случившемся, стали они спорить с Алимпием, говоря так: «Взял тройную плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы эти Богом написаны». И ужаснулись они, видя совершившееся чудо.

Черноризцы же эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут они своей злобы не оставили, возводили хулу на блаженного и всем говорили: «Мы написали иконы, а владелец их, не желая платить нам, вот что замыслил, чтобы лишить нас заработанного нами, — сказал неправду, что иконы, мол, Богом написаны, а не нами изображены». И так убеждали они народ, приходивший посмотреть на тех иноков, а тем, кто хотел поклониться им, они запрещали это, и оттого люди поверили монахам, оболгавшим блаженного Алимпия.

Но Бог прославляет святых своих, как сказал Господь в Евангелии: «Не может город укрыться, на верху горы стоящий; и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, да светит всем приходящим». Так не утаилось и этого преподобного

Алимпия добродетельное житие. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда. По воле Божьей от пожара выгорело Подолье все, и та церковь сгорела, в которой были эти иконы. После пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. И, услышав об этом, князь пошел посмотреть на чудо, свершившееся с иконами, написанными по Божьему мановению за одну ночь, и прославил он Творца всех, совершающего преславные чудеса молитвами угодников своих Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон, святую Богородицу, и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал; икона эта и доныне цела, я сам видел ее. И вот что при мне произошло в Ростове: церковь рухнула, а та икона осталась неповрежденной и перенесена была в деревянную церковь, которая сгорела от пожара, а икона опять осталась невредима, и признаков огня нет на ней.

Перейдем теперь еще к одному сказанию о блаженном Алимпии. Другой христолюбец дал этому блаженному написать икону наместную. Через несколько дней разболелся блаженный Алимпий, и икона осталась ненаписанной. Боголюбец же стал докучать блаженному. Блаженный сказал ему: «Чадо, не приходи ко мне, не понукай меня, но положишься в своей печали об иконе на Господа, и он сделает, как ему угодно; икона твоя в свой праздник на своем месте станет». И обрадовался этот человек, что икона до праздника напишется, и поверил он слову блаженного, и отошел в дом свой радуясь. И вот снова пришел этот боголюбец накануне Успения, чтобы взять икону, и увидел, что икона не написана, а блаженный Алимпий сильно болен. И стал он укорять его, говоря: «Почему же не известил ты меня о своей немощи, я бы дал писать икону другому, чтобы праздник светел и честен был, а теперь, задержав икону, ты посрамил меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «О чадо! Разве я по лености сделал это? Неужели Бог не сможет икону своей Матери словом написать? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого мира, и по моем отшествии всячески утешит тебя Бог». И в печали ушел от него муж тот в дом свой.

После же ухода его явился некий юноша светлый и, взяв вапницу, начал писать икону. Алимпий подумал, что заказчик иконы разгневался на него и прислал другого иконописца, потому что тот выглядел как обычный человек, но быстрота, с какой он работал, показала, что это бесплотный. То он золотом покрывал икону, то на камне краски растирал и писал ими, и за три часа написал он икону и сказал: «О калугер! Не хватает ли чего-нибудь или в чем-нибудь я ошибся?» Преподобный же сказал: «Ты хорошо поработал. Бог помог тебе столь искусно написать эту икону, и это тобою сделал он ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою.

Владелец же иконы провел без сна всю ночь от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. И, встав, он пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения, и когда отворил двери церковные, то увидел икону, сияющую на месте своем, и упал он от страха, думая, что это привиделось ему. Но, оправившись немного от испуга и поняв, что это действительно икона, в великий ужас и трепет пришел он, вспомнил слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю, поклонились иконе и приложились к ней в веселии душевном.

Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся чуде с иконою, и все вместе пошли к преподобному Алимпии и увидели, что он уже отходит из этого мира. И спросил его игумен: «Отче, как и кем написана была икона?» Он же рассказал им все, что видел, говоря: «Ангел написал ее, и вот он стоит возле меня, и хочет меня взять с собою». И, сказав это, испустил дух. Тело его приготовили к погребению, отнесли в церковь,

сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе, о Господе нашем.

О ПРЕПОДОБНОМ И МНОГОСТРАДАЛЬНОМ ОТЦЕ ПИМЕНЕ И О ЖЕЛАЮЩИХ ОБЛЕЧЬСЯ В ИНОЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ. СЛОВО 35

Начиная слово о Пимене, приступим к повествованию о тяжком его страдании, и как со смирением и мужеством переносил он болезнь.

Этот блаженный Пимен больным родился и вырос, и из-за этого недуга оставался чистым от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься в иноки. Они же, любя своего сына, надеясь и желая, чтобы он стал наследником их богатства, запрещали ему это.

Когда же он изнемог так, что отчаялись за его жизнь, — принесли его в Печерский монастырь, чтобы исцелился он молитвами тех святых отцов или от их рук принял святой иноческий образ. Родители же Пимена, сердечно любя его, не оставляли детища своего и всех просили молиться за их сына, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничто не приносило пользы ему, ибо его молитвы превозмогали все другие, а он просил себе не здоровья, а усиления болезней, так как боялся, что если он выздоровеет, то родители увезут его из монастыря и не осуществится мечта его. Отец же и мать все время были с ним и не давали его постричь, и блаженный, опечалившись, стал прилежно молиться Богу, чтобы он исполнил желание его.

И вот однажды ночью, когда все вокруг спали, вошли со свечами туда, где лежал Пимен, похожие на скопцов светлых и несли они Евангелие, и рубаху, и мантию, и куколь, и все, что требуется для пострижения, и сказали ему: «Хочешь, чтобы мы постригли тебя?» Он же с радостью согласился, говоря: «Господь вас послал, повелители мои, исполнить желание сердца моего». И тотчас начали они спрашивать: «Зачем пришел, брат, припадая к этому святому жертвеннику и к святому братству этому? Желает ли сподобиться иноческого великого ангельского образа?» И все прочее исполнили по чину, как написано в уставе, потом в великий образ постригли его, и надели на него мантию и куколь, и все, что следует, отпевши, великого ангельского образа сподобили его, и, целовав его, дали ему имя Пимен, и, возжегши свечу, сказали: «Сорок дней и ночей эта свеча не угаснет». Свершив все это, они пошли в церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гроб святого Феодосия.

Иноки же, бывшие в кельях, слыша звуки пения, разбудили спавших вокруг, думая, что игумен с кем-то постригает Пимена или что тот уже скончался, и вошли все вместе в келью, где больной лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. И вместе с ними подошли к блаженному, и все ощутили благоухание, и увидели его веселым и радостным и облаченным в иноческую одежду. И спросили его: «Кто тебя постриг, и что за пение мы слышали? Вот родители твои были с тобой и ничего этого не слышали». И сказал им больной: «Я думаю, что это игумен, придя с братиею, постриг меня и дал мне имя — Пимен. Их пение и было то, что вы слышали, и про свечу они сказали, что она будет сорок дней и ночей гореть, взявши же мои волосы, они пошли в церковь».

Услышав это от него, пошли в церковь, и увидели, что церковь закрыта, и разбудили пономарей, и спросили их, не входил ли кто в церковь после вечерней молитвы? Они же отвечали, говоря, что никто не входил в нее и что ключи у эконома. Взяв ключи, пошли в церковь и увидели на гробе Феодосия в платке волосы Пимена, и рассказали обо всем игумену, и стали искать, кто постригал Пимена, и не нашли. И поняли все, что то был промысел свыше, от Бога.

И стали раздумывать о бывшем чуде, говоря: «Может ли оно засчитаться Пимену за уставное пострижение?» Но так как свидетельство имелось: церковь была заперта, а волосы оказались на гробе святого Феодосия, и свеча, которой хватило бы только на день, сорок дней и ночей непрестанно горела и не сгорала, то и не стали совершать над Пименом пострижения, сказав ему: «Достаточен для тебя, брат Пимен, от Бога данный тебе дар и нареченное тебе имя».

И спросил его игумен: «Как выглядели постригавшие тебя?» И показал ему книги, по которым свершается постриг, чтобы убедиться — может быть, что-то было сделано не по ним. Пимен же сказал: «Зачем искушаешь меня, отче! Ты сам со всей братией приходил, и совершил надо мной по написанному в этих книгах, и сказал мне: “Подобает тебе пострадать в болезни, а когда приблизится твоя кончина, тогда обретешь здоровье и своими руками понесешь постель свою”. Моли только за меня, честной отец, чтобы Господь подал мне терпение».

И пробыл блаженный Пимен в той тяжелой болезни много лет, так что и служившие ему гнушались им, и много раз без пищи и без питья оставляли его по два и по три дня. Он же все с радостью терпел и Бога за все благодарил.

Некто другой, больной таким же недугом, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки же, приставленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим одновременно. Но, относясь с небрежением к такой службе, они забыли про них, и больные изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал этому больному: «Брат, так как гнушаются нами прислуживающие нам из-за исходящего от нас смрада, то если исцелит тебя Господь, сможешь ли ты на себя возложить службу эту?» Больной же обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: «Вот Господь снимает с тебя болезнь твою, и как только станешь здоров, исполни обет свой и служи мне и подобным мне. На тех же, которые не радеют об этой службе, наведет Господь болезнь лютую, чтобы могли, приняв такое наказание, спастись». И тотчас встал больной и начал служить ему, а на всех нерадивых и не хотевших служить больным напал недуг, по слову блаженного.

Исцелившийся же от недуга брат, спустя немного времени, стал втайне гнушаться Пименом из-за его смрада, пренебрег им и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной горнице, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня, и, не стерпев жажды, начал кричать: «Помогите мне, Господа ради, умираю от жажды!» Услыхали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, рассказали о нем Пимену: «Брат, прислуживающий тебе, умирает». Блаженный же сказал: «Что человек посеет, то и пожнет: так как он оставил меня голодным и жаждущим, то и сам получил это, солгав Богу и мою немощь презрев. Но так как нас учили не воздавать злом за зло, то подите и скажите ему: “Зовет тебя Пимен, встань и приди сюда”».

Когда пришли и передали эти слова ему, то больной выздоровел и тотчас пришел к блаженному, никем не поддерживаемый. Преподобный же обличил его, говоря: «Маловерный! Вот ты здоров; больше не греши. Разве ты не знаешь, что одинаковую

награду получают и больной, и тот, кто за ним ходит? Ведь терпение убогих не пропадает бесследно: здесь, на земле, и скорбь, и горе, и недуг на малое время, а там радость и веселие, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Ради того-то, брат, я и терплю все. Бог же, тебя через меня исцеливший от недуга твоего, может и меня поднять с постели этой и немощь мою исцелить, но я не хочу: “Кто претерпит до конца, — сказал Господь, — тот спасется”. Лучше мне всему изгнись в этой жизни, чтобы там плоть моя была нетленной и смрадный дух обратился бы там в благоухание неизреченное. Хорошо, брат, стоять в церкви, в светлом и чистом пресвятом месте, и с ангельскими силами невидимо воссылать пресвятую песнь — очень это богоугодно и благоприятно: церковь называется небом земным, и стоящие в ней стоят будто на небе. А что же, брат, это темное смрадное жилище: не суд ли прежде суда и не мука ли прежде вечной муки? Ведь больной может по справедливости сказать: “Терпя, обрел я сострадание Господа, и он внял мне”. Вот почему апостол говорит к страждущим телесными болезнями: “Если вы наказание терпите, то как с сынами поступает с вами Бог; если же остаетесь без наказания, то вы рабы, а не сыновья”. О них сказал Господь: “Терпением вашим спасайте души ваши”».

И в таком страдании пролежал преподобный Пимен двадцать лет. Во время же преставления его явились три столпа над алтарем и оттуда на верх церкви перешли. О них сказано и в Летописце. Господь же ведает — ради ли этого блаженного было такое знамение или иное что хотел он означить этим.

В тот же день, когда должен был преставиться, выздоровел преподобный Пимен и обошел все кельи, и, кланяясь всем до земли, прощенья просил, объявляя о своем исходе из этой жизни. И говорил он болевшим монахам: «Друзья и братья мои! Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, отступала болезнь от них, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, войдя в церковь, причастился животворящих Христовых тайн, и потом, взяв свою постель, понес ее к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда отроду не видал ее, и, войдя, поклонился он святому Антонию и место показал, где хотел, чтобы положили его.

И сказал он: «Здесь вы положили в нынешнем году двух иноков, и того инока, которого вы без схимы положили, теперь в схиме найдете. Много раз хотел он постричься, но пренебрегала им братия из-за нищеты его, и им вменилось это в грех; он же жил достойно этого образа, и потому даровал ему Господь схиму: ибо творящему добрые дела — воздается, от того же, кто не творит их, но мнит себя добродетельным, — отыметя; творящему добро — всегда воздается. Другого же инока вы в схиме положили, а она взята у него, потому что при жизни он не захотел ее, но лишь, умирая, сказал: “Если увидите, что я уже отхожу, то постригите меня”. И потому отнялась от него благодать, ибо не уразумел он сказавшего: “Не мертвые восхвалят тебя, Господи, но мы, живые, благословим Господа”. “Ибо, — сказано, — во тлении кто исповедается тебе?” Таким схима не принесет никакой пользы, если добрые дела от муки их не избавят. Третий же здесь с давних лет положен. Его схима нетленна и хранится ему на обличение и на осуждение, потому что дела его были недостойны монашеского образа — жизнь свою проводил он в лености и грехах, не ведая сказанного: “Кому много дается, с того много и спросится”. Если такого Антониева и Феодосиева молитва не спасет, то повинен он суду». И, проговорив все это, сказал он братии: «Вот пришли постригшие меня, которые хотят взять меня». И, сказав это, лег и почил о Господе. И с великой честью положили его в пещере. Откопавши же место, о котором он говорил, нашли, по слову блаженного, трех черноризцев: один весь истлел, только куколь цел был; из двух же иноков, недавно умерших, с положенного в схиме она была снята и воздета на другого, который не был

пострижен. И много дивились неизреченному суду Божию, и говорили: «Ты, Господи, воздаешь каждому поделай его».

Из этого, братья, следует, кажется мне, вот что разуметь: если кто в болезни пострижется с верою, прося у Бога жизни, тот, как в монашеском подвиге, послужит ему; владеющий же жизнью и смертью Господь, если и отведет его от мира, то, подобно работникам, нанятым в одиннадцатый час, признает его равным праведникам. Кто же говорит так: «Когда увидите меня умирающим, то постригите меня», — суетна того вера и пострижение.

О ПРЕПОДОБНОМ ИСАКИИ ПЕЩЕРНИКЕ. СЛОВО 36

Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения. Если к самому Господу искушитель не постыдился приступить в пустыне, то насколько же больше искушений приносит он человеку! Так было и с этим блаженным.

Этот преподобный отец наш Исакий, когда он еще жил в миру, был богатым купцом, родом торопчанин. И вот он, решив стать монахом, раздал все имущество свое бедным и монастырям и пришел к великому Антонию в пещеру, умоляя постричь его в монахи. И принял его Антоний, и постриг в монахи, и дал ему имя Исакий, мирское же имя его было Чернь.

И стал этот Исакий вести жизнь строгую, облекся во власяницу, велел купить себе козла и содрать с него шкуру, и надел ее на власяницу, и обсохла на нем сырая шкура. И затворился в пещере, в одном из проходов, в небольшой келий, в четыре локтя, и тут молил Бога со слезами. Пищей же ему была одна просфора, и то через день, и воды в меру пил. Приносил же это ему великий Антоний и подавал в оконце, куда рука едва проходила, и так принимал он пищу. И в таком житии провел семь лет Исакий, не выходя наружу, не ложился на бок, но сидя спал понемногу.

Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами». Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: «Исакий, это Христос, пав, поклонись ему». Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келий и поклонился, как Христу, бесовскому действию. Тогда бесы воскликнули и сказали: «Теперь ты наш, Исакий!»

Ввели они его в келию, посадили и сами стали садиться вокруг него. И вся келия и проход пещерный наполнились бесами. И сказал один из бесов, тот, что назывался Христом: «Возьмите сопели, и бубны, и гусли и играйте, а Исакий нам спляшет». И грянули они в сопели, и в гусли, и в бубны, и начали им забавляться. И, измучив его, оставили его еле живого, и ушли, надругавшись над ним.

Назавтра же, когда настал день и пришла пора вкушения хлеба, пришел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исакий!» И не было никакого ответа. И несколько раз говорил так Антоний, и никто не отвечал, и тогда подумал про себя: «Наверное, преставился он». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. Пришла братия, и откопали, где был засыпан вход, и взяли Исакия, думая, что он мертв; и когда вынесли его и положили перед пещерой, то увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосии, что это случилось с ним из-за бесовского действия. Положили его на постель, и стал прислуживать ему святой Антоний.

Случилось, что в это время пришел Изяслав из Польши и стал он гневаться на Антония из-за князя Всеслава. И прислал Святослав за святым Антонием, чтобы увезти его ночью в Чернигов. Антоний же, придя к Чернигову, полюбил место, называемое Болдины горы; он вырыл пещеру и поселился тут. И доныне стоит тут на Болдыных горах, близ Чернигова, монастырь Святой Богородицы.

Феодосии же, узнав, что Антоний ушел в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и перенес его в келью свою, и ухаживал за ним. Был тот так расслаблен умом и телом, что не мог ни повернуться с боку на бок, ни встать, ни сесть, лишь лежал на одном боку, так что у него много завелось червей под бедрами из-за того, что он мочился и ходил под себя. Феодосии же сам своими руками обмывал и передевал его; и тот лежал так целых два года, и святой служил ему.

И это было дивное чудо, что в течение двух лет не брал он в рот ни хлеба, ни воды, ни овощей и никакой пищи не ел, ничего не говорил и лежал нем и глух два года.

Феодосии же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока больной на третий год не заговорил, и попросил поднять его на ноги, как младенец, и начал ходить. Но не стремился он в церковь пойти, и его насильно водили в церковь, и так мало-помалу стал он ходить в церковь. После этого начал он ходить в трапезную, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не брал его, они же вкладывали его ему в руку. Феодосии же сказал: «Положите перед ним хлеб, а в руку не вкладывайте: пусть сам ест». Он же не ел целую неделю, а потом понемногу огляделся и стал пробовать хлеб, и так выучился есть. И так избавил его великий Феодосии от козней дьявола и от прельщений его. И снова предался Исакий жестокому воздержанию.

Когда же преставился Феодосии и игуменом стал Стефан, Исакий сказал: «Ты, дьявол, прельстил меня, когда я сидел на одном месте, поэтому теперь не затворюсь я в пещере, а буду побеждать тебя благодатью Божиею, ходя по монастырю». И снова облекся он во власяницу, а на власяницу надел рубаху грубую и стал юродствовать. Он начал помогать поварам и трудиться на братию, и на заутреню приходил он раньше всех, и стоял твердо и непоколебимо. Когда же приспевала зима и наступали морозы лютые, то и тогда стоял он в протоптанных башмаках, так что часто ноги его примерзали к каменному полу, но он не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел он в поварню, разводил огонь, приносил дрова и воду, после чего приходили прочие повара из братии.

Один из поваров, также по имени Исакий, как-то сказал, насмехаясь: «Исакий, вот сидит ворон черный, — поди, возьми его». Он же поклонился до земли, пошел, взял ворона и принес его на глазах у всех поваров. И ужаснулись все они, видя это, и поведали игумену и всей братии, и после этого братия стала почитать его. Он же, отвергая славу человеческую, стал юродствовать и начал глумиться то над игуменом, то над кем-нибудь из братии, то над мирянами так, что иные даже били его. И стал ходить по миру, также юродствуя.

И поселился он снова в пещере, в которой жил прежде, — Антоний к этому времени уже умер, — и начал собирать к себе юных мирян и одевал их в монашеские одежды. И его били за это, — то игумен Никон, то родители детей этих. Блаженный же все это терпел, перенося побои, и наготу, и холод днем и ночью.

Однажды ночью затопил он печь в келье, в пещере, и, когда печь разгорелась, — а она была ветхая, — пламя стало вырываться вверх через щели, а заложить их ему было нечем, и встал босыми ногами на огонь, и простоял так, пока не прогорела печь, и сошел, не причинив себе вреда. И многое другое рассказывали о нем, а иное я и сам видел.

И такую силу взял он над бесами, что как мухи были они ему, ни во что не ставил он их страдания и наваждения. Он говорил им: «Если вы и прельстили меня в первый раз, потому что не ведал я козней ваших и лукавства, то ныне со мною Господь Иисус Христос, Бог мой, и на молитвы отца моего Феодосия надеюсь, и одержу победу над вами». Много раз пакостили ему бесы и говорили: «Наш ты, Исакий, потому что старейшине нашему поклонился». Он же говорил: «Ваш старейшина — Антихрист, а вы — бесы»; и осенял лицо свое крестным знамением — и исчезали бесы.

Иногда же снова приходили они к нему, пугая его видением, как будто пришло много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыпем его здесь»; иные же говорили: «Выходи, Исакий: хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если бы вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма и во тьме ходите»; и когда осенял себя крестным знамением, то они исчезали. Иногда же стращали его то в образе медведя, то лютого зверя, то льва, то вползали к нему змеями, или жабами, и мышами, и всякими гадами, и ничего не могли сделать ему.

И сказали: «О Исакий, победил ты нас!» Он же отвечал: «Когда-то вы прельстили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но не достойны вы были такового сана, а теперь вы являетесь в своем истинном образе, зверином и скотском, и змеями, и разными гадами, какие вы и есть на самом деле». И с тех пор не было ему никакой пакости от бесов, о чем он сам и поведал, говоря: «Три года была у меня с ними эта борьба».

Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. И так жил он, и пришел конец жизни его. Разболелся он в пещере, и перенесли его, больного, в монастырь, и проболел так до восьмого дня, и путем праведным отошел к Господу в добром исповедании. Игумен же Иоанн и вся братия убрали тело его, похоронив честно со святыми отцами в пещере.

Таковы были монахи Феодосиева монастыря, которые сияют и по смерти, как светила, и молят Бога за всех православных царей и князей, и за здесь живущую братию, и за всех работающих в доме Божьей Матери, и за мирскую братию, и за проходящих и жертвующих в монастырь, в котором и донныне добродетельной жизнью живут сообща, все вместе, в пении и молитвах, и в послушании, на славу всемогущему Богу и пречистой его Матери, соблюдаемые молитвами святых отцов Антония и Феодосия и всех преподобных отцов Печерских.

Да сподобит и нас Господь молитвами их избежать сетей ловящего нас дьявола и оказаться в том месте, где обретаются отцы Антоний и Феодосии. И призовем, братья, блаженных тех отцов и чудотворцев быть помощниками и молитвенниками к Господу Богу, чтобы не быть нам отлученными от преподобных тех черноризцев и отторженными от блаженного и святого того места, и не лишиться того, чтобы оно оставалось жилищем пренепорочной и пречистой Девы, как она сама обещала; да будем стремиться и

остальные дни жизни своей проводить в покаянии и угождении Богу. Да будет же всем нам милость получить жизнь вечную о Христе Иисусе, о Господе нашем, ему же слава и держава с Отцом.

ВОПРОС БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ ИЗЯСЛАВА О ЛАТИНЯНАХ. СЛОВО 37

Пришел однажды благоверный великий князь Изяслав, сын Ярослава, внук Владимира, к святому отцу нашему Феодосию, игумену Печерскому, и сказал ему: «Разъясни мне, отче, какова суть веры варяжской?»

Преподобный же отец наш Феодосии сказал: «Послушай, благочестивый князь, про то, о чем хочет узнать твое благородство, от нашего смирения.

Вера их вредная и уставления ее несправедливы: в Савелиеву веру и в другие многие ереси впади они и всю землю тем осквернили. Ты же, благоверный самодержец, остерегайся их. Ереси же их таковы: во-первых — икон не целуют; во-вторых — мощи святых не целуют; в-третьих — крест, на земле изобразив, целуют, а встав, попирают ногами; в-четвертых — в пост мясо едят; в-пятых — служат с опресноками; в-шестых — попы их крестят одним погружением в воду, а мы — тремя, мы мажем елеем окрещаемого и маслом, а они сыплют соль в уста, во имя же святых не нарекают, но как назовут родители детей, таким именем и крестят. Поэтому латинской веры следует остерегаться, обычаев их не держать, причастия у них не принимать и не слушать сказанного ими, потому что неистинно веруют они и говорят и нечисто живут. Едят с собаками и кошками, пьют свою собственную мочу, — зло это и проклятию подлежит, — едят черепах, и диких коней, и ослов, и удавленину, и мясо медвежье и бобровое. В первую же неделю Великого поста и во вторник разрешают есть мясо, и монахи едят сало, в субботу же постятся. Христианам же своих дочерей нельзя выдавать замуж за них, ни их дочерей брать себе в жены, нельзя с ними брататься, ни кумиться, ни целоваться с ними, и нельзя есть с ними и пить из одной посуды. Если же они попросят у вас, то дайте им, Бога ради, поесть, но в их посуде; если же не будет у них посуды, то можно дать в своей и потом, вымывши посуду, молитву сотворите. А о согрешениях своих они не у Бога просят прощения, а попы их прощают за мзду. Попы же их не женятся законным браком, но с рабынями блудят и церковную службу творят, не видя в этом греха. Епископы же их держат наложниц, и на войну ходят, и перстень на руке носят. Мертвецов кладут на запад ногами, а головою на восток и руки вдоль тела укладывают, очи же, уши и нос залепляют воском. И в жены берут сестер. И мертвому телу Господню служат, считая его мертвецом; мы же службу творим живому телу Господню, самого Господа видя сидящим справа от Отца, который судить придет живых и мертвых. Они ведь, латиняне, мертвые, потому что мертвую службу творят; мы же, живому Богу жертву чистую и непорочную приносим, вечную жизнь обретаем. Ведь так написано: «Каждому воздается по делам его». Пищи же их нельзя вкушать, ибо много в них злого и несправедливого. Развращена и гибельна вера их, ибо даже иудеи не делают того, что они творят. Многие же в Савелиеву ересь впади, которая сквернее и злее, чем вера любых других народов, потому что спастись от нее нельзя, а от языческих ересей можно. Латиняне и Евангелие, и Апостол имеют, и иконы святые, и в церковь ходят, но и вера их и закон ложные. Множество ересей всю их землю осквернили, потому что во всей земле только варяги. Великая беда из-за них правоверным христианам, которые с ними живут в одном месте. Тот же из христиан, который устоит перед ними, сохраняя веру в чистоте, станет перед Богом справа, радуясь; если же по доброй воле перейдет в их веру, то будет

стоять вместе с ними слева, плача горько. Нет жизни вечной живущим в вере латинской или мусульманской, или армянской, не будут они вместе со святыми в будущем веке. Веру же их хвалить нельзя: если кто хвалит их веру, то оказывается он хулителем своей; тот, кто начинает непрестанно хвалить чужие веры, отреченные от православного христианства, такой оказывается двоеверцем и близок он к ереси. Ты же, чадо, храни себя от таких деяний и не придерживайся их, но избегай их, свою веру всегда хвали и, по силе своей, подвизайся в ней добрыми делами. Милостив же будь, христоробец, не только со своими домочадцами, но и с чужими, и если видишь нагого, одень его, а если голодного или находящегося в беде, помоги такому. И если такой будет иной веры, еретик и латинянин, любому помоги и от бед избавь, тогда воздаяния от Бога не лишишься; Бог ведь сам всех питает, и поганых так же, как и христиан. О всех, и о язычниках, и о иноверных, заботится Бог, в будущем же веке лишены они будут воздаяния блаженных; мы же, живущие в правоверной вере, и здесь охраняемы Богом и в будущем веке спасены будем Господом нашим Иисусом Христом. Если кому-либо по вере сей святой придется Бога ради умереть, то не лишится он истинной веры, но умрет за Христа, ибо святые, сказано, за веру умершие, да оживут о Христе. Ты же, сын мой, если встретишь иноверных, с правоверными спорящих и обманом стремящихся отвратить от православной веры правоверных, ты же, истинно ведающий православие, не скрывай этого в себе, но помоги правоверным в их споре с зловерными. И если поможешь, то, как добрый пастырь, спасешь овец от пасти львиной; если же промолчишь, то все равно что отнимешь у Христа и предашь Сатане, и должен будешь о них ответ держать в день Судный. И если тебе скажет кто-либо: “И эту и ту веру Бог дал”, то ты ответь ему: “Кто ты такой, кривоверный? Считаешь Бога двоеверцем? Не слышал разве, окаянный и развращенный злою верой, что написано: “Так говорит Господь: един Бог, едина вера, едино крещение”. И так сказал Господь: “Подобает нам исполнить всякую правду”, и, все это исполнив, он снова взошел на небеса и учеников своих послал проповедовать во все концы вселенной. Как же ты, зловерный, столько лет держался православной веры, а ныне совратился на зловерие и учение сатанинское. Не слышал разве ты апостола Павла, говорящего, что если некие станут совращать вас и перетолковывать благовествование Христово, даже если ангел, сошедший с небес, начнет поучать вас иначе, не так, как мы известили вам, да будет проклят. Вы же отвергли проповедь апостольскую и святых отцов наставления, приняли неправую веру и учение, развращенное и исполненное погибели. Ради этого от нас изгнаны и отлучены, потому что нам с вами не годится ни жить, ни вместе причащаться, а вам присутствовать на нашей божественной службе, так как много у вас ересей».

О ПРЕСТАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ПОЛИКАРПА, АРХИМАНДРИТА ПЕЧЕРСКОГО, И О ВАСИЛИИ-ПОПЕ. СЛОВО 38

Преставился блаженный и преподобный отец наш Поликарп, архимандрит Печерский в 6690 (1182) году, в двадцать четвертый день месяца июля, в день святых мучеников Бориса и Глеба. И убрали тело его, и погребли честно с заупокойным пением, как он сам заповедал. После смерти же его начались раздоры в монастыре. После этого старца не могли иноки избрать себе игумена, и охватили братию скорбь, и горе, и печаль — ведь не подобает такому большому стаду ни единого часа без пастыря оставаться.

Во вторник же ударили в било, и вся братия собралась в церкви, и стали молиться святой Богородице. И вот что было удивительным — как едиными устами многие сказали:

«Пошлем к Василию-попу на Щековицу, чтобы был он нам игуменом и правителем иноческого стада Феодосиева монастыря Печерского». И, придя, все поклонились Василию-попу и сказали: «Мы, вся братия, иноки, кланяемся тебе и хотим, чтобы ты был нам отцом и игуменом».

Поп же Василий в великом изумлении, пав, поклонился и сказал им: «Отцы и братья, я о чернечестве только в сердце своем помышлял, ради чего же задумали вы меня, недостойного, поставить игуменом?» После долгих споров согласился он. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь, было это в пятницу. И приехал на пострижение его митрополит Никифор, и Лаврентий, туровский епископ, и Никола, полоцкий епископ, и все игумены. И постриг его митрополит Никифор своей рукой, и стал он игуменом и пастырем иноков Феодосиева монастыря.

Написана была сия книга, называемая Патерик Печерский, жития и чудеса святых и преподобных отцов печерских Антония и Феодосия и всех преподобных отцов печерских, повелением смиренного инока Кассиана, уставщика печерского, в 6970 (1462) году, индикта 10, в десятый день месяца апреля, в субботу святого и праведного Лазаря, друга Христа, на память святых мучеников Терентия и Помпия и других, пострадавших вместе с ними, в богоспасаемом городе Киеве, в царствующей обители пречистой Богоматери и преподобных наших отцов Антония и Феодосия, в Печерском монастыре, в пустыни святого и великого святителя и чудотворца Христова Николы Мирликийского, при княжении благоверного и христоролюбивого князя Семена Александровича, при печерском архимандрите Николе, молитвами святых преподобных отцов печерских Антония и Феодосия и святых всех чудотворцев печерских. Богу нашему слава во веки. Аминь.